

АЛИШЕР
НАВОИ

ЯЗЫК ПТИЦ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

علیشیر نوایی

لسان الطیر

АЛИШЕР НАВОИ

ЯЗЫК ПТИЦ

Издание подготовили
С. Н. ИВАНОВ и А. Н. МАЛЕХОВА

Перевод
СЕРГЕЯ ИВАНОВА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
1993

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

*Д. С. Лихачев (почетный председатель), В. Е. Багно,
Н. И. Балашов (заместитель председателя), В. Э. Вацуро,
М. Л. Гаспаров, А. Л. Гришунин, Л. А. Дмитриев,
Н. Я. Дьяконова, Б. Ф. Егоров (председатель), А. В. Лав-
ров, А. Д. Михайлов, И. Г. Птушкина (ученый секретарь),
И. М. Стеблин-Каменский, С. О. Шмидт*

Ответственный редактор

А. Н. БОЛДЫРЕВ

Н $\frac{4701000000-620}{042(02)-93}$ Без объявления

ISBN 5-02028082-8

© С. Н. Иванов,
перевод,
статья, 1993
© А. Н. Малехова,
статья,
комментарии,
1993
Российская
Академия наук,
1993

1

**ВО ИМЯ АЛЛАХА,
МИЛОСТИВОГО, МИЛОСЕРДНОГО**

Пой, о птица души, сокровенное слово,
Речь веди в прославленье творца всеблагого.

Он — создатель всех тварей, их плоти и тела,
Он и в тленном и в вечном — везде без предела.

Он пером созиданья начала начал
Сотворению мира чертеж начертал.

Девяти небесам дал он силу вращения.
Недоступными сделал их для постиженья.

⁵ Цветом ночи и дня небосвод он украсил,
Светом солнца и звезд даль высот он украсил.

На небесном персте, словно ноготь, луна,
А на нем полумесяца лунка видна.

Он движеньем планет наделил поднебесье
И в просторах небес дал земле равновесье.

Повелел — лик земной струи ливня омыли,
И очистил он землю от грязи и пыли.

Сушу, словно суда, поместил он в моря, —
Горы держат их, будто суда — якоря.

- ¹⁰ Он одел океаны тяжелою тучей,
Чтоб не вспенило солнце их лавой кипучей.
Мир добра он явил в своем благодном даре,
И в тоске захлебнулись подводные твари.
Дал он ливням весенним чудесную мощь,
И в жемчужницах перлы взлелеял тот дождь.*
Жемчугам дал он блеск, лишь сиянию равный,
Чтоб им быть украшеньем в короне державной.
Цвезть весне он велел под созвездием Овна,
Ночь и день на Весах были взвешены ровно.
- ¹⁵ Дал даханье Исы он рассветным ветрам,
Мертвый дол оживил, зелень вырастил там.*
Дивный блеск даровал он расцветшим полянам,
И сады засверкали в цветенье багряном.
Напоил он ветра благовонной струею,
И вскормил он деревья созревшей землею.
Он рассветы камфарной одел белизной,
В черный мускус украсил он сумрак ночной.*
Солнцу в полдень светить в вышине повелел он,
Быть светильником ночи луне повелел он.
- ²⁰ Сколько дива явил он в степях и долинах,
А еще, верно, больше — в подводных глубинах.
Он в степях быстроногих зверей сотворил,
А плавучих — стократ для морей сотворил.
Дал в степях он разбег ураганам летучим,
Дал бурление волнам он в море кипучем.
И навеки поссорил он пламень с водою,
Твердь земную и воздух сопряг он враждою.*
Те четыре стихии зиждитель всех сил,
Сотворив человека, в единстве явил.*

25 Сделал он человека вершиной творенья,
Нет в созданных земных человеку сравненья.

Кладезь мудрости в сердце его заключил он,
И в тайник тот свое существо заключил он.

Чудной тайны хранилище эта казна,
Талисманом творенья ей сила дана.

Талисман ты хранишь, тайну чтить величаво, —
О душа! Твоему сотворению слава!

Рассказать о сокровище тайн человека
Ни земле недоступно, ни небу от века.

30 Но явлен был и тот, кто, прияв сей тайник,
Тьмою злобы сгубил человеческий свой лик.*

Был и он среди тварей признаньем отмечен,
Тайников «Сокровенного» знаньем отмечен.*

Был увенчан от бога он высшим почетом,
Вознесен он судьбою был к горным высотам.

Создан избранным быть, он в величье таком
В сонме ангелов признанным стал вожаком.

В сонме ангелов чтимый, он люб был собратьям,
А отвергший его был покаран проклятьем.

35 Было так: среди джиннов и ангелов главный,
Над вселенной он властвовал волей державной.*

Долго — тысячи лет — он радетельным был,
Перед волей творца благодетельным был.

Ни единого места в природе не сыщешь,
И на всем голубом небосводе не сыщешь,

Где бы он преклоненья пред богом не ведал,
Где бы счастья в смиренье убогом не ведал.

И, познавши добра благодатную суть,
Он без думы о боге не мог и вздохнуть.

40 Но, познав единение с высшей святыней,
Преисполнил он душу и сердце гордыней.

Взор от дива того отрешив дерзновенно,
Он с собратьями уж не склонялся смиренно.

Не склонив головы, и с корыстью в уме,
Он увяз головою в позорном ярме.

Он связал себе шею повязкой собачьей,
Он сдавил себе сердце остражкой собачьей.

Стал он людям злодеем заклятым навеки,
Стал для веры врагом-супостатом навеки.

45 И до судного дня лишь беду ему знать,
И жестокою кару в аду ему знать.

Так вот доблестный муж, знавший высшую славу,
От гордыни поддался строптивому нраву.

И навеки проклятым презренный пребудет,
Грех его назиданьем вселенной пребудет.

Бог из горсточки праха создал существо,
Чудо чуд человеческий образ его!

И, явив себя людям сокрытою тайной,
Среди всех наделил он их властью бескрайной.

50 Но один за строптивость покаран был богом,
А покорный вознесся в величии строгом.

Одному — быть избранником бог повелел,
Быть другому изгнанником бог повелел.

Одному — жить навеки с поклятьем судил он,
А другому — быть другом собратьям судил он.

Кто бы что ни свершил — он все видит и знает,
Все, что есть, чего нет — это он совершает.

Людям мудрость его понимать не дано,
Человеку постичь ее не суждено.

- ⁵⁵ То деяньем зовут, что создатель содеет,
Только то — разуменье, что он разумеет.
Он один — падишах, не найти ему равных,
И сподвижников нет у него равноправных.
И всему, что создал, ты, творец, — сто похвал:
Кто бы что ни хвалил — он тебя восхвалял!
Ты один вездесущ, ты — живого услада,
Ты — единство и сила, и мощь, и отрада.
И единство, и суть — все в тебе воплотилось,
Ты — могущество, жизнь, милосердие, милость.
- ⁶⁰ Океан твоего милосердия широк,
Как бы волны грехов ни бурлили поток.

2

**МОЛЕНИЕ ПЕРЕД СВЯТЕЙШИМ ЗИЖДИТЕЛЕМ
БЛАГ О ПОСРАМЛЕНИИ ЕГО ПРОМЫСЛОМ
[НЕДОСТОЙНОГО РАБА] И О ПОВЕРЖЕНИИ [ЕГО]
ВО ПРАХ УНИЖЕНИЯ ЗА СТЫД СЕЙ**

О господь, я собою смущен беспредельно,
Изумлен и растерян, смятен беспредельно.*

Своеволием сломлен, гордыней отравлен,
От добра отрешен и злонравьем подавлен.

Опьянило мне душу роптанья вино,
И на сердце от власти пороков темно.

Сотни помыслов гордых мне злоба внушила,
И напала шайтанов несметная сила.*

- ⁶⁵ Сколько есть их — накинудись стаяй большою,
Разорили набегом мне сердце с душою.

Ах, я злую одну несравнимою звал,
Сам влюбленный, ее я любимую звал.*

Как от мук той жестокой бывало мне жутко:
Я от гнета стонал и лишался рассудка.

От огня ее уст жгло мне душу и тело,
От кудрей и от родинок — жизнь почернела.

От ее сладкоречья умолк мой язык,
Пред ее красотою мой разум поник.

⁷⁰ Счастье встреч, боль измен — это жизнь и могила,
Счастье дарит покой, боль меня погубила.

Но от боли измен я вином утешаюсь,
А от чаши свиданий я жизни лишаюсь.

Понял я: хуже смерти томленье разлук,
Губят душу стократ стоны бедствий и мук.

Только вспомню ее — жизнь засветит мне снова,
Все мечты — лишь о ней, нету в сердце иного.

В дни разлуки не дружен я с мыслью другою,
Ты ведь знаешь: я правду сказал пред тобою.

⁷⁵ Как жестоко в разлуке томленье мое!
Лишь о ней пред тобою моленье мое.

О аллах! Пусть я буду покаран презреньем,
Если разум мой предан столь низким молениям.

Тьмою ум мой окутан такую густою,
Что в глазах мне затмило весь мир чернотою.

Весь мой век все мольбы мои были чужды
Истым нуждам, о ты, сам не знавший нужды!

И ни разу не пал я во прах со смиреньем,
Чтобы пасть на меня не пристало каменьям.

⁸⁰ Я даянием нищего не удостою,
Не взгордившись тщеславно своей доброюю.

И твои имена я в себе не берег:
Только с помощью четок припомнить их мог.

Все деянья вершил я с корыстным расчетом,
Об утробе был суетным предан заботам.

Пусть ни в ком столько злобы вовеки не будет,
Даже в дьяволе — не в человеке — не будет!

За мои прегрешенья гнетет меня стыд,
Сердце мука терзает и скорбь леденит.

85 От раскаянья нет мне в сей жизни отрады,
Совесть лютая губит меня без пощады.

И от всех этих язв и пороков постылых
Отыскать исцеление сам я не в силах.

Не от умысла сих прегрешений вина,
Но и смертью карать тебе воля дана!

Если края-конца моим бедам не будет,
А тебе дар прощенья неведом не будет,

Милость бедам моим, исцеленье пошли мне,
Покаянье, слова наставленья пошли мне,

90 Милосердьем ко мне снизойди, добротой
И прощеньем греха моего удостой.

Доброты твоей светоч в душе ты зажги мне,
Все, что чуждо тебе, в сердце сжечь помоги мне,

Дух мой, скованный путами брэнного тела,
Отреш от любого злонравного дела,

Ибо птице души дальний путь предстоит,
Ей над садом мирским вдаль взглянуть предстоит.

Ведь и птица, взлетая в парении смелом,
Свой полет устремляет к наземным пределам.

95 Я молю: будь мне в каждом деянье советом!
Если ж я не сумею быть верен обетам,

Пусть меня осенил бы, от бед уберег
Тот, кого ты заступником грешных нарек!*

3

**БЛАГОСЛОВЕНИЕ ЭТОЙ КНИГЕ
ВОСХВАЛЕНИЕМ ГЛАВЫ ВСЕХ ПРОРОКОВ
И УКРАШЕНИЕ ЕЕ
ПОХВАЛОЮ ЗАСТУПНИКУ ГРЕШНЫХ ***

Он — глава всех пророков, посланник благого,
Он большому и малому — суть и основа.*

Даже прежде Адама он был уже сущим,
Был пророком, великие тайны несущим.

До творенья еще оставалось шесть дней,
А сиянье его рдело солнца сильней.

100 И за свет свой обрел он сторицею славу,
Возлюбил его бог, словно чадо, по праву.

Бог велел быть векам, беспредельно грядущим,
До того, как отец человеков стал сущим.*

А когда он был создан, его красота
Дивным светом пророка была залита.

С Евой быть ему богом даровано было,
И краса его солнце собою затмила.

А когда всеблагой Сифа в чада судил им,
Свет челу его послан был тем же светилом.

105 От него и на чадо их свет снизошел,
Был и к сыну их милостив света посол.

Стал союз их сокрытым величием дорог, —
Так жемчужница перлы таит между створок.

И они укрепляли друг друга в той силе,
А потом Абдуллаху то благо вручили.*

Он хранил на него снизошедший обет,
И в жилище его воссиял этот свет.

Из жилища его показалось светило
И сиянье пророчества миру явило.

¹¹⁰ То — не свет, это — тень от всевышней десницы,
Ярче солнца пределы ее и границы.

Знамя веры полуденным светом взвилось,
Мрак безверья пронзен был лучами насквозь.

Это солнце явила обитель святыни,
Чье величье превыше подоблачной сини.

И когда засияла звезда эта в Мекке,
Пали идолы ниц перед нею навеки.*

Кто не верил, разбужены были навек,
И они поклонились той силе навек.

¹¹⁵ Знамя веры взвилось выше облачных граней,
Меч закона взострился добром предписаний.

И благого пророчества твердая сила
Все народы в единый народ превратила.

Чудный промысел свет небывалый возжег,
Всю вселенную ярким сверканьем облек.

Нечисть идолов сразу во прах сокрушилась,
И неверным величье бога открылось.

Сделал внятной он веру в единого бога,
Возвестив ее людям достойно и строго.*

¹²⁰ И, прославивши единобожеством себя,
Возгласил он посланником божьим себя.

Став в сокровищах мира жемчужиной ценной,
Был он данным от господя благом вселенной.

Чада все, все супруги его непорочны,
И потомство, и слуги его непорочны.

Сто похвал и стократ восхваленья чиня,
Да пречтут его люди до судного дня!

Всем приверженцам верным его — восхваленье,
 Чадам, слугам примерным его — восхваленье!

4

**О ГОРНЕМ ПАРЕНИИ ПТИЦЫ АНКО
 В КАФОПОДОБНЫХ ВЫСОТАХ ПОСЛАННИЧЕСТВА
 И СОКРОВЕННОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ РЕЧАМИ ПТИЦ
 О ЕДИНЕНИИ С ИСТИННЫМ ВОЗЛЮБЛЕННЫМ ***

¹²⁵ В ночь, когда тот приближенный к небу властитель
 Был создателем в горнюю призван обитель,

Он покоился в келье своей потаенной,
 От заботы о мире земном отрешенный.

И дошел к нему духа всевышнего зов,
 И прорек ему весть сотворитель миров.

Длань господня наполнилась молнийным блеском,
 И его не сжигало в сверкании резком.

Дух возвал: «Ты к всевышнему близок душою,
 Люб ему ты — так будь с ним и плотью земною!

¹³⁰ Оседлай этот свет, что сияние льет,
 И да будет стезею тебе небосвод!»

Он воссел на коня по велению зова, —
 Было внятно, откуда исходит то слово.

И скакун благодатный вознес его в выси,
 И шаги его звоном небес отдалися.*

И вознесся до месяца бег скакуна,
 И от солнца того стала полной луна.

Стяг подняв до второй поднебесной лазури,
 Он, летя, осыпал жемчугами Меркурий.

¹³⁵ Конь его и до третьего взвился предела,
 И Венера ему песнопения пела.*

И пригнал скакуна он в четвертый чертог,
И сверкание звезд он сияньем облек.

И пустил он коня прямо к пятому слою —
Марс промчался, Юпитер прошел стороною.

И когда он пронесся с Юпитером рядом,
Блеск светила сиял ему благодным взглядом.

А к седьмому пределу направил он шаг —
И в сиянье господнем рассеялся мрак.

¹⁴⁰ И еще миновал он два неба сверх мрака,
И предстал ему купол высот зодиака.

И предстал ему Овен в том горнем полете,
И настиг он Тельца, словно лев на охоте.

И склонились пред ним Близнецы для услуг,
Даже Рак распрямился и двинулся в круг.

Лег к ногам его Лев, как собака, покорно,
И Колосья, как жемчуг, рассыпали зерна.*

И Весы равновесье душе его дали,
И отраву убил Скорпион в своем жале.

¹⁴⁵ Полумесяцем лук свой поставил Стрелок,
Золотою газелью предстал Козерог.

Водолей взял в речах его влагу живую,
И для Рыб в них журчали живящие струи.

И, почтивши созвездия эту славой,
Выше он устремил бег коня величавый.

И к небесному трону вознес он свой стяг,
На скрижали небес лился свет его благ.

И в бескрайнем пространстве небесном витал он,
Небеса полня ладом чудесным, витал он.

¹⁵⁰ И утихли возвестник и конь присмиривший,
Словно крылья у птицы, в пристанище севшей.

Радость сердца послали стихии ему
И разбили оковы мирские ему.

И с себя совлачил он одежды гордыни,
И огонь человечности рдел в нем отныне.

И с себя он совлек своелюбья тенета,
О других ему стала привычна забота.*

Ветер, землю и пламя с водой он забыл,
Где мое, где твое — мир мирской он забыл.

155 И обрел он прибежище в вечном чертоге,
И вели его к вечным пределам дороги.

Пало семьдесят тысяч завес — не осталось,
Покрывал и преград для чудес не осталось.

И когда сонм препятствий погубленным стал,
Сей избранник в тех высях возлюбленным стал.

И, взывая к аллаху, он пал у порога,
И в двух луках пространства увидел он бога.*

Вопль к аллаху исторг он всей жаркостью пыла,
И чему суждено было стать, то и было.

160 Взор его ослепило сияньем слепящим,
Мысль исчезла в сверканье, навстречу светящем.

Сан обрел он, неведомый людям от века,
Недоступный вовек естеству человека.

Тленной сути земной в нем тогда не осталось,
Своелюбия даже следа не осталось.

Тленной сути начало земное ушло,
Все, для благостной сути чужое, ушло.

И красу всеблагого узрел он очами,
В единенье проникся благими речами.

- 165 Девять на десять тысяч речений постиг он,
Славен в тысячи крат, стал сторицей велик он.
И за падших, за все их грехи он просил,
За деянья их, злы и лихи, он просил.
Что просил он — в предвечном чертоге обрел он,
И у бога искомое в боге обрел он.
И, сподобившись зреть упований свершенье,
Тих и благ, он вернулся с пути вознесенья.
Воссиял единеньем предвечный чертог,
И веленьем его мир устроиться смог.
- 170 В восхожденье он был, словно перл, просветленным,
А вернувшись на землю, стал морем бездонным.
Все постиг и узнал он в мгновение ока,
И мгновенно вернулся, вознесшись высоко.
И, вернувшись из горнего мира вершин,
Дал он этому миру порядок и чин.
Сколько нас — и заблудших, и грешных, и хилых, —
Страх нет в нас, доколе понять будем в силах,
Что такой вот заступник, высокий раденьем, —
И опора и щит нашим всем прегрешеньям!
- 175 О творец! В день, когда защитит нас пророк,
Всех, кого призовет он, прими в свой чертог.
Сто несчитанных тысяч заблудших и грешных
Да найдут его милость в щедротях нездешних.
И Фани да пребудет в их сонмище бренном,
Да не сделай его в милосердьи забвенным!*

5

**ВОЗВЕЩЕНИЕ ОБ ИСТИННОМ ПОВЕЛИТЕЛЕ
ПРАВОВЕРНЫХ АБУ БАКРЕ,
ДА БУДЕТ ДОВОЛЕН ИМ АЛЛАХ**

Друг султана пророков в благой его вере,
Он — второй из двоих, обитавших в пещере.*

Быть наперсником тайн удостоенный чести,
Был с пророком он в горе и в радости вместе.

¹⁸⁰ Он народам вселенной — глава и вожак,
Был он первым из первых радетелем благ.

Средь поборников правды радетелем был он,
Людям веры всегда благодетелем был он.

Был в пещере он другу опорой верной,
И за это тот дал ему имя «Пещерный».*

Он в пещере сокровище строго стерег —
Как дракон, что лежит у порога, стерег.

Он во мраке пещеры томим был страдою,
Но обрел там источник с живою водою.*

¹⁸⁵ Словно клад, он с божественным кладом в соседстве
Был сокрыт под развалом обители бедствий.

Пусть тогда ключ живой не забился пред ним, —
Ведь пока мир живет, он пребудет живым!

Если ж ногу змея поражает отравой,
Лишь живая вода полнит силою здоровой.

Он преемником блага был сделан пророком, —
Вместо солнца луна встала в небе высоком.

И когда светоч солнца пошел на закат,
Лунным светом стал дом правой веры объят.

¹⁹⁰ О творец! Пусть до судного дня это пламя
Не иссякнет сияньем, горящим в исламе!

ПРИТЧА

После смерти пророка отступники сворой
Полагая, что власти лишь он был опорой,

На пути правой веры затеяли козни,
Совершали набеги в пылу своей розни,

И опору ислама — подушный побор
Порешили навек отменить с этих пор.

И во гневе избранник изрек свою волю:
«Мы в законах пророка и малую долю *

¹⁹⁵ Изменить почитаем немислимым делом, —
Да предать посягнувших и саблям, и стрелам!»

Кто о благе закона душою радел,
Да найдет он в делах своих вечный удел!

Кто же мог совершить подвиг благодати верной?
Только он — Абу Бакр, по прозванью «Пещерный»!

6

**ПОВЕСТВОВАНИЕ
О СПРАВЕДЛИВОМ ПОВЕЛИТЕЛЕ ПРАВОВЕРНЫХ
ОМАРЕ, ДА БУДЕТ ДОВОЛЕН ИМ АЛЛАХ ***

Был пророку он другом в раденье примерном,
В справедливости — мужем, достойным и верным.

Зло с добром различающий праведным оком,
Свет он лил и над западом, и над востоком.

²⁰⁰ Равных благодатью не было в мире вовек,
Не бывало в подоблачной шири вовек.

Блюл законы он — шаху пророков подмога,
Справедливость и веру он пестовал строго.*

От щедрот его все получали досыта,
А себе растирал он кирпич вместо жита.

Благу мира всего тех высот не достичь:
Клал на место, как зодчий, он каждый кирпич.

Плоть смирял он в молитвах благого почина,
Ради истины мог он убить даже сына.

205 И михраб, и минбар верой правою рдели,
Его правды лучи над державою рдели.*

Меч его в кущи сада закон превратил,
Стан неверных в развалины он превратил.

Снял венец с побежденных во гневе он скором,
А владык нечестивцев обрек он поборам.

Пал Иран усмиранный, покорен победам,
Городам тех земель стяг арабов стал ведом.*

Дал сподвижникам он все добро тех владык, —
Дом безверия гнев правоверных настиг!

ПРИТЧА

210 Как-то войско его Мадаин захватило,
И казну как добычу дружин захватило.*

Сколько лет и веков и в труде, и в печали
Клад сокровищ султаны в казну собирали!

Все богатства забрав, их сложили пред ним,
Обозреть их — рассудок бессильем томим!

Не взглянув на добычу и краешком ока,
Повелел он в казне сохранять все до срока.

Мол, воителям это не будет в подмогу,
Если каждому в руки раздать понемногу!

- ²¹⁵ Кем поступок сей праведный мог быть свершен?
Лишь Омаром, такой утвердившим закон!

7

**ПОХВАЛА СВЕТОЧУ
И ПОВЕЛИТЕЛЮ ПРАВОВЕРНЫХ ОСМАНУ,
ДА БУДЕТ ДОВОЛЕН ИМ АЛЛАХ ***

Был он кладезем скромности, светочем взгляда,
И в очах его рдела для света услада.

Кладезь верности, клад с драгоценной добычей,
Море кротости, скопище высших отличий!

Был как шейх, как имам он Мединою чтим
И, преемник двух шейхов, наследовал им.*

Был он божьим веленьем сбиратель Корана,
Людом прозван Османом он, сыном Уффана.*

- ²²⁰ Дух святой в откровенье послал божье слово —
Дар пророчеств заступника грешных благого.

И от срока того до Османовых дней
Было скрыто то слово в темнице скорбей.

Все стихи, что хранили арабы в достатке,
Он собрал, повелев их устроить в порядке.

Суры вписывать правильным чином велел он,
Быть всей книге диваном единым велел он.*

То свершенье прославить сумело его,
Благ народ, что наследует дело его!

- ²²⁵ И кому ж бог судил долю выше и чище —
Дважды свет его зрило Османа жилище! *

ПРИТЧА

Говорят, что однажды пророк справедливый,
Воссиявший народу звездой счастливой,*

Удалился от ждавших его на пороге
И сидел, отдыхая и вытянув ноги.

И входило к нему много знатных друзей —
И почтенных, и славой высоких людей,

Но в покое благого ничто не менялось,
И блаженная нега его продолжалась.

230 Но едва показался Осман на пороге,
Он втянул под себя отдохавшие ноги.

Кто стыдливость и совесть в себе сохранит
И в ответ получает и совесть, и стыд.

Кто бывал у пророка в таком вот почете,
Тот достоин хвалы, что о нем ни речете!

8

**О БЛАГОСЛОВЕННОМ
ПОВЕЛИТЕЛЕ ПРАВОВЕРНЫХ АЛИ,
ДА БУДЕТ ДОВОЛЕН ИМ АЛЛАХ ***

Жемчуг святости в море премудрых познаний
Средь людей он алмазом был редкостных граней.

Был пророку пророков он преданным чадом,
Из людей никого не поставит с ним рядом.

235 В Мекке идолов руша со сводов, пророк,
Встав на плечи Али, их на гибель обрек.

А когда провозвестник бежал от злодеев,
Он приял его место, защиту содеяв.*

Его слава равна славе целой вселенной,
Он, учил: «Лишь в законности — смысл сокровенный».

Он — эмир правоверных, их веры обет,
Он — имам достославных, хранящих завет.*

Он — вершина пророков в твердыне познания,
«Драгоценный Али» ему дали прозвание.

240 Конь его, словно молния, пламенем тронут,
И в крови от меча его недруги тонут.*

Был он светоч пророчества в правой борьбе,
Говорил он: «Мы братья, ты — мне, я — тебе».

Плоть его удостоилась чести по праву,
Кровь его обрела неизбывную славу.*

Лев предвечных лесов был грозой всей округи,
Львы другие пред ним трепетали в испуге.*

И когда нечестивцы давали отпор,
Клич его звал в поход против вражеских свор.

245 Был он сыном и ветвью из сада пророка,
И его сыновья — тоже чада пророка.*

ПРИТЧА

Говорят, как-то в битве сей шах справедливый,
Был негаданно ранен стрелой нечестивой.

И стрела та в кости преглубоко засела,
И извлечь ее было нелегкое дело.

И когда сообщили пророку ту весть,
Благодатнейший благоволил произнестъ:

«Постарайтесь извлечь ее, вытащив сразу,
В час, когда он предается святому намазу.*

250 Наконечник застрял в этой ране, наверно, —
Много вам нужно будет стараний, наверно.

Он во время молитв от всего отрешен,
Даже боли тогда не почувствует он».

Как велел им тот светоч служения богу,
Так и вышло — послал им создатель подмогу.

Шах, кончая молитву, взывал к божьей воле,
Видит — нету стрелы и не чувствует боли.

И когда он спросить о случившемся смог,
Он узнал, что друзьям шах пророков предрек.

255 Лев господень вознес восхваления снова,
И сказал он, в чем этого дела основа:*

«Упасться от стрелы — кары смертного срока —
Невозможно иначе, как волей пророка.*

От печалей спасение нам — от него,
Даже жизни свершение нам — от него!»

9

**ХВАЛА И ВОСХВАЛЕНИЯ
ШЕЙХУ ФАРИД-АД-ДИНУ АТТАРУ — ВЛАСТИТЕЛЮ
БЛАГОРОДНЫХ И ДОСТОЙНЕЙШЕМУ ИЗ СВЯТЫХ,
ДА ОСВЯТИТ ГОСПОДЬ ДУХ ЕГО,
И МОЕ СМИРЕННОЕ МОЛЕНИЕ О НЕМ ***

Все, что в небе и в море на дне сохранялось,
У Аттара сторицей в казне сохранялось.

В море мыслей его от небесных сияний
Рдели звезды-алмазы сверканием граней.

260 Там рубины и яхонты, ночь озарив,
Зажигали рассвета багряный разлив.

Перлы слов его — камни, что посланы роком:
Сокрушало бессильных их грозным потоком.

Там рубины — пластом, землю кроющим кровью,
Как пролитой всесветным побоищем кровью!

Ту казну описать силы я соберу,
Эта цель не по силам простому перу.

Зло невежества — вот в чем беда человечья,
От него — и злонравье, и в душах увечья.

265 Чтобы сгнула скверна погибелью черной,
Есть в запасах Аттара шербет животворный.*

Амбра есть там и мускус, сандал и шафран,
Чтобы гибли невежества смрад и дурман.*

Там в садах изобилья цветут ароматы —
Все стократную пользу людям богаты.

Там от сладких речей, полных медом с халвою,
Сердце мертвое полнится жизнью живою.

Там в деяньях и помыслах — сахар и мед,
Потерявшим надежду — надежный исход.

270 И стихами и прозою много писал он, —
Все о тайнах единого бога писал он.

Сахар с розами слил он в нектаре медовом
И народу служил своим сладостным словом.

Сколько он описал человеческих бед!
Сотням мук и терзаний души дал совет.

Речь его мукам сердца защитой стала,
Радость жизни для сердца открытой стала.

Все писанья указаны волей всевышней,
Чтоб перо не спозналось с натугой излишней.

275 Он сокрытым божественным тайнам учил,
Он народ их значеньям потайным учил.

А когда возвестил он свой «Сказ о верблюдах»,
Караван его слов засверкал там в причудах.

Сколько тысяч верблюдов — не видно им края! —
С ценной ношею шли, еле-еле ступая.

До бездонных глубин в море он доставал,
Жемчуга там для шахских корон доставал.

И из созданных им для корон украшений
Было каждое многих богатств драгоценней.

280 В степь касид гнал он быстрый табун лошадиный —
Каждый бейт там ложился цветущей долиной.*

Было в каждой долине сто редкостных стран,
И в любой — многих тысяч чудес океан.

А когда, как сады, расстилал он газели,
На сто тысяч ладов соловьи там свистели.*

Но светлей и торжественней каждого лада
Пела тайн всеединого бога услада!

А четыре строки рубай — чудеса,
Обитаемой четверти мира краса!*

285 В море мыслей их, словно деленном на звенья,
Скрыты разных земель и пространств отраженья.

А когда «Тазкира» сотворенным он сделал,
Дух почивших святых просветленным он сделал.*

Просветленье их душ сотни сгубленных тьмою
Воскрешало как будто водою живую.

Всем твореньям его да воздастся по чести,
Но меж них «Речи птиц» — на особенном месте.*

Он включил туда разные притчи о птицах —
Разных речью и словом, в судьбе разнолицых.

290 Лишь великий знаток языков их поймет, —
Кто, под стать Сулейману, толков — их поймет.*

Речи ста тысяч птиц описать было трудно,
Каждой дать свой язык — вот поистине чудно!

Всех отметил он голосом птичьим чудесным,
И в уме и в безумстве отличьем чудесным.

Я — смиренный твой раб, помоги мне, господь,
Шейху следуя, робость в себе побороть.*

Мне, сказанье о птичьих реченьях слагая,
Взять бы лад соловья, сладость слов попугая.

295 У людей тоже принято в пении сладком
Языком своим следовать птичьим повадкам.

Если ж речь повести, как ведет попугай,
Это будет во благо, но, как ни гадай, —

Ведь душа попугая лишь сладостям рада,
И судить если здраво, то эта услада —

Только в милостях благ из господнего дара,
Сохраненных бесценной казною Аттара

10

**СБОРИЩЕ ПТИЦ И ССОРЫ ИХ
О ГЛАВЕНСТВЕ И ПОДЧИНЕНИИ**

Как-то птицы лесов и садов послетелись,
Из пустынь и с морей и прудов послетелись.

300 Вместе все собрались на просторной лужайке,
Пестрым сборищем сели, разбившись на стайки,

Чтобы в играх на разные петь голоса,
Порезвиться на воле и взмыть в небеса.

Но порядка и чина не ведали птицы,
Как рассесться им чинно — не ведали птицы.

Попугаев теснили сорочьи оравы,
Соловьям угрожали вороньи забавы.

Птичий сброд, стаю соколов вбок отодвинув,
Всех отталкивал дальше, тесня и павлинов.

305 Оказался достойный обижен несносным,
И простые расселись в ущерб венценосным.

Благородные сами предались раздорам, —
Где уж слушать их сброду, привычному к ссорам!

Небывалая тут суматоха пошла,
И сумятица переполоха пошла!

За раздором раздор, землю криками края,
Сеял смуту вражды среди птичьего роя.

И когда разыгрались и злоба и страсти,
Стало ясно, что надо подумать о власти.

310 Нужен птицам правитель, разумный в делах,
Справедливый и добрый властительный шах,

Чтобы не был достойный зловредным обижен,
Добродетельный не был бы подлым унижен.

В каждой стае сошлись на решение согласном,
Чтобы шах был разумным, и мудрым, и властным.

Нет таких! В птичьем сборище — боль и печаль,
В каждой стае о собственной доле печаль.

Птичье пенье исполнилось скорби и страха, —
Все отчаялись выбрать достойного шаха.

315 Горе в птичьи сердца свои крылья простерло,
Словно каждой из птиц перерезали горло.

11

**О ТОМ, КАК УДОД ПОВЕДАЛ О СИМУРГЕ,
КОГДА ПТИЦЫ, НЕ НАЙДЯ СЕБЕ ШАХА,
БЫЛИ ОБЪЯТЫ СМЯТЕНИЕМ ***

Был Удод удостоен премудрости светом
И увенчан венцом, как корона надетым,

Был отмечен почетом, высоким и славным,
И венцом, словно нимбом высокодержавным.

Горних тайн удостоенный, как Джебраил,
Он в высотах господня престола парил.*

Он явился средь сборища, как одержимый, —
Мотылек, в жаре правды и света палимый.

320 «К-эй, невежды, — сказал он, — безумное стадо!
Ваше сердце суетам невежества радо.

Шах ведь есть, но не мог его разум ничей
Описать даже сотнею тысяч речей.

Он — властитель пернатых всего мироздания,
Все он знает про вас — вашу жизнь и деянья.

Он всегда рядом с вами, незрим и неведом,
Вы не с ним — он при вас вездесущим соседом.

В его перьях — ста тысяч цветов перелив,
Сто узоров, и каждый чудесно красив.

325 Разум сникнет пред тем изобильем узорным,
Но неведение это не будет позорным.

Пред его совершенством бессилен и разум:
Ведь рассудок не может постичь его разум.

А владенья его Каф-горою зовут,
А его птицей Анко порою зовут.

А Симург — его имя, известное всюду,
На земле и под ширью небесною — всюду!

Быть вдали от него — так судьба вам сулила,
Он же тут, возле вас, будто шейная жила.*

330 Что за жизнь, если нет его рядом с собой?
Лучше смерть, чем мириться с такою судьбой».

**О ТОМ, КАК ПТИЦЫ ВОЗРАДОВАЛИСЬ,
КОГДА УДОД РАССКАЗАЛ ИМ О СИМУРГЕ,
И КАК ОНИ ВЫСКАЗАЛИ СВОЕ ОДОБРЕНИЕ**

Взбаламутились в то же мгновение птицы,
Вкруг Удода столпились в смятении птицы:

«К-эй, уста твои сладки, и речь твоя складна,
И душе стало легче, и сердцу отрадно.

Гостем принял тебя Сулейман в свой чертог,
Дар пророка тебе ниспослал сам пророк.*

Он тебя отличил и к служенью призвал он,
Быть в пути с ним под высшею сенью призвал он.

335 Дал тебе он напутствие к горним высотам —
Ты достиг поднебесья высоким полетом.

Сулейману во всем ты сподвижником был,
Как избраннику божьему сам Джебраил.

И, допущен к беседам и высшим послугам,
Ты ему был в торжественных бдениях другом.

А когда о Билькис он испрашивал вести,
Быть гонцом он тебя удостаивал чести.*

Ты любви ее благовестителем был,
А в печалях ему утешителем был.

340 Вот с каким провозвестником дружбу водил ты,
Вот кому утешеньями службу служил ты!

Где бы ни был он — в граде, в безводной степи ли, —
Твои крылья ему сенью верною были.

Сотни тысяч пернатых парили над ним, —
Этой сенью с ним вместе и ты был храним.

И тебе на пирах быть соседом велел он,
Другом быть его тайным беседам велел он.

Бог возвысил тебя над породою птичьей,
Дал расцветку и перья особых отличий.

345 Мы ж — заблудшие, мог бы совет ты нам дать,
Как нам тайн того шаха постичь благодать?

И про сущность его нам рассказ ты повел бы,
Как вожатый под сень его нас ты повел бы!

В тьме неведенья гибнуть не дай ты нам, грешным,
Ты не дай нам погибнуть во мраке кромешном.

Если ж ты нас о тайнах его просветишь
И даруешь сердцам нашим благодать и тишь,

Если всем нам, невежества мраком объатым,
В наших поисках шаха ты будешь вожатым,

350 Если наши мечты не погибнут напрасно,
Мы тебе благодарными будем всечасно».

13

**О ТОМ, КАК УДОД
РАССКАЗАЛ О СВОЙСТВАХ СИМУРГА
В ОТВЕТ НА ПОЧТИТЕЛЬНЫЕ ПРОСЬБЫ ПТИЦ**

Речь Удода как будто нектар источала,
А дыхание — сладость, как дар, источало.

Видит он: сонм пернатых тревогою полон,
И тогда речь такую пред ними повел он:

«Все, что знаю о нем, слово в слово скажу,
Что из тайн я постиг дорогого, — скажу.

Но сказать — лишь полдела, от вас я не скрою:
Суесловье — не путь единенья с мечтою.

355 Шах и сущность его велики беспредельно,
Ваша цель и пути далеки беспредельно.

«Расскажи нам о шахе», — я слышу от вас,
Мне ж и в тысячу лет не закончить рассказ!

Суть его недоступна познанию земному,
А вот имя его нужно помнить любому.

Если влаги живящей касаешься с жаждой,
Счет ведешь не глотками, а капелькой каждой.

Каждый раз, как язык увлажняет уста,
Да вспомнят то имя, чья суть не проста!

360 Шах велик, и чертог его полон величья:
То величие вовеки не в силах постичь я,
Как же выразить высшую суть я посмею,
Как же немощным словом дерзнуть я посмею?

Но уж если у птиц есть желанье сейчас,
Чтобы я о том шахе повел свой рассказ,

Я о сути его, хоть и в тысячной доле,
Разных мыслей вам выскажу тысячи боле.

Он ведь наш повелитель, над шахами шах он,
Все доподлинно знает о наших делах он.

365 Суть едина и образ один у него,
Больше тысячи свойств и личин у него.

Все они, где природа жива, проявились,
Все в единстве его существа проявились.

Никому не вздохнуть ни единого раза,
Если нет на то воли его и приказа.

То вздымаясь над вами, то падая вмиг,
Он в деяньях бывает и мал и велик.

Пестр он перьями — тысячи пестрых пушинок,
В каждом перышке — тысячи тысяч ворсинок.

370 С трудной думой он встретится или с простою,
Его мудрость и ум — в океан широтою.

Он вам жизнь буйной силой своею открыл,
В поднебесье вспарили вы взмахами крыл.

Алой крови поток в ваших венах — он, знайте.
И душа в вашем теле и членах — он, знайте.

Даже ближе души он для вашего тела,
Близок так, что уж ближе и нету предела.

От него вы на тысячу лет далеки,
Даже так, что уж дальше и нет, далеки!

375 И душа для того, кто не с ним, бесполезна,
Жить тому, кто душой не храним, бесполезно!

Если ж будет желанное познано вами,
Это — лучше владения всеми мирами.

А разлука — что смерть. Восемь райских садов
Будут хуже, чем ад и его семь кругов.*

Но найти его запросто, вдруг — невозможно,
Без труда, без терпенья, без мук — невозможно.

К цели двинешься — тысячи бедствий приспели.
А ведь цель не познаешь, не ведая цели.

380 Бесконечная даль — в ту долину идти,
И лихие опасности будут в пути.

Жить без отдыха надо в парении смелом,
Даже если бессмертие будет уделом.

На пути будут реки с водою кровавой,
Да не с кровью, а с ядом, со жгучей отравой!

Там хребты вознесли к небесам острия,
И по каждому крови стекает струя.

И повсюду пустыни — бескрайнее пламя,
И огонь прямо в небо взвился языками.

385 Там леса угрожают пришельцу враждою,
Ветви злобой чреватые, а листья — бедою.

Там по небу тяжелые тучи кружат,
И не ливень из них, а камнями град.

Сонмы молний в падении огненно-ярм
Опаляют весь мир и сжигают пожаром.

Там скиталец ночлег в непогоду не сыщет,
И вовеки ни пищу, ни воду не сыщет.

Сотни тысяч пернатых, покинув свой кров,
Бились крыльями в небо десятки веков.

390 Но никто не бывал в том пределе доныне,
И никто не достиг этой цели доныне!

Но отдавшему жизнь в этой доле исканий
Смерть — ста жизнью прекрасней, бессмертья желанней.

Сколько птиц в цветнике всего мира — везде,
Сколько их ни найдется — в полете, в гнезде, —

Звать их в сад отрешенья проворнее надо,
Указать им дороги их горние надо.*

А погибнут в дороге к долине забвенья
За того, кто не ведал доныне забвенья, —

395 Это лучше, чем ста тысяч жизней тщета,
Этой смерти — бессмертье и то не чета!

Если счастье в судьбе им радетелем будет,
Если рок их вести к добродетелям будет,

Если путь их проляжет в бескрайной пустыне,
Где ни счастья, ни радостей нет и в помине,

Но дано им обрести процветающий дол,
Где бы сонм их навек единенье обрел, —

Да пребудут при шахе под благодистой сенью,
Да сподобятся вечному с ним единенью,

400 Да найдут свой приют на небесном престоле
И да вступят под сень Гумаюновой воли!»*

14

**О ТОМ, КАК ПТИЦЫ СПРОСИЛИ УДОДА
ПРО ЯВЛЕНИЕ МИРУ СИМУРГА**

«К-эй, вожак наш! — все птицы согласно вскричали, —
Расскажи все по чину, что было вначале?

Кто султан тот — властитель над войском пернатым,
Как явился он миру, как стал он вожатым?

Кто видал его облик, деянья его?
Кто познал его суть и названья его?

Где пути его странствий? Поведай об этом!
Что подвластно приказам его и запретам?

405 Ты поверг нас в смятенье чудесным рассказом,
Тут и сто мудрецов потерять могут разум!»

15

**ОПИСАНИЕ ГОРОДА КИТАЯ И РАССКАЗ О ТОМ,
КАК ТУДА УПАЛО ПЕРО СИМУРГА ***

«В дни иные, — поведал Удод птичьим стаям, —
На востоке был город, он звался Китаем.

Нет, не город! То был целый мир без предела,
Словно десять миров, там народу пестрело!

А страна там прекраснее райских садов,
А вода там чудеснее райских прудов!

Как-то ночью властитель всех гнезд в этом мире
Пролетал над вселенной в подоблачной шири,

410 И полет его горний пролег над Китаем —
Над страну, что схожа по прелести с раем.

Вдруг сияньем залило полночную тьму,
И народ беспредельно дивился тому.

Это шах тот перо обронил, пролетая,
И оделись в сиянье пределы Китая.

То перо было пестрым, с чудесным узором, —
Если все описать, слово будет нескорым.

И наутро народ вновь обрел свой покой,
Но дивился перу и расцветке такой.

415 То перо разожгло любопытство к узорам,
Каждый стал в рисованье умелым и спорым.*

И от этого всем им — и детям, и взрослым —
Дар был послан к художествам, к дивным ремеслам.

Был один человек там уменьем высок —
В живописном искусстве великий знаток.*

Его имя — Мани, а пером — чудодей он,
Дар его был великою славой оваян.*

Правду пишут мужи разуменья, считая
Манихейскую мудрость твореньем Китая.*

420 То перо и сейчас озаряет Китай,
Словно гурия светлым сиянием — рай.

Вот как было. И стало перо благодатью,
Недоступной вовеки людскому понятию.

Лишь увидят его — и утратят дар речи,
И ни слова не могут промолвить о встрече.

И никто не поведал о нем до сих пор:
Становился невидящим видевший взор.

Все перо — из ворсинок, и нет в нем иного,
В этом свойстве, пойми, — его суть и основа.

425 Потому и несметны его проявления,
А владельца пера неизбывны свершенья.

Пестрым краскам пера беспредельность дана,
И ведущий нас всем им нарек имена.

О путях его странствий неведомы вести,
Но повсюду он сущ — каждый миг в каждом месте.

Наша воля его повеленьям подвластна,
Ослушанье — стократною карой опасно.

Для покорных надежда — свидание с ним,
А строптивый и страхом, и мукой томим.

⁴³⁰ Нет страны, где такой же властитель у власти,
Жить с ним розно — сто тысяч невзгод и несчастий».

Он умолк, и, с тревогой и криком летая,
Всполошилась в волненье пернатая стая.

16

**О ТОМ, КАК РАССКАЗ УДОДА О СИМУРГЕ
И ОГОНЬ РВЕНИЯ
ВОСПЛАМЕНИЛИ СЕРДЦА ПТИЦ**

«Эй, вожак наш, — вся стая Удоду сказала, —
В разлучении с шахом нам жить не пристало.

Пусть он будет и нами как шах почитаем, —
Мы теперь ведь о нем уже многое знаем.

Но в неведение мы, как в оковах, живем,
Мы в разлуке с ним в муках суровых живем.

⁴³⁵ Лучше смерть, чем в невежестве гибнуть всечасно,
Кто разумен, тому наше бедствие ясно.

Раз уж ты между нами назвался вожатым,
Нашей просьбе внемли, помоги ты пернатым.

Благосклонен к смиренным просителям будь,
В наших странствиях нам предводителем будь.

Мы на поиски шаха пуститься готовы, —
Со слезами восторга все птицы готовы.

Мы увидать его одержимы желаньем,
Не отступим от поисков и не устанем.

440 Будем крыльями бить и сильней, и быстрее,
Одолеем просторы пустынь и морей.

Или путь проложить мы к желанному сможем,
Или души и жизни за это положим!»

17

**О ТОМ, КАК УДОД ОДОБРИЛ РВЕНИЕ ПТИЦ
И ВЫСКАЗАЛ ИМ СВОЕ ПООЩРЕНИЕ**

И сказал им Удод, радость в сердце питая:
«Ваша речь мне по сердцу, о падшая стая!

Если нам небосвод обещает подмогу,
Если все вы готовы в такую дорогу,

Я готов, сколько рвеня есть у меня,
Сколько сил и умения есть у меня,

445 Быть всегда вместе с вами в великом и в малом
И вести вас по всем перепутьям-привалам.

Будет трудно в пути — я подмогой вам буду,
И утехой в печалях дорогой вам буду.

Если вы на пути попадете в беду,
Вас избавить от горя я средство найду.

Что ни встретите — радость ли, злую судьбину,
На мгновение даже я вас не покину.

В перелетах беречь вас надежно я буду,
На ночлегах вам стражей надежно буду».

450 И когда он у птиц их решенье узнал,
Много высказал им он великих похвал.

И на сборище, к высшим свершеньям готовом,
Обратился ко всем он с восторженным словом:

«Вы взыскуете тайны познания вселенной!
Сам ваш облик глаголет о тайне бесценной.

Где началом природы был рай осиян,
Не об этом ли вечность слагала дастан? *

К тайнам шаха отныне причастны вы стали,
Меж собою в той тайне согласны вы стали.

⁴⁵⁵ Ваши песни поются в его прославленье,
И дастаны — величья его восхваленье.

Речь его — ваша пища, и мысль — ваша снедь,
А без речи и мысли его вам не петь!

Он внушил вам все сущее, дал все, что надо,
Но сокрыл этот светоч от вашего взгляда».

И когда в птичьем сборище вспыхнула смута,
Каждый был словно странник, лишенный приюта.

К сокровенному саду был путь им закрыт,
И заветный их помысел был позабыт.

⁴⁶⁰ В сад вселенной дорогу им сделал открытой
Тот, кто бренную землю им сделал защитой.

«В этой бренной обители так уж случилось,
Что не тешат сердце ваших благость и милость,

Если ж бог доведет, вам помочь я смогу,
И с желанным свести вас воочью смогу.

Это странствие бедами будет чревато,
Но за них вам сердце очищение — отплата.

Одолеее путь — и победа приспела.
Будут чистыми души, а с ними и тело.

⁴⁶⁵ Светоч счастья возблещет, куда ни взгляни,
И настанут для вас единения дни.

А познаете шаха дерзанием смелым —
И для душ ваших вечность да будет уделом.

Вы спознаетесь в странствиях с трудной судьбою,
Но увидите шаха в единстве с собою».*

ОБРАЩЕНИЕ УДОДА К ПОПУГАЮ

«Попугай сладкогласный, ты песню пропой нам
Рассудительной речью, напевом достойным.

О взыскующий шаха! В зеленом халате
Будь ты Хызром в пути для заблудших собратий.*

470 Поначалу о родине нам расскажи,
Нас порадууй, потешься и сам, — расскажи!

Ты сроднился с отчизной своей — Индустаном, —
С шахским садом, прекрасным в цветенье багряном.*

Любо жить тебе баловнем в сладостных кущах,
Сладок звук твоих песен, о неге поющих.

Удостоен сидеть ты на шахской руке,
Отзвук шахских речей — на твоём языке.

Ты с чужбины к далекому саду собирайся,
В дальнем доле изведать усладу собирайся».

ОБРАЩЕНИЕ УДОДА К ПАВЛИНУ

475 «Покажи нам, Павлин, свой цветник сокровенный,
Ты яви нам свой блеск — изумленье вселенной!

Над твоей головою — корона главенства,
Красота твоих перьев — само совершенство.

Ты великой красы в оперенье достиг,
Описать твою прелесть — немеет язык.

Твоему существу подобает величье,
Твоему естеству — совершенство в обличье.

Но забыл ты приют свой в отчизне далекой,
Блещет шахский цветник в красоте одинокой.

480 Но смотри, тот прекрасный цветник не забудь,
Прутья гнусной темницы сумей разомкнуть.

И о пиршествах шахских напевы слагая,
Воспари к цветникам сокровенного края!»

ОБРАЩЕНИЕ УДОДА К СОЛОВЬЮ

«Соловей! О певец, вдохновляемый страстью!
Звонкой песней залейся, внушаемой страстью.

О любви запоешь ты залиvistым ладом —
Все безгласные внемлют звучащим уладам.

Шахский сад опьяняет тебя красотой,
И вкушаешь ты страсти пьянящий настой.

485 Лишь оденутся розы пылающим цветом,
В твоих перьях то пламя зардеет отсветом.

А вдали от садов твоя песнь онемела,
Стало пеплом от жара разлуки все тело.

В голубых небесах к дальним странам лети,
В даль к возлюбленным розам багряным лети.

Сотни роз в цветнике рдеют пламенем ярим,
Рдеют тысячи искр в твоём сердце пожаром».

ОБРАЩЕНИЕ УДОДА К ГОРЛИЦЕ

«Спой нам песню, о Горлица сада вселенной,
Дай услышать в ней отзвуки лада вселенной!

490 Пусть пернатые стаи в смущении смолкнут,
И в бессилье, услышав то пение, смолкнут.

Пестрый венчик на шейке твоей — амулет,
Рассказать о нем — слов восхищения нет.

Ты в любом цветнике — удивление птицам,
Твои перья окрашены кровью и прахом.

Запоешь ты — и стоном тоскливым застонешь,
И безумно влюбленным призывом застонешь.

А припомнишь любви очарованный сад, —
Голос твой словно трепетной негой объят.

⁴⁹⁵ Не зачахни в печалях, порадуй нас вестью,
Что летишь к дальним кушам, вспарив к поднебесью».

ОБРАЩЕНИЕ УДОДА К КУРОПАТКЕ

«Куропатка из дальней нагорной долины!
От печали глаза твои — будто рубины.

Как Фархад среди гор, ты в труде неустанна,
Ты, не зная покоя, спешишь непрерывно.*

Красный клюв твой — пылающий жаром тюльпан,
Он от крови страданий, наверно, багрян.

Каф-горою близ горних высот ты бродила,
Не о ней ли в сей дали ты стонешь уныло?

⁵⁰⁰ То не хохотом взвились высокие звуки, —
Это крик твоей ядом напитанной муки.

К Каф-горе ты спешишь, путь далекий открыт,
Пусть надежда свиданья тебя веселит.

Близок час единения, — ввысь, на свободу!
Через скалы разлуки стремись на свободу».

ОБРАЩЕНИЕ УДОДА К ФАЗАНУ

«О Фазан пестроперый, изяществом славный,
Кипарис — твой слуга в своей доле неравной!

Весь цветник — это дар твоего совершенства,
Розы меркнут от чар твоего совершенства.

505 Блеск твой видели горы и в долах сады,
Красотой твоей горы и доли горды.

Люб ты живности всякой в полянах веселых,
Мил ты тварям, живущим в заброшенных долах.

И хотя совершенство твое несравненно,
А краса — несравнимо ни с чем совершенна,

Ты красою своей никогда не гордись,
Красотой, как она ни горда, не гордись.

Вспомни ту красоту, что не знает порока,
В край пылающих роз устремляйся высоко».

ОБРАЩЕНИЕ УДОДА К ТУРАЧУ

510 «Эй, послушай, Турач, ты изящен и строен,
Словно птица души, ты любви достоин.

Лес в наряд свой одет красотою твоею.
Дан лугам яркий цвет красотою твоею.

Твой пьянящий напев так чарующе мил,
Что у внемлющих сердце лишается сил.

Вид твой — чудо чудес, оперенье красиво,
Облик дивно прекрасен, а речь — словно диво.

И с таким совершенством, с повадкой такою,
Да и с речью пленительно-сладкой такою

515 Ты по вольному должен обычаю жить
Или шаху достойной добычею быть.

Мчится шах на охоту — добычею падай,
И за жертву твою будет вечность наградой».

ОБРАЩЕНИЕ УДОДА К ГОЛУБЮ

«Взмой, о Голубь, биением крыл в поднебесье,
Спой нам песню о том, как парил в поднебесье.

Разве в темном жилище томиться приятней?
Ты ослепнешь навеки, томясь в голубятне.

Вспомни небо над шахским чертогом, вспари,
В горнем небе летай от зари до зари.

520 Иль забыл ты, как сердце в паренье пологом
Замирает и бьется над шахским чертогом?

Видно, ты поотвык быть с султанами рядом,
Ворковать разучился торжественным ладом?

Полетай в те края и над крышей пари,
И над высью времен, даже выше, пари.

Пусть изловят тебя — это жребий приметный:
Ты дорогу найдешь к голубятне заветной».

ОБРАЩЕНИЕ УДОДА К СОКОЛУ

«Добрый путь тебе, Сокол, на шаха похожий,
Бесподобна краса твоей стати пригожей.

525 Бог возвысил тебя над крылатою ратью,
Наделил красотой и изысканной статью.

Ты от века на шахской деснице сидел,
Есть с державной руки — твой высокий удел.

Шах ласкал тебя, гладил по крыльям и перьям,
Трогал клюв и к когтям прикасался с доверьем.

Небосвод обернулся судьбой вероломной, —
Ты от шахской руки вдалеке — как бездомный.

Ты попался, измена накинула сеть,
И привык ты разлуку в неволе терпеть.

530 Стань же пленником шаха, будь снова с ним вместе, —
Руку шаха лобзать удостоишься чести».

ОБРАЩЕНИЕ УДОДА К КРЕЧЕТУ

«Здравствуй, Кречет могучий, подоблачный житель,
Волей шаха в высокую взят ты обитель.

Венценосец, ты сам — словно шах красотою:
Шах короной тебя одарил золотою.

Ты меж птиц венценосных владыкою стал,
Шах дарить тебе дружбу великую стал.

И на пиршествах шаха ты принят с почетом,
Нет и счета к тебе обращенным заботам.

535 Не сравнится с тобой птиц и целый десяток —
В десять раз больше всех дан тебе и достаток,

Шах свое уваженье тебе подарил,
Жемчуга и камня тебе подарил.

Ты далек от него, но забудь про чужбину,
Прямо в руки лети к своему властелину».

18

**О ТОМ, КАК ПТИЦЫ ОТПРАВИЛИСЬ В ПУТЬ
И КАК НЕКОТОРЫЕ ИЗ НИХ,
ИСПУГАВШИСЬ ИСПЫТАНИЙ,
ОТКАЗАЛИСЬ ОТ СТРАНСТВИЙ**

Так Удод тайн любви им значенье поведал,
Всем пернатым любви откровенья поведал.

Птичьей речью слагал он созвучия слова,
О разлуке и счастье певучее слово.

540 Песнь разлуки для них была горше утрат,
Песнь о счастье надежду давала стократ.

И припомнили птицы былые печали,
Как они от разлуки жестоко страдали,

Как забыли они про счастливое время,
Как постигли разлуки тяжелое бремя.

И когда чудных тайн приоткрылся покров,
Стал понятен им смысл удивительных слов.

От блаженства они далеки беспредельно,
Заблуждения их велики беспредельно.

545 Стали внятны их разуму речи Удода:
В заблужденье неведенья птичья порода.

В прегрешеньях суровых погрязли они,
У разлуки в оковах завязли они.

И зажглись они жаром, бедою палимым,
И из каждой душа исходить стала дымом.

Пламя жизни погаснуть уж было готово, —
Так смутило стыдом их Удодово слово.

И смутились они от признанья вины,
И раскаяньем души их были полны.

550 Захлестнуло им горло потоком кровавым,
Птицы кары просили делам их неправым:

«Будь что будет! Смиримся с любым испытаньем,
Днем и ночью мы крыльями бить не устанем.

Пусть на головы наши сто бедствий падет,
Пусть нам будет уделом сто тысяч невзгод, —

Не покинем дороги в долину исканий,
Не отступим с пути мы, — нет цели желанней!»

И тогда птичья стая в согласье великом
Огласила пространство ликующим криком.

555 Все явили Удоду покорности знак,
И повел их в полет венценосный вожак.

Полетели, в веселье игривом помчались,
И с надеждой на счастье порывом помчались.

Вот прошло много дней. Где они ни летели —
Над просторами жгучей пустыни летели.

Много бед и невзгод претерпели они,
Много мук и забот претерпели они.

Долог путь, цепененье им крылья объяло,
И тела их усталость бессилья объяла.

560 А когда-то ведь в розовых кущах резвились,
И под сенью деревьев цветущих резвились!

А теперь им от тягот и мочи уж нет,
Каждой птице пришло сто негаданных бед.

Стосковались по гнездам родным, по покою,
По садам, цветникам, по деревьям с листвою,

По сердечным забавам, по благостным долам,
По лугам многотравым, по играм веселым.

Вот уж многие птицы, устав от пути,
Видят: тяготы странствия им не снести.

565 Птицы стонут, слышались возгласы жалоб:
Та устала, другая лететь не желала б.

«Нам лететь недосуг», — порешили согласно,
И отстать от подруг порешили согласно.

И Удоду те птицы промолвили так:
«Отдохнуть бы немного, послушай, вожак!

Есть такие меж нас, что устали изрядно,
Утомились лететь в эти дали изрядно,

А другие спознались с лихою напастью
И зывают к тебе не неволить их властью.

570 Ну а третьим такая беда подошла,
И от бед им такая страда подошла,

Что о ней рассказать — и пытаться напрасно,
Дальше путь продолжать птицам было б опасно!»

И вожак, лишь увидел он немощь их ныне,
Дал им знак опуститься в широкой долине.

И, окинув глазами галдящую рать,
«Стойте, — молвил он, — первым кто хочет сказать?»

И вожак опустил меж братьев крылатых,
Приготовился слушать он речи пернатых.

ОТГОВОРКА ПОПУГАЯ

575 Первым был Попугай — он речения начал,
И такую он речь отречения начал:

«Я ведь птица, к нездешним привыкшая странам,
Мне привычно летать над родным Индустаном.*

Красноречием славу снискал мой язык,
Сладкоречием зло врачевать я привык.

Повелители в клетках меня содержали,
Утешаясь беседой со мною в печали.

Сколько дивных красавиц меня угощало,
И от лакомств индийских вкусил я немало.

580 То — зеркало стоит напрямик предо мной,
То — зеркальной красы дивный лик предо мной.*

Был на свете я самой счастливою птицей,
И за то болтовнею платил я сторицей.

Сколько знаю себя — я несчастий не ведал,
И отравленных ядом напастей не ведал.

Где орел так унижен, что мухой слывет,
Те, что мухи слабее, — и вовсе не в счет.

Как с другими лететь мне к неведомым странам,
Вместе с птицами в странствии быть неустанном?

585 Взять меня в этот путь — что тебе за отрада?
Вот что знать про меня тебе было бы надо!»

ОТВЕТ УДОДА

И промолвил Удод: «Говоришь ты не споро,
Много ты наболтал измышлений и вздора.

Твой убогий язык красноречья не знает,
А нелепая речь сладкоречья не знает.

В измышленьях твоих — несуразицы след,
Все слова твои — чушь, словоблудье и бред.

Себялюбец, наполненный вздором чванливым,
Ты достоин презренья в зазнайстве кичливом.

590 Хоть зеркалом и речью кичишься ты вздорно,
А на деле вся речь твоя сплошь смехотворна.*

Вот зажег бы в душе яркий свет вместо зла,
То душа бы и впрямь как зеркало была!

Ну а то, что тебе быть при шахах уместно,
Все слова эти — ложь, их нелепость известна!

То не шахский закон — пренебречь своей целью
И в блудливых речах предаваться безделью.

Недостойный позор — измышленья твои,
Отговорки и вздор — все реченья твои!

595 Заблужденья и грех — вот в чем суть и основа,
До тебя не доходит разумное слово.

Если ты и очнешься, поняв заблужденье,
Не поможет тебе покаянное рвенье.

За грехи ты претерпишь стократный позор
И за речи — беды необъятной позор.

Твое злато поддельно, и речь твоя лжива,
Ну а чванство твое — для шайтана пожива.

ПРИТЧА

Жил невежда один, он бродил по базарам,
Притворяясь подвижником немощно-старым.

⁶⁰⁰ Брел он Хызром под ветхим зеленым покровом,
Ну а сам был, как вешняя зелень, здоровым.*

Но умея личину смиренья надеть,
Добывал себе в лавках он блага и снедь.

Прибегал он к коварным и подлым уловкам
И скрывал лицемерие в нищенстве ловком.

То словами униженной лести он клянчил,
То слезами обиженной чести он клянчил.

То он рассказы плел о степенстве своем,
То морочил людей, похваляясь умом.

⁶⁰⁵ Ловко действуя сказкой, стократно пропетой,
Разживался он пищею или монетой.

Сам хитрил ли, терпел ли чужие нападки,
Все, что нужно, всегда собирал он в достатке.

Ежечасно он бангом бывал охмурен,
И мечты его были — что путаный сон.*

Как-то раз ему встретился старец-подвижник,
Много странствий свершивший — и дальних и ближних.

Так уж вышло: увидев, что старцу подвластно,
Понял он, сколь его злая доля несчастна.

⁶¹⁰ Старец молвил: «А ну, покажи свой мешок,
Погляжу я, чем за день разжиться ты смог!»

Тот завязки мешка отпустил посвободней,
Глядь, а там — лишь отравы, дары преисподней,

Смотрит — там лишь дерьмо, нечистоты навалом, —
Как былинка, он вспыхнул огнем небывалым.

А старик взял в ладони земли из-под ног,
Бросил в торбу: возьми, мол, — тебе приберег.

Нищий смотрит: не прах там, а золото в слитках,
Драгоценные камни и жемчуг на нитках.

615 Нечестивец дивится — мол, что за причина?
Ну а старец исчез уже — нет и помина!

Что за польза — губить себя делом срамным,
А потом волю дать покаяньям дурным!

Ты, крича о своем благородстве хваленом,
Помни, что приключилось с бродягой «зеленым»!

ОТГОВОРКА ПАВЛИНА

А потом речь была начата и Павлином:
«К-эй, ты признан меж нас вожаком-властелином.

Дан в садах и дворцах мне удел несравненный,
Яркость перьев моих — изумленье вселенной.

620 Облик мой цветникам украшенье дает,
Пышный вид мой усладу для зренья дает.

Там, где я, сад и осенью радостен взглядам,
А леса и зимою покажутся садом.

Красота моя блеском красна небывалым,
С Искандеровым только сравнится зеркалом.*

Ярче всех оперение дал мне господь,
Да и блеска — не менее дал мне господь.

Кто моею красою хоть раз восхитится,
Совершенством творенья тотчас восхитится.

625 Всех творец наделил разной долей по праву:
Одному дал он мед, а другому — отраву.

И в той доле, что дал тебе в милость творец,
Все послал, что бы в ней ни случилось, творец.

Одному бог судил быть от века любимым,
А другому — шайтаном быть, злым нелюдимом.

И пытаться уйти от дарованной доли, —
Значит, тешиться небылью, мучась в неволе».

ОТВЕТ УДОДА ПАВЛИНУ

И Удод, отвечая на выкрик павлиний,
Молвил: «Слушай, невежда, объятый гордыней,

⁶³⁰ О себе говорил ты немало пред нами, —
Целый сказ о Меджнуне, побитом камнями.*

Даже людям красую хвалиться не след:
Кто кичится — в том свойств человеческих нет.

Красота — в добром деле, в деянии смелом,
Мужу дарится слава страдою и делом.

Живописца тогда лишь в умельцах мы числим,
Если, глядя на облик, он следует мыслям.

Ты вот обликом хвалишься, спесью надут,
Только крикни об этом — тебя засмеют.

⁶³⁵ Красоваться смешно, в этом мало почета,
От гордыни еще не бывало почета».

ПРИТЧА

Жил индус, и не ведал он большей отрады,
Чем придумывать платья себе и наряды.

Раз напялил венец тот забавник проворный,
А венец был украшен резьбою узорной.

По венцу и наряды надел он, и сплошь
Было все позолотой отделано сплошь.

Рядом с ним барабан грохотал одичало,
Плясуны плыли в танце, и песня звучала.

640 Был он только своими ужимками занят:
То потряхнет головою, то руку протянет.

Цветнику был он пестрой расцветкой сродни,
И павлину цветистостью редкой сродни.

И к нему — поглазеть на такие затеи —
В тот же миг прибежали толпой ротозеи.

Тут на шум — надзиратель с приспевшею стражей,
И весь люд врассыпную пустился бродяжий.

Схвачен был злополучный хвостун-пустослов,
Каковых не видали во веки веков.

645 Барабаном венец ему сшибли, раздели
И избили кнутами до струпьев на теле.

Вот какой в этом смысл: как одежду ни красьте,
А венец подобает лишь сану и власти.

ОТГОВОРКА СОЛОВЬЯ

Речь повел Соловей: «К-эй, над птицами властный!
Я привык возле розы жить с мукою страстной.

А без розы — один — я измучен кручиной,
И теряю я разум и лад соловьиный.

А без розы нет силы и воли во мне,
И в разлуке терпенья нет боле во мне.

650 Сад едва расцветет, красотою чудесен,
Тайны сердца вверяю я тысячам песен.

От любви каждый миг я пою все сильнее,
От красы каждый миг распалюсь, пьянея,

А увянет цветник — я беззвучен и нем,
Песни петь поутру мочи нету совсем.

Я, тоскуя по розе, в саду изнываю,
Мне в разлуке сто бед: розу жду, изнываю.

И в душе и на сердце — одна только роза,
Перед взором во все времена — только роза.

655 Смысл искания шаха, конечно, высок,
Да влюбленному в розу какой в этом прок?»

ОТВЕТ УДОДА СОЛОВЬЮ

Все прослушал Удод, и на выкрик последний
Он сказал: «О любви не рассказывай бредней!

Разве это любовь? Это все лишь причуда,
Помолчать бы тебе, безрассудный, не худо!

Свет подобных тебе неразумных не знал,
И безвольных таких и бездумных не знал.

Ты нарочно придумал всю эту влюбленность,
А потом возвестил всему свету влюбленность.

660 И влюблен-то в цветок, ненадежный и тленный!
Вечной жизни в садах ему нет во вселенной.

Он в году расцветает лишь на пять деньков,
Десять дней не пройдет — и уж нет лепестков.

И пленяться такой недотрогой негоже,
Млеть от страсти такой вот убогой негоже!

Настоящий влюбленный в мучениях тела
И погибнет, а в страсти не знает предела.

Безрассудство в любви — это стыдное зло,
И покаран ты будешь постыдно и зло!»

ПРИТЧА

665 Ехал шах на коне в красоте лучезарной,
И влюбился в него попрошайка базарный.

И стонать, и стенать пред народом он начал,
Горевать, слать проклятья невзгодам он начал.

Он стенанья сдержать был не в силах, как ты,
Пел он тысячи песен унылых, — как ты.

«Мне не жить на земле!» — оголтело вопил он.
«Лучше сжечь на костре свое тело!» — вопил он.

Шах услышал о том, как любовь его рьяна,
И решил испытать крикуна и смутьяна.

670 В тот же миг он помчался, как молния скор,
И велел запалить он для пытки костер.

«Эй, — велел он, — свяжите-ка шею ворюге,
Волочите бродягу ко мне на послуги!»

Привели его к месту, где тлели поленья, —
Вот, мол, то, что просил ты в пылу исступленья!

И велел его шах на костер поволочь,
И бродяга от ужаса вырвался прочь.

Дико стал он метаться, охваченный бредом,
Стража стала ловить его, бегая следом.

675 И к костру подбежал он в беспамятстве яром,
И в минуту сгорел он, охваченный жаром.

Ну а если бы нищий тот преданным был,
Если истинный пыл бы изведен им был,

Если он воле шаха внимал бы покорно, —
Шах с коня перед пленником слез бы проворно,

Отпустил бы его, все желанья исполнив,
Расспросил бы, обычай вниманья исполнив,

Шах родней своим слугам бы сделал его,
Собеседником, другом бы сделал его!

680 А бродяга тот действовал хитрым обманом,
И позор стал наградой поступкам поганым.

Роза выпустит шип — будешь схож с этим плутом:
Не цветник, а костер тебе станет приютом!

ОТГОВОРКА ГОРЛИЦЫ

Говорить стала Горлица: «Слушай, вожатый,
Властелин над заблудшею стаей пернатой!

Я ведь птица, привычная к зелени сада,
Мне летать над пустыней — какая отрада?

Очень нежное тело даровано мне,
Жизнь в зеленой листве уготована мне.

⁶⁸⁵ Непривычна я в жизни ни к стуже, ни к зною,
И ни тягот, ни зла не случилось со мною.

Лишь из сада да в сад — вот мои перелеты,
И в зеленой листве я не знаю заботы.

Не снести мне в дороге напасти такой,
Не посеять мне семени страсти такой!

Если я этим злом отягчу свою душу,
Волю жизни моей я неволей разрушу!»

ОТВЕТ УДОДА ГОРЛИЦЕ

И сказал ей Удод: «Хилой немощи чадо!
Тешить сердце печалью — твоя вся отрада.

⁶⁹⁰ Пусть и тысячу лет сад жильем тебе будет,
Ну а что от листвы проку в нем тебе будет?

Даже если шипы и колючки — не в счет,
Ведь того и гляди — тебя слопает кот!

И подбить тебя могут случайной стрелой,
Иль от камня погибнешь погибелью злою.

И в ином тебе есть ли какая отрада?
Разве любят тебя обитатели сада?

Чем терзать и губить смертной мукой себя,
Чем сжигать безысходной разлукой себя,

695 Лучше храбро к заветнейшей сути стремиться,
Ради счастья с возлюбленным в путь устремиться!

В испытаньях высокого дела погибнуть,
В муках сердца, в страданиях тела погибнуть —

Это лучше стократ, чем погибнуть с тоски,
Это лучше, чем жалких подачек куски!»

ПРИТЧА

Жил-был глупый садовник. Несведущий в деле,
Он в своем ремесле понимал еле-еле.

Не умел он в прививках наладить порядок,
Чтобы вкус у плодов был и сочен и сладок.

700 О деревьях он тоже не ведал забот,
И не знал, сколько высохло, сколько растет.

Он давно позабыл, как высевать зерна,
Как на всходах краса лепестков животворна.

Ну а тот, кому ближе навоз, а не роза,
Тот уже не садовник, а возчик навоза!

Увидали его небреженья друзья,
Стали делать ему наставленья друзья.

Дескать, бросил возиться бы с делом постылым
И нашел бы другое занятие — по силам.

705 А невежда повадок своих не оставил
И ленился, в работе не ведая правил.

Как-то раз обрезал он деревья свои
И погиб невзначай от укуса змеи.

ОТГОВОРКА ГОЛУБЯ

А затем начал Голубь такие реченья:
«К-эй, вожак наш, всеведущий в тайнах правленья!

Я — особая птица меж птиц всех отличий:
Люди с рук меня кормят — таков их обычай.

Люди мне и приют и жилище дают,
Носят воду, зерно мне для пищи дают.

710 Я из узников узник, к почету привычен,
Принимать я людскую заботу привычен.

Это бог воздаянье достойное дал мне,
Он еду и питанье достойное дал мне.

А противиться доле, что дал тебе бог, —
Разве умным назвать это кто-либо мог?

Восхваленье творцу! Он пригрел меня, к счастью,
И не знаться мне лучше с лихою напастью!»

ОТВЕТ УДОДА ГОЛУБЮ

И промолвил Удод: «Это все отговорки!
Твой удел — жить обманом и ложью в каморке!

715 Птицам слушать чудно твое глупое слово,
Нет другого, как ты, нерадивца такого!

Бог затем тебе крылья назначил в удел,
Чтобы ты все просторы земли облетел.

Ты ж угодником людям назвался покорно
И продался служить им за воду и зерна!

А они ваши стаи гоняют нещадно,
Метят пестрым тряпьем — будто это нарядно!

А вспугнут простаков — вот и вся кутерьма,
Только с крыш поочистят остатки дерьма!

720 Не дано вам вспарить к испытаниям высшим,
Вы хотите весь век свой кормиться по крышам!»

ПРИТЧА

Это было с лентяем одним нерадивым,
Для народа он был удивленьем и дивом.

К тумакам и пощечинам был он привычен:
Получал он подачки ценой зуботычин.

Его гонят, бывало, а он словно нем —
И с издевками подлыми сжился совсем.

Хоть порой выпадала ему и кормежка,
Ну а пнут — поскулит да поплачет немножко.

⁷²⁵ В общем, он разживался какой-либо мздой
И не знался, бездельник, с голодной нуждой.

Так и было, пока за какой-то кусок
Не ударили так, что и встать он не смог.

Хоть и был за побои частенько он сытым,
А потом оказался изрядно побитым!

ОТГОВОРКА ГОРНОЙ КУРОПАТКИ

А еще Куропатка прикинулась хилой:
«К-эй, глава всех пернатых, уволь и помилуй!

Я ведь птица, привычная к странам нагорным,
Там я господу славлю в смиренье покорном.

⁷³⁰ От мирской суеты отряхнув свой подол,
Я в горах обрела себе долю и дол.

Я обласкана счастьем — щедротами рока:
Любо мне на вершинах бродить одиноко.

Дивный край диких гор стал мне милым приютом,
И зачем мне страдать в этом странствии лютот?

Путь мой к тайнам заветного клада лежит,
В этих копиях и сердцу отрада лежит.

Если суть сокровенного познана мною,
Нет и смысла прельщаться дорогой иною».

ОТВЕТ УДОДА КУРОПАТКЕ

⁷³⁵ И сказал ей Удод: «К-эй, мечты твои скверны,
В голове твоей нет ничего, кроме скверны!

Говоришь, ты в горах жизнь отшельника знала, —
На отшельника ты не похожа нимало!

Все занятье твое — лишь одна суета:
По горам да по склонам, к кусту от куста.

Ну а то, что хохочешь ты смехом бездумным, —
Сумасшедшим то свойственно или безумным.

А сокровища мысли, что ты помянула, —
Это ты ради глупой тщеты помянула.

⁷⁴⁰ Кто сама ты, и в мыслях твоих есть ли прок?
Самомнение невежества — худший порок!

Не болтай о сокровищах мысли напрасно,
Не позорь себя ложью такую опасной.

Это все — болтовня и пустое бахвальство
Или это — бессмысленный бред и нахальство!

Ото лжи тебе будет печальный исход:
От нее на тебя сто несчастий падет!»

ПРИТЧА

Жил в какой-то стране лоботряс и проныра,
Всем налгавший про редкий свой дар ювелира.

⁷⁴⁵ Мог он спутать рубин с самой худшей из бусин,
Но зато в надувательстве был он искусен.

И когда он искусство обмана постиг,
Он от нищенской доли уже поотвык.

Потеревши немного — чтоб долго не блекло! —
Выдавал за рубины он красные стекла.

Мог такое наплесть неумелец тот сходу,
Что казался умелым простому народу.

Но однажды всучил тот любитель безделья
Одному богачу вот такое изделие:

750 За бесценную плату — осколок стекла,
На котором лишь сверху окраска была!

Богатей тот лелеял и гладил безделку,
А как глянец-то стер — тут и понял подделку.

Этой красной стекляшке цена-то — алтун,
А за тысячу продал бессовестный лгун! *

Сделку ту отменили, и вора — к ответу,
Только что с него взять, если денег уж нету!

Видят — он просто жулик, и мерзкого плута
Прямо тут и убили, измучивши люто.

ОТГОВОРКА ФАЗАНА

755 А еще речь повел и Фазан розоликий:
«К-эй, в законах главенства искусник великий!

Я ведь птица, известная статью чудесной,
В цветнике всех пленяет мой облик прелестный.

Дивный дар красоты дал мне в долю творец,
И чудесной красы дал мне вволю творец.

И поскольку краса моя так прихотлива,
Потому и пленителен я, словно диво.

Счастье неги присуще красе благородной,
А мучений и бедствий достоин негодный».

ОТВЕТ УДОДА ФАЗАНУ

760 «Твои бредни, — промолвил Удод, — неразумны,
И замашки, и мысли вразброд — неразумны.

Не встречался я с речью такою пустою,
Чтобы в ней похвалялись своей красотой!

Слов таких и безумный чудака не болтал,
Ни ребенок, ни просто дурак не болтал.

И распутницам даже, пестро разодетым,
Был бы стыд и позор в словоблудии этом!

Эту чушь и пустой словоплет не сказал бы,
Даже выродок гнусный — и тот не сказал бы.

765 Недотепу, поведшего глупую речь,
Лучше было б совсем от пути остеречь!

Ты заносчив по-бабьему — до неприличья,
И, наверно, лишишься мужского обличья!

Званье мужа дается трудом и раденьем,
Тот не муж, кто кичится своим облаченьем.

Мужа красят поступки — деянья добра,
Даже если одежда на нем и стара».

ПРИТЧА

Вышли в путь два приятеля, связаны словом,
Был один из них мудрым, другой — непутевым.

770 Этот звался Мудбир, был в делах он злонравен,
А Мукбиль, его друг, был во всем благонравен.

Были все их привычки их кличкам под стать,
Ну а клички их были привычкам под стать.*

Речь ведя о подвижниках, вере и боге,
О высоком Мукбиль рассуждал по дороге.

А Мудбир шел, про мерзких людей рассуждая,
О дурном, как безбожник-злодей, рассуждая.

О страданьях один, о грехе говорил,
А другой о пустой чепухе говорил.

775 Так и шли, друг от друга не ведая прока,
Вдруг вдали дивный город вознесся высоко.

И расстались они, миновавши заставу:
Каждый чаял найти себе дело по нраву.

Первый — прямо к отшельникам здешних сторон,
А другой стал разыскивать гнусный притон.

Первый шахом был принят с великим почетом,
И не ведал он счета дарам и щедротам.

В скором времени к шаху два стража здоровых
Притащили Мудбира — в цепях и оковах.

780 Притащили и все рассказали о нем:
Дескать, ночью негодник упился вином,

Вышло так, что Мудбира назвали уродом,
И затеялась драка — с кровавым исходом.

Негодяй за обиду в бреду одичалом
Оскорбителя тут же ударил кинжалом.

В гневе шах возвестил справедливую весть:
«Да постигнет Мудбира кровавая месть!»

Так достойный спознался с высокою честью,
А негодник покаран был страшною местью.

785 Искра к небу взвивается смелым полетом,
А ничтожную муху влечет к нечистотам.

ОТГОВОРКА ЯСТРЕБА

Ястреб речи повел перед стаею пестрой,
Когти выпустил он, клюв свой выказал острый.

«Я ведь птицам не ровня, сравниться ль со мною? —
Я над всеми пернатыми признан главою.

Знай: все птицы, что речь тут вели пред тобой,
Для меня только лакомой служат едой.

Мне на шахской руке — и приют, и жилище,
Шах мне сам подает все, что надо для пищи.

790 А когда над добычей расправлю я крылья,
Даже коршун — и тот поникает в бессилье.

Я у шахов такого почета достиг,
Что и сам, как Симуург, и силен, и велик.

Шахский перст — мой престол, я увенчан короной,
И совсем мне не нужен Симуург твой хваленый!»

ОТВЕТ УДОДА ЯСТРЕБУ

И промолвил Удод: «К-эй, ты в лапах гордыни
И в оковах невежества маешься ныне.

Свяжет шах тебе лапы, узлами опутав,
Да и только ли шах, — каждый ловчий из плутов!

795 Заморит тебя голодом тот лиходея —
Так, что мясо твое послезает с костей.

А пока будешь клянчить ты мясо, голодный,
Всех доймут твои вопли тоской безысходной.

Бог пошлет — ты и ешь. Душу дурью измаяв,
Стал забавою ты для лихих негодяев.

Ну и ловля! Запустят добычу настичь
И под дробь барабанов гоняют на дичь.

Ты находишь таких, что тебя послабее,
Настигаешь в полете и рвешь, не жалея.

800 Вот изловит тебя человек, приневолит,
И подачкой кормиться навек приневолит.

И когда ты городишь свою ерунду,
Твои речи бессмысленны, словно в бреду.

Будь в тебе хоть немного стыда или чести,
От позора ты сдох бы на этом же месте!

Но бездонная дурость тебя одолела,
Потому и болтаешь ты так очумело».

ПРИТЧА

Как-то горец медведя поймал на досуге
И пока приручал — чуть не умер с натуги.

⁸⁰⁵ И пока зверь не свыкся с судьбой своей жалкой,
Дважды в день горец до смерти бил его палкой.

Зверь такие побои и голод сносил,
Что совсем присмирел и остался без сил.

Горец палку возьмет — только раз и поддаст он,
Глядь — у ног его зверь ждет побоев, распластан.

Танцевать у дверей он сперва научился,
А потом и ходить по дрова научился.

Он вязанки таскал от зари допоздна,
И облезла до кожи медвежья спина.

⁸¹⁰ Но любая беда, что сносил он, бывало, —
Видно сдуру, лишь спеси ему придавала.

То мечтал он, что схватится с тигром громадным
И снесет ему череп в бою беспощадном.

То казалось ему, будто в битве со львом
Он врага растерзал да и съел целиком.

О еде он мечтал — с вожделеньем и вкусом,
Ну а вышло, что сам стал добычей собакам.

Ты вот так же, как он, несуразен и злобен,
И в мечтах своих глупых медведю подобен!

ОТГОВОРКА СОКОЛА

815 Сокол молвил: «Вожак, полюбившийся стаям,
Все идет за тобой, всеми ты почитаем.

Бог меня несказанным величием отметил,
Силой, редкою в скопище птичьем, отметил.

Другом я и сподвижником шахам зовусь,
Потому я меж птиц падишахом зовусь.

Мне дано украшение — венец золоченый,
Бог меня одарил золотою короной.

Да ведь знаешь ты все про меня расчудесно:
Моя суть тебе ведома, имя известно.

820 Да и должен ли шах, что венцом наделен,
Тосковать по другому — из дальних сторон?

Я привык, словно шах, жить в почете немалою,
И зачем мне у шаха служить под началом?»

ОТВЕТ УДОДА СОКОЛУ

«К-эй, — промолвил Удод, — что за глупые крики?
Сколь темны твои мысли и помыслы дики!

Шахом хочешь ты быть — ишь, ведь как распалился!
Это ты от немислимых врак распалился!

Ты — и темный и черный невежда и плут,
Ведь таких нечестивцами люди зовут.

825 Зваться лишь на словах шахом или султаном —
Это свойственно только бахвалам поганым!

Разве всякий, кто хвалится славою, славен?
Разве миж похвальбою неправую славен?

И зовущий тебя повелителем сброд,
Видно, идолам гнусным поклоны кладет.*

Ты ведь шах — словно в шахматах: внешность красива,
Да величье твое только пешкам на диво!

Что за шах, если лапа любого нахала
То взметнет его ввысь, то швырнет как попало?

830 От тебя шах, что ищем мы, — дальше мечты,
Лучше быть уж бродягой, чем шахом, как ты!»

ПРИТЧА

Был правитель один, основал он державу,
Счастье подданных там расцветало на славу.

Красота совершенства там зрела обильно,
Без конца, без границ, без предела обильно.

Благоденствие там и порядок кругом,
Горожане там в пышных нарядах кругом.

Там умельцы воздвигли, куда ни взгляните,
Сотни башен, и каждая — солнце в зените.

835 Там искусники труд приложили немалый,
Чтобы край их сверкал красотой небывалой.

Там чудесным диковинам нет и числа:
В них природа себя в колдовстве превзошла.

Люди жизнь там проводят в забавах и смехе,
И печали там гибнут в веселой утехе:

Был бесстыдник один там — сродни вертопрахам,
Камышовым прозвал он себя падишахом.

Все на нем камышовое было — кафтан,
Даже знамя в руках, даже щит и колчан.

840 По себе и друзей подобрал тот бродяга, —
Да какие друзья — шутовская ватага!

На пирах красовались повадкою бойкой,
А кончалось все дело срамною попойкой.

Чуть не шахом себя тот бродяга считал,
Все бесстыдства свои он за благо считал.

Да недолго он прожил в безделии сладком,
И пришлось тому дурню поплакать порядком.

Самозванца его же доспехами били,
Весь камыш с него сняли да тут же спалили.

845 Посрамлен был молвой он. Не можешь — не лезь:
Обернулась посмешищем шахская спесь.

ОТГОВОРКА БЕРКУТА

Тут вмешался и Беркут с величием орлиным:
«Ты, достойный, меж птиц наречен властелином.

Мне ли чином равняться со сбродом пернатым?
Соловьям или горлицам быть ли мне братом?

Моя слава известна, и гнев мой суров,
Я владычу над странами горных хребтов.

Сколько в день куропаток порву на куски я,
Не поем — так и спать не смогу от тоски я!

850 С поднебесья, голодный, я на землю прыну, —
Ни косуле спасения нет, ни кулану.

Для того, кто могуч да и глоткой хорош,
На дороге готовой еды не найдешь.

Я в дороге устал, утомил свои крылья,
Истомил меня голод — валюсь от бессилья».

ОТВЕТ УДОДА

И промолвил Удод: «К-эй, властитель преславный,
Есть ли в мире тебе по величию равный?

Молодецкая статья твоей сути прилична,
С богатyrством дружить твоей славе привычно.

- 855 Только мне твои крылья могучие жаль,
Жалко клюв твой и когти колючие жаль!
Недостойный! К заветной стремился бы цели!
А тебя, видишь, немощи вдруг одолели.
Ты бесцельно летишь по небесным просторам,
Мощь когтей, силу крыльев ты губишь с позором.
А расписывал здесь ты хвастливо себя,
И расхваливал здесь ты на диво себя!
Только тот может зваться могучим и смелым,
Кто за цель свою бьется душою и телом».

ПРИТЧА

- 860 Жил на свете силач — и здоров, и громаден,
Среди жадных до лени — первейший из жадин.
Завтрак в десять батманов лентяю был нужен,
Да такую же долю съедал он на ужин.*
Да еще в промежутке бесстыжий нахал
Приблизительно столько же пищи сжирал.
Захмелевшим слонем бушевала в нем сила,
Он ревился, пока его в сон не валило.
Вдруг неожиданно, вельнем сурового рока,
Вся страна разоренью подверглась жестоко.
865 И такой неожиданный мор подоспел,
Что народу покинуть пришлось тот предел.
Люди стали собираться в далекие страны,
Все бежали, боязнию за жизнь обуяны.
И силач — тоже в путь, не раздумывал много,
Он не знал, сколько бедствий готовит дорога.
Путь далекий им выпал в пустыне идти,
Как прокормишь такого облома в пути?

А детина, лишь сутки без пищи промучась,
Горько сетовать стал на злосчастную участь.

870 А еще через день силача одолело:
Стали сила и мощь покидать его тело.

Третий день подошел — он совсем ослабел,
И в пустыне настиг его смертный удел.

Люди шли. Дети пешей толпою шагали,
Те, кто старостью согнуты вдвое, шагали.

Два-три дня еще мучились люди в пустыне,
А потом обрели себе отдых в долине.

А силач этих трудностей не превозмог,
И в пустыне настиг его гибельный рок.

ОТГОВОРКА ФИЛИНА

875 Тут на слабость свою начал сетовать Филин:
«Эй, вожак, я ослаб и совсем обессилен.

Мне привычно гнездиться во мраке развалин,
Где, того и гляди, будешь насмерть завален.*

И кричу я, тоскою объятый, навзрыд,
Словно сломленный тяжелой утратой, — навзрыд.

Возношу я стенанья, тоскуя по кладу,
Распаляю надеждою в сердце досаду.

Не страшны мне и тягостной доли лишения:
Глядь, и клад будет послан судьбой в утешенье.

880 Одержимый мечтой о сокровище том,
Стерегу я развалины ночью и днем.

Дальний путь мне не нужен, уволь! Я не скрою:
Что Симург мне со всею его Каф-горою?»

ОТВЕТ УДОДА

«К-эй, — промолвил Удод, — нет обмана опасней,
Губишь душу ты этой нелепою басней.

Твое сердце томится надеждою ложной,
Ей свершиться — ведь это исход невозможный.

Ну, допустим, отыщешь желанный свой клад,
Ты подумай-ка, плакальщик скорбных утрат, —

⁸⁸⁵ Что за прок тебе будет, помимо напастей?
Каждый миг будешь пленником новых несчастий!

Ты от этих напастей погибнешь с позором,
А сокровище станет добычею ворам».

ПРИТЧА

Жил в одном государстве безумный отшельник,
День и ночь средь развалин томился, бездельник.

Вырыть клад одержим был он мыслью упрямой
И упорно выкапывал яму за ямой.

И когда он изведаль немало уж бед,
Случай вывел его на желаемый след.

⁸⁹⁰ Дверь видна ему стала в проеме разъятом,
А за нею — проход к богатейшим палатам.

Видит: сорок сосудов — казна Феридуна,
Да какое! — несметные клады Каруна.*

Был несчастный беспамятством сразу объят,
И туда вдруг пришел некий мерзостный гад.

И узрел он пришельца в том логове жутком,
И казну, от которой простишься с рассудком.

И блеснул над безумцем кинжал изувера,
И окрасились кровью и клад, и пещера.

⁸⁹⁵ Был мечтой его жизни запрятаный клад,
Только все обернулось ему невпопад.

ОТГОВОРКА ГУМАЮНА

Речь повел Гумаюн — блеском лучший из лучших.
«Эй, — сказал он, — великий наставник заблудших!

Сан высокий мой столько обрел благодати,
Что под сенью моею — престол благодати.

Сени крыльев моих столько счастья дал бог,
Что под нею стать шахом и нищий бы смог.*

Знать, где шах ваш неведомый, мне ли пристало?
Изнурать себя бедами мне ли пристало?

⁹⁰⁰ Лучше в небо взлечу я сверкающим взмахом,
Пусть дают мои крылья пристанище шахам!»

ОТВЕТ УДОДА

«К-эй, — промолвил Удод, — что за глупые бредни,
Будто все это плел здесь безумец последний.

Твоему неразумию нет и предела,
Прикрываешься ложью ты очень умело.

То, что крылья твои дарят шахам приют, —
Эту веру тебе заблужденья дают.

И в историях шахов, что ныне известны,
Есть ли вести об этом? — Они неизвестны!

⁹⁰⁵ Разве шахская доля дана им тобою,
Хоть подобный почет и желаем тобою?!

Небылицею ложной ты тешишь себя,
Мыслью самой ничтожной ты тешишь себя.

Даже если бы правдой твой бред оказался
И в тебе хоть бы знак тех примет оказался,

Шахской властью людей награждает всесущий,
А тебе эта милость не стала присущей!

Как и псам, тебе служит поживую кость,
Эко диво — мусолить паршивую кость!

⁹¹⁰ Знай, о пленник, погрязший у вздора в неволе,
Ты достоин такой отвратительной доли!»

ПРИТЧА

На Персидском заливе добытки сворой,
Жаждя в море разжиться добычею скорой,

Платят пять или десять дирхемов — по чину,
Чтобы бедный ныряльщик кидался в пучину *

И, стократ погибая, с зари допоздна
Доставал бы им жемчуг бесценный со дна.

А в жемчужнице — тысячной россыпью зерна
Или только одно, но, размером отборно,

⁹¹⁵ Блещет, словно корона, — таков уж обычай:
Нанимателю все это будет добычей.

Все купец отберет, отбирать он горазд,
А пловцу только пару монеток и даст.

Тот хоть что-то берет, а тебе — что досталось?
Только костью, как пес, и насытишься малость.

А умен — что ж тянуться к пустым разговорам,
Все слова твои сплошь переполнены вздором.

ОТГОВОРКА СЕЛЕЗНЯ

«К-эй, избранник, — явил тут и Селезень норов, —
Мне дарована жизнь среди водных просторов.

⁹²⁰ А без них я страдаю, печалюсь и трушу,
Словно рыба, что брошена силой на сушу.

Ну а раз жизнь в воде уготована мне,
Непорочности благо даровано мне.

Чистота и безгрешность даны мне водою,
И великих похвал я поэтому стою.

Миг единый пробуду с водою в разлуке —
Сотни раз претерплю несказанные муки.

На волнах и молитву творить я привык,
В водном зеркале виден желанный мне лик.

925 Лишь в воде мне дорога к заветным стремленьям
Путь иной для меня был бы злым заблуждением».

ОТВЕТ УДОДА

«Тешишь ты себя, — молвил Удод, — ерундою,
Будто дочиста ум твой промыло водою.

Ты твердишь, что свой коврик ты стелешь на воду, —
Даже сыч не грешил этой глупостью сроду.*

И о том, что безгрешен ты, вслух не болтай,
Что из грязной воды выйдешь сух, — не болтай.

Если чист ты, зачем же нырять то и дело,
День-деньской на реке полоскать свое тело?

930 Если сеешь в душе своей зерна порока,
Как ни мойся, а все пропадает без прока.

Не достоинство это, а стыд и позор,
Много мылся, а чистым не стал до сих пор.

Если муж ты, то вот тебе море свершений,
Окупись в него смело и стань совершенней».

ПРИТЧА

Жил купец в Индустане с завидной сноровкой —
На морях промышлял он торговлею ловкой.

Вкус торговли познав и деньгу заработав,
Погрузился он в море корыстных расчетов.

⁹³⁵ И ни разу не мешкал он долго нигде,
Лишь закончит торговлю и — в путь по воде.

Он годами ходил вот в такие походы
И считал, что на море не страшны невзгоды.

Близко к Мекке бывало им судно водимо,
Но не ведал он долга: хоть близко, да мимо.

Люди ропщут: мол, путь-то к священным местам,
Он не внемлет им, в жадной корысти упрям.*

Как-то раз море вспенилось волнами в шквале,
И суда то ныряли, то к небу взлетали.

⁹⁴⁰ В бездне алчности сгинул несчастный купчина,
А корабль поглотила морская пучина.

Из-за страсти к воде он для веры погиб:
Стал в гордыне своей он поживой для рыб.

ОТГОВОРКА ПЕТУХА

Речь повел и Петух с нерадивостью злостной:
«К-эй, ниспосланный птицам вожак венценосный!

Мы венцами похожи по милости бога,
Только наши дела разграничены строго.

Бог тебя наградил даром власти живой,
Сделал птицам тебя вожаком и главой.

⁹⁴⁵ Мне он дал дивный голос, чтоб сладостным пеньем
День и ночь я людей призывал бы к молениям.

Тот, кто создал всех птиц и зверей — все живое,
Дал тебе долю странствий, а мне — жить в покое.

А за то, что петух молодечеству друг,
Дал творец ему много красивых подруг.

Кто не может летать, для того, я не скрою,
Вряд ли нужен Симуург да еще с Каф-горою!»

ОТВЕТ УДОДА

И промолвил Удод: «Что за глупое слово!
Славный муж о себе не расскажет такого.

950 Птица есть — как и ты, силой крыльев не спора,
Но гнезду ее — лотос предвечный опора.*

Ей навеки прибежищем стал этот дом,
Ей вовек не расстаться с родимым гнездом.

Так она и парит на престоле высоком,
Никому не дано увидеть ее оком.

Без Симурга не жить ей — отдельно и сирю,
Вне слияния с ним нет иного ей мира.

Ей неведомы беды и горе разлук,
Лик Симурга пред нею повсюду вокруг.

955 Это он увенчал ее дивной короной,
В знак слияния с горним пределом дареной.

Ее жизнь единеньем с собой охранил он,
От других ее мир и покой охранил он.

В единенье душа — словно жемчуг чиста,
Словно створки жемчужниц безмолвны уста.

Ты — той птице не ровня, певец незавидный,
И срамишь ты себя болтовнею бесстыдной.

Лишь грешить день-деньской — твой нелепый обычай,
Да орать непрестанно, не зная приличий.

960 Сто грехов совершаешь ты, душу губя,
А к достойным созданьям относишь себя.

И с такой-то повадкой, ничтожной и слабой,
Ты уже не петух, стал ты курицей-бабой!»

**ПТИЦЫ СПРАШИВАЮТ УДОДА О ТОМ,
КАК ОНИ СВЯЗАНЫ С СИМУРГОМ**

И когда отговорки различного рода
Получили достойный отпор от Удоды,
Тут пернатая стая от слов поустила,
Продолжать разговоры ей мочи не стало.

Все в смятении были, куда ни взгляни,
И к Удоду вопрос обратили они:

⁹⁶⁵ «К-эй, вожак и глава наш, ты — перл совершенства,
И тебе подобает корона главенства.

Много в жизни пустынь и степей одолел ты,
Путь, которого нету верней, одолел ты.

Испытал ты надежды и муки в пути,
Знаешь, как исцеленье от горя найти.

Мы — несчастная стая, поникшая хило,
Униженьем нас горе-злосчастье сломило.

Тайна тайн нашим душам еще не блистала,
В нас невежества много, а знания мало.

⁹⁷⁰ Нас ничтожной пылинкой в низинах влечет,
Ну а шах — это солнце, что светит с высот.

Высотой он превыше небесного свода,
Широтою он шире всего небосвода.

Он парит над девятым надоблачным слоем,
Мы и жалкой былинки все вместе не стоим.*

Как мы связаны с ним и его существом?
Что за смыслы таимы его существом?

Перед тем падишахом померкнут все шахи,
Мы ж беднее всех нищих, простертых во прахе.

975 Объясни нам, постичь его — разум бессилен,
И рассудок объять его разом бессилен.

Он величьем высок, мы — ничтожны пред ним,
Капля связана с морем законом — каким?»

20

**ОТВЕТ УДОДА ПТИЦАМ
И РАССКАЗ ЕГО О ЯВЛЕНИИ СИМУРГА**

И ответил Удод расшумевшимся стаям:
«Шахиншахом великим его мы считаем.*

Как сокровище, скрыт он, и суть его тайна,
Блещет в зеркале мира красоты его тайна.

И когда он явить себя миру решил,
Он затмил своим блеском сиянье светил.

980 И в лучах его солнцеподобного блеска
Сотни тысяч теней обозначились резко.

К этим птицам, сверкавшим по дальним просторам,
Вездесущим своим обратился он взором.

Образ птиц всего мира, все их существо —
Это тень многомудрой природы его.

Кто познал мудрость этих свершений и понял,
Тот к Симургу свое отношение понял.

Но, провидец, кому этот смысл будет ведом, —
Не вверяй эту тайну речам и беседам.

985 Знаешь правду ты, глубь этой сути познав,
Поручи ее богу — и будешь ты прав.

Смысл познавший над смыслом не властным зовется,
А лишь к истине смысла причастным зовется.

Если ведаешь ты, чьей являешься тенью,
Мощь и сила даны твоему разуменью.

Тот, кто тень эту ищет, а света лишен,
Знай: Симурговой тени не ведает он.

А желал бы Симург быть неведомой тайной,
Тень его не была бы такую бескрайной.

990 Знай, что сущ отражение тени дающий,
Если тень его сути является сущей.

Если взор твой не видит Симурга черты,
То и сердцу зеркальной не знать чистоты.

Кто не в силах узреть этот лик, для такого
Благодатен рассказ о нем — каждое слово!

И чье сердце любовью к красе воспылало,
Тот и сам — как подобное солнцу зеркало.

Он себя в нем красой просветленной явил,
Светлой сути той отклик влюбленный явил.

995 Это сердце восприняло свойства зеркала,
Чтобы истина светочем в нем заблестала.

Так что вот: он являет красы просветленье,
Ты же с сердцем твоим — лишь его отраженье».

ПРИТЧА

Жил-был шах, красотою — как месяц в зените,
Словно шах среди лун был он в войске и свите.

Кипарису по статности с ним не сравниться,
Солнце быть рядом с ликом его устыдится.

Был смятением мира чудесный тот лик,
Кто смотрел на него, погибал в тот же миг.

1000 В мир краса его бедственной смутой запала,
В души страсть к нему гибелью лютой запала.

Кто красой всему миру на диво отмечен,
Сотней тысяч примет он счастливо отмечен.

И когда он на площадь верхом выезжал,
И в толпу, бойко правя конем, выезжал,
Кто ему по пути ни встречался, бывало, —
Всех краса его сразу же насмерть сражала.

Вся, как есть, в горах трупов, бывало, дорога,
Погулял — да назад: не проедешь тут много.

1005 А молва о красе его всюду была,
И беда от него всему люду была.

И когда все измучились в горе и плаче,
Он задумал являть лик свой людям иначе.

Повелел он — и сделали слуги зеркало,
И поставили так, чтоб у трона стояло.

У дворца приказал он построить чертог,
И светильник в нем яркий, как звезды, зажег.

Он и сам на свое естество любовался,
И народ отраженьем его любовался.

1010 А пока он не сделал такого зеркала,
Красота его людям добра не давала.

А теперь от красы сам изведаль он прок,
И смотревших красую он радовать мог.

Поразмысли и ты: сердце — это зеркало,
Чтобы в нем красота отраженьем мерцала.

Сердце — как бы зеркало в обители тела,
Чтобы зренья твое шахский облик узрело.

Только ежели зеркалу блеск не придать,
Падишах тот не явит свою благодать.

1015 Лишь тогда красоту ты увидишь в зеркале,
Если дух свой к тому подготовишь вначале.

Сколько в зеркале будет сверканья и блеска —
Столько в нем отражений проявится резко.

ПРИТЧА

Как-то раз Искандер ввел обычай забавный —
Самому быть послом своей воли державной.*

Так Симурга, привыкшего к славе и высям,
Сделал он как бы голубем — носчиком писем.

Вот в какое-то царство приехал он сам,
А повел себя, как подобает гонцам.

1020 Искандеров указ возвестил он исправно,
А ведь сам Искандером и был он, — забавно!

Речь свою по повадкам послов возгласил он,
Сам указ свой — из собственных слов — возгласил он.

Кто же знал, что вот он-то и есть Искандер?
Что гонцом сам принес свою весть Искандер?

Дал он ход повеленьям своим и указам
И поведал все то, что таил его разум.

И среди тысяч людей не постиг ни единый,
Что за образ таится под этой личиной!

1025 Кто о шахе болтать небылицы готов,
Внял бы лучше потайным значениям слов.

И когда птицы поняли вешнее слово,
Стал им внятен смысл тайны под сенью покрова.

Стали птицы посланцами цели высокой,
Как бы слиться с судьбою сумели высокой.

Теплой дружеской речью согрел их вожак,
Неприкаянных — дружбой с собою сопряг.

Но вопросом опять зазвучали их крики:
«К-эй, в законах вожденья искусник великий!

1030 Мы — несчастная стая, и нет у нас силы,
Наши души ослабли, тела наши хилы.

Долг велик, путь далек, бедам — нет и числа,
Как же сделать, чтоб цель наша верной была?»

21

**ПТИЦЫ СПРАШИВАЮТ УДОДА
О ПРЕДСТОЯЩЕМ ПУТИ, И ОН ОТВЕЧАЕТ ИМ**

И сказал им Удод, приступая к ответу:
«Вот что должно вам ведать про истину эту.

Вам в дороге любовь — всем основам основа,
Для влюбленных невнятны ни разум, ни слово.

Тот, кто верен в любви, смерть того не страшит,
И бесчестие веру его не страшит.

¹⁰³⁵ Если нужно, то верный во имя кумира
Может с жизнью расстаться, отречься от мира.

И для преданных жизнь — лишь преграда для блага,
Словно путь пресекли им глубины оврага.

Тот един лишь, кто душу и тело забыл,
Ум, безверье и веру всецело забыл.*

Пламень верности жизнь и вселенную губит,
И бесчестье, и веру — все тленное губит.*

Тот, кто верен, не знает ни славы, ни срама,
Отрешен от людей, отрешен от ислама.*

¹⁰⁴⁰ Верность издавна страсти и тяготы жгли,
Словно молнии, жгущие тело земли.

Кто был верен и в страсти был предан мученьям,
Смертный час ему будет от мук избавленьем.

Кто к кумиру любви устремленье имеет,
Для него разве горе значенье имеет?

Верность в мраке ночей рдеет пламенем бед,
Скорби мира дают ей немеркнущий свет.

Скорбь и горе — то пламенной страсти примета,
А без них сердце радостью мук не согрето!»

1045 О слагающий песнь! Спой нам горестным ладом!
Кравчий! Счастье мне будет губительным ядом!*

Чашу горя мне дай и недуг подари,
И душе участь горестных мук подари!

Выпью чашу — и жизнь свою разом забуду,
Веру в бога, рассудок и разум забуду.*

Дом неверия лучшим из мест я признаю,
Повяжу я зуннар, даже крест я признаю.*

Захмелев в кабачке, позабуду я честь
И, спаливши Коран, стану идиолов честь.*

1050 Я в чертоге любви свою веру порушу,
От стыда и от чести избавлю я душу.*

Буду в колокол бить непотребным я звоном,*
Перед идолом ниц, дам я волю поклонам.

К пояснице своей повяжу я зуннар,
Изойду болтовнею, веселием яр.

ПРИТЧА

Шейх Санан был в чести у благого порога,
Тайн невидимой сущности ведал он много.*

Средь святых и святейших он жил у Каабы,*
Его святость с пророками спорить могла бы.

1055 Он в народе столпом благочестия слыл,
Шейхом шейхов священной Каабы он был.

У дверей его — шахи, как нищие — кругом,
Было лестно им, если он звал их к послугам.

Все молитвы его за скорбящих в печали
Сонмы ангелов, руки воздев, привечали.

Лик желанный — мечтаний и дум существо —
Рдел сиянием в зеркале сердца его.

С ним мюридов — четыреста, сутью и с виду
Джунаиду под стать и сродни Баязиду.*

1060 По величью он выше высот небосклона,
Милосердьем — превыше предвечного трона.

Если мир почернел бы от дыма и бед,
От молитв его вмиг возгорелся бы свет.

А для тех, кто спознался с лихою напастью,
Он молитву прочтет — и не быть их несчастью.

Все реченья его — дар пророчеств небесных,
А свершения — плод откровений чудесных.

Лишь помыслит о чем-нибудь — сбудется враз,
Небывалое в быль превратится тотчас.

1065 Как-то раз ночь за ночью ему сновиденье, —
Потерял он покой и лишился терпенья.

Он проснется и молит защиты и крова,
А закроет глаза — тот же сон ему снова:

Будто в чуждой стране он бредет наобум,
А потом узнает, что страна эта — Рум.*

Там забрел в монастырь он и вдребезги пьяным
Стал молиться под стать бывшим там христианам.*

Сон маячил пред ним неотвязною тайной,
И решил он: беда эта — знак не случайный.

1070 Всякий жребий — притон ли, святыня святынь —
Предначертан судьбой, как ни брось, как ни кинь.

Значит, надо в те страны скорее собираться,
Если рок повлечет — не робея, собираться.

Раз уж мне этот край преуказан судьбою,
Что со мной ни случится — я связан судьбою.

Поразмыслил о деле он: как ни верти,
Видит — выхода нету и надо идти.

Вот пошел он, как путник, к священным оградом,
Сотню раз обошел их прощальным обрядом.

1075 Обходя, предавался он горестным думам,
И пошел он в предел, называемый Румом.

И узнали сподвижники шейхов обет,
И пошли они в странствие шейху вослед.

Так и шли они — праведник подвигов славных
И четыреста присных — мужей достославных.

В сердце шейха запали тревога и смута
И губить его стали жестоко и люто.

Каждый миг приносил ему тяготы дум,
И от них непрестанно бывал он угрюм.

1080 И друзья перемену в нем ту распознали,
И печаль, и его маету распознали.

И решили вопрос обратить к нему чинно, —
Им неведомо было, в чем грусти причина.

На вопрос их — от шейха ни слова в ответ,
И от этого было немало им бед.

Прямо к цели за ним они следом шагали,
Да не к цели — к бесчисленным бедам шагали!

И пока они шли в ту страну вереницей,
В сердце шейха тревоги вздымались сторицей.

1085 Миновали они много мест и дорог
И увидели вдруг необычный чертог.

Купола его — ровня небесному своду,
Много башенок странных, невиданных сроду.

Его камни — из скал неудач и несчастий,
А кирпичная кладка — из глины напастей.

В красоте его скрыто сто грозных примет,
Сто узоров на нем — удивительней нет.

Там с причудливых башенок смотрится смута,
И скитальцу ни крова там нет, ни приюта.

1090 Ярче страстных очей там оконные щели,
Но пристанища зла в них укрыться сумели.

Истой вере чертог этот — гибель и вред,
И повсюду там страсти погибельной след.

Там в проемах — как горы камней для защиты —
Саблей страсти ссеченные головы скрыты.

Правоверных побить они градом готовы,
Целый мир погубить камнепадом готовы.

Скрыты полчища гнуси за створой ворот,
Гнусный купол дворца — шириной в небосвод.

1095 Там сто тысяч коварств слиты в цепь, словно звенья,
Страсть безумьем сковала их в цепь исступленья.

Жаром страсти горят там сто огнемолелен,
В них — ста тысяч безумств хоровод беспределен.*

В том чертоге — кружение дыма, и чад
Черным мраком безверья и злобой чреват.

И донине притон, столь же преданный сквернам,
И неверным неведом был и правоверным.

И покинули силы тут шейхово тело,
Душу немощью горя и мук одолело.

1100 Цепенением слабости скован он был,
Блеском мира чудес очарован он был.

Зачарованным взором скользя по громадам,
Вдруг с одним из чудес повстречался он взглядом.

Видит — будто завеса окошко прикрыла,
Широтой — словно небо, а в центре — светило.

Ветер полог надует и чуть отвернет —
И лучи того солнца сверкают с высот.

Да какое там солнце — сто солнц бесноватых
Мотыльками порхают в горящих закатах.

1105 Воплощенье чудесного духа то диво,
Его трепет в душе отражается живо.

А за ним — дивный лик, душу жгущий красой —
Кипарису и розе присущей красой.

И душа зачарована блещущим ликом, —
Каждый миг предстает он в виденье столиком.

Чудный лик красотою — прекраснее гурий,
Он сияет, как солнце, в рассветной лазури.*

Лик ее — яркий свет, кудри — темень и мрак,
Признак веры — тот свет, тьма — безверия знак.

1110 А завесой кудрей лик свой томный закроет —
Будто солнце завесою темной закроет.

Темный мир ее кос — словно стоны влюбленных,
Чадный дым их сердец, жаром страсти спаленных.

А бровей-полумесяцев тонкий изгиб!
Тут и толпы влюбленных смутиться могли б!

А под сводом бровей — взор, грозящий бедою, —
Ведь и своды чертога там смотрят с враждою!

А ресницы у глаз — что войска: ряд за рядом,
Все мятежной толпою готовы к осадам.

1115 Под очами — по крошечной родинке. Да!
Это точка под буквою в слове «беда».*

Эти точки — под оком, и в точках — уста,
У единой беды точек — словно у ста!

А уста — как тайник, тайны страсти таящий
Под незримой завесою, к тайнам манящей.

Те уста исцелят даже тяжкий недуг,
В них дыханьем Исы вдохновлен каждый звук.

Их рубины исток вдохновениям дали,
Для ослабших они исцелением стали.

1120 Ямки щек! Там сто тысяч невольников скрыто —
Ханаанских Юсуфов столикая свита! *

А кудрей своих кольца арканом метнет, —
И без счета в извивах их гибнет народ.

Буквой «нун» точка ямки в округлом окладе,
Словно рябь пузырьков на мерцающей глади.*

Стан трепещущий — с веткою схож молодою,
Ну а поступь — с журчащей живою водою.

А глаза и уста, как на диво, — в разлад:
Убивают одни, а другие живут.

1125 А наряд ее — словно бы роз изобилье:
Сотни тысяч сердец повергает в бессилье.

А на платье — накидка, пестра и нарядна, —
Потрудились тут френги-умельцы изрядно! *

Хоть и насмерть сражает тот пестрый наряд,
Благовонье его — оживляет стократ.

Гнев безбожных очей ее в лютости ярой
Правоверным грозит неминуею карой.

Ее косы — зуннары: поддавшись их чарам,
Правоверный погрязнет в безверии яром!

1130 Прямо в душу краса ее льется волной,
Как холодная влага, испитая в зной.

Свет красоты ее губит вселенную жаром,
Пламя уст ее жжет душу тленную жаром.

Здесь разумные станут огню поклоняться
И святые на святость свою покусятся!

Эта дочь христиан — небывалой красоты —
В блеске солнца предстала, как чадо Исы.

Сердце шейха, как молнией, искрой пронзилось,
И душа его в море огня погрузилась.

1135 Но себя охранил он, к прощенью взывая,
«Бог велик!» — под молитвенной сенью взывая.

Приоткрыла красавица пламень лица
И сожгла всю молитву его до конца.

Стал на землю он падать, ослабший и хворый,
Но обители тела стал посох опорой.

Прислонился спиной он к высокой ограде,
Изумление чудом застыло во взгляде.

Но и телу и посоху был свой предел,
Обессилев вконец, он на землю осел.

1140 Вдруг безгрешную душу согрело любовью,
Кровь вступила, исполнилось тело любовью.

Мощь и немощь терзали и душу и тело,
В изумленья застыли друзья онемело.

Друг на друга они удивленно глядят
И разводят руками, потупивши взгляд.

Все до ночи в великом смятении были,
Да и горем убиты не менее были.

Ночь покрыла весь свет темнотою обложной,
Словно темень безверия — замок безбожный.

1145 Мрак за теменью пал, и слепой и немой,
И пришельцев окутало черною тьмой.

И остались пришельцы в земле нечестивых,
Не земля — горы бед там зияют в извивах.

И для шейха настал день великой печали, —
Люди ночи столь темной вовек не видали.

Небо скрылось под пологом бедствий и мук,
Словно гвозди на нем — точки-звезды вокруг.

Слезы неба текли, едким дымом пролиты,
Чадным облаком, в выси гонимым, пролиты.

1150 И тогда небеса без движенья застыли,
Словно горы — в могучей и скованной силе.

Небо пленникам бедствий страду принесло,
И большую, как горы, беду принесло.

И сокрылась вселенная в гибельных кручах,
Пали вниз миллионы камней горючих.

Очи неба слезинками звезды роняли,
Словно плача о шейхе в жестокой печали.

Этот плач — поминанье о людях земных,
Темень черных одежд — это траур о них.

1155 Шейх повержен, и попран, и сломлен бедою,
Изнемог он, измученный долей худою.

Гнетом страсти давим, в унижение убогом
На земле он лежал перед мрачным чертогом.

Страсть сожгла ему душу и тело огнем,
Вера в бога в неверье горела огнем.

В море слез он тонул, в муках жажды тяжелых:
Пламень сердца из уст вырывался, как всполох.

Страсть любви ему все пеленою затмила,
Мраком ночи ему все земное затмило.

1160 Сто негаданных бедствий послал ему рок,
И несчастный сквозь слезы рыданий изрек:

«Что ни миг, то несчастье и новая кара,
И за что мне, о небо, суровая кара?»

Ты сгубило покой мой и страстью смутило,
Сотня огненных бедствий меня поглотила.

Светом солнца сначала ты грело мой взор,
А потом плен и мрак мне послало в позор.

Да и только ли мрак овладел небесами?
Самый лик естества измарало ты в сраме.

¹¹⁶⁵ Ад сокрыл всю вселенную клубами дыма,
Пламя ада — души моей жаром палимо.

О аллах! Это что за ненастная ночь?
Где бывала такая несчастная ночь?

Я изведаль немало несчастий ночами,
Но не видел таких я напастей ночами.

То не ночь — это сумрак, извергнутый адом,
Или — стоны небес мир окутали чадом.

Да не ведает ночь эту боле никто,
Да не знает подобной неволи никто.

¹¹⁷⁰ Начинать ли про муку ночную рассказы,
Иль о днях моих бедствий начну я рассказы, —

Чувства в теле, желанья, рассудок и разум
За завесою страсти сокроются разом!

Всех желаний, что жгли меня ранее, нет,
Только в муках любви им скончания нет!

Я и сил не найду в моем немощном теле,
Чтобы эти рыданья они претерпели.

Голове моей как притерпеться к ударам,
Не поддаться камням печали и карам?

¹¹⁷⁵ Где глаза — лунный лик созерцать без конца,
Не ослепнув от солнца такого лица?

Где мой лик — рухнуть ниц перед светлым порогом
И припасть, словно к шаху, в смиренье убогом?

Руки где, чтобы в грудь мне вонзили каменья,
И посыпали голову прахом смиренья?

Где мой разум, способный себя соблюсти
И угрозам безумия встать на пути?

Где мой ум — объяснить бы все сущее толком
И разбитое сердце собрать по осколкам?

1180 Где терпенье, чтоб немощи мог побороть я,
Вновь срастить мою печень — куски и лохмотья?

Муку несть — где во мне хоть в помине душа?
Нет ее, ведь мертва и поныне душа!

Где же сердце мое — кровь проталкивать в жилах?
Как и душу, его отыскать я не в силах.

Этот путь мне бедою из бед обернулся,
Да такой, что уж хуже и нет, обернулся.

Лучше б я не родился и не был бы жив,
Чем познать эту жизнь, столько мук пережив!

1185 Лучше б молния с неба бедою слетела,
И следа не оставив от брэнного тела!

Помогите, внемлите души моей крику,
Не щадите, убейте меня — горемыку.

Да не ведает мир стыд деяний моих,
Да не слышит никто стон рыданий моих.

О друзья, разрубите мне тело и кости,
И сожгите, и пепел мой по ветру бросьте!

И не знал бы я в мире стыда посрамленья,
Лучше раз умереть, чем стократ за мгновенье».

1190 Изумясь его бедам, рыдали друзья,
Стали кровью рыдать от печали друзья.

И они, состраданием к горю согреты,
Стали шейху наказы давать и советы.

Шейх не слушает слов их, не внемлет советам,
Смысл речей до него не доходит, — да где там!

На вопрос по законам разумных примет
По обычаям страсти дает он ответ.

Вот один говорит: «Мудрый муж благодатей!
Прах с пути твоего — как сурьма для собратий.

1195 Кто спознался в дороге с тяжелой судьбою,
Оживет, если он овладеет собою».

Шейх ответил: «О сын мой, владеть-то мне чем?
Потерял и себя самого я совсем».

А другой говорит: «Это дело шайтана,
Лишь в раденье предел наважденьям обмана».

Шейх промолвил: «Лишь собранность делу подмога,
Я ж растерян душою, в том пользы не много».

Третий молвил: «Наставник хранящих завет,
Лишь молитва спасет от награвнувших бед».

1200 Шейх сказал: «Ты таких не растрчивай кличей, —
Я — безумен, безумцам неведом обычай».

Кто-то вымолвил: «Сам омовение сделай,
Да и спутникам знак позволения сделай».

Шейх сказал: «Кроме слез, где найдется вода?
Кровью печени в очи мне льется вода».

Пятый молвил: «Купанием сердце очисти, —
Верный путь отряхнуться от зла и корысти».

Шейх сказал: «Отрешеньем, как морем, объятый,
Я тону. Так чего ж еще ждешь от меня ты?»

1205 А один произнес: «Четки есть у тебя, —
От невзгод ты избавишься, их теребя».

Шейх ответил: «У четок порвалась бечевка,
И меня, как зуннаром, опутала ловко».

А другой дал совет: «Подзаймись зубочисткой, —
Все исполнишь обет, — меж зубов ее тискай!»

Шейх сказал: «Зубочистка — одна суета,
Перст смущенья мои закусил уста!»

И еще было слово: «Гнетут тебя страхи —
Головой преклонись для молитвы во прахе».

1210 Шейх сказал, кровью слез обливаясь, как потом:
«Головою прикован я к этим воротам».

Кто-то молвил: «Хоть к Руму лежали пути,
Нам не впору ли ныне к Каабе идти?»

Шейх сказал: «У Каабы искомое мною
Здесь нашел я. Что делать мне с долей иною?»

А еще один молвил: «Мы вышли к пустыне,
В самый раз нам бы к Мекке направиться ныне».

Шейх отвечивал: «Здесь я и Мекку обрел,
В Рум пришел я, — зачем мне неведомый дол?»

1215 А один говорит: «Раз дошли мы до цели,
Не пора ль о родном нам подумать пределе?»

Шейх ответил: «Дарующий блага зиждитель
Вместо родины дал нам вот эту обитель».

Кто-то молвил: «Узнали бы шейхи сей срам —
И воздалось бы карой суровою нам».

Шейх сказал: «Дружба с ними нужна мне едва ли,
Я друзей обрету и в питейном подвале».

Кто-то молвил: «Где святость твоя затерялась?
Где ж забвение благ бытия затерялось?»

1220 Шейх сказал: «Здесь и святость блаженной найдется,
И в обители сей сто забвений найдется».

И в ту ночь все стократ претерпели печали,
И несчастиям шейха друзья сострадали.

Шейх укору встречал с равнодушьем усталым,
А давали советы — совсем не внимал им.

На заре нечестивцы галдеть принялись,
На дела правоверных глазеть принялись,

Правоверных покрыли глумливой хулою,
Расхвалив свою веру безмерной хвалою.

1225 Издевались жестоко над верною верой
И своей похвалялись прескверною верой.

И равняли они, погрязая в грехах,
Мерзость идолов с верой, что дал нам аллах.

Ведь и так было множество бед для пришельцев,
Стал еще от безбожников вред для пришельцев.

Люди шейха и те, что пришли из чертога,
Речь вели то добром, то сурово и строго.

Нечестивцам при споре и шейх помогал, —
Правоверным от этого стыд был немал.

1230 И пока мрак сменился рассветом багряным,
Скорьбь лихая послала беду мусульманам.

И когда яркий свет пересилил потемки,
Нечестивцы ударили в колокол громкий.

И явил небосвод солнца блещущий блик,
Словно дочь христиан показала свой лик.

Нечестивцы совсем распоясались в споре,
Как увидели шейховы страсти и горе.

Пыл неверья всю оладел их оравой,
Нечестивцы расхвастались силой неправой.

1235 Правоверным позорище стало невмочь,
Бросив шейха, в стыде побрели они прочь.

Шейх посмешищем стал даже детям неверных,
Им потеха была в его муках безмерных.

Он — несчастный, восторженный, старый, убогий, —
Зачарован виденьем, лежал на дороге.

Шедший люд издевался отвратно и зло,
Он же смог бы стерпеть и стократное зло.

Быль и небыль, наверно, его пожалели б,
И неверный, и верный его пожалели б,

¹²⁴⁰ Только та христианка погибельным жаром
Обрела участь шейха несчастьям и карам.

И с пути правоверного сбила его,
И позором безверья покрыла его,

На страдальца, откинув свой полог смотрела,
Как на жертву потайно из щелок смотрела.

Но, небрежно смотря на простертое тело,
Она мук его взять себе в толк не умела.

Жизнь и веру надеялась разом отнять,
А смогла лишь рассудок и разум отнять.

¹²⁴⁵ Душу шейха томленьем кручина палила,
Тайны с явью смешав воедино, палила.

Днем до вечера грудь разрывалась на части,
Ночь сменялась зарей — погибал он от страсти.

Как за месяц, росли его муки за миг,
А за месяц он сколько мучений постиг!

И росли без конца и предела страданья,
В черный прах превратили все тело страданья.

И однажды та дева, безбожница злая,
Вновь явила себя, красотою пылая,

¹²⁵⁰ Опалая весь мир блеском злой красоты,
Вопросила о тайне его срамоты.

«О питомцев ислама глава и вожатый,
Их наставник и веры исламской глашатай!

Если Мекка тебе — смысла жизни основа,
Почему в сей обители ищешь ты кровя?

Если ты правоверных главой наречен,
Что же сдался ты в плен в нечестивый притон?

Ведь свернув отдохнуть на ночную стоянку,
Утром странники снова бредут спозаранку.

¹²⁵⁵ Ну а шейх, целый месяц здесь крова искавший,
И покой у чертога чужого искавший, —

Разве в доме бесчестья покой обретет?
Да и прок от неверных какой обретет?»

Шейх смотрел на красу — изумленье вселенной,
Слушал звук ее слов, в глубь души впечатленный.

И все члены его истомила усталость,
И все тело его в корчах мук извивалось.

Разум сник и умолк, от бессилия нем,
В теле признаки жизни исчезли совсем.

¹²⁶⁰ Людям мнилось, — обрел уже смертный предел он,
Словно тысячу жизней прожив, одряхлел он.

Словно труп он лежал — днем и в сумраке ночи,
Лишь за девой вослед поворачивал очи.

Нечестивцы дивились немало ему,
Та злодейка — и то сострадала ему.

Подошли нечестивцы к его изголовью,
Восхищаясь такой небывалой любовью.

Приподняв его голову, люди узрели,
Что жива еще жизнь в этом немощном теле.

¹²⁶⁵ И любовь его людям сердца проняла,
И красавица та отвратилась от зла.

И когда она тронула жертву ногою,
Вдох страдальца исполнился силой благою.

Перед той розоликой очнулся он снова, —
Ни кровинки в лице, на устах — ни полслова.

Долго-долго безгласен и нем он лежал,
Дара речи лишенный совсем, он лежал.

И когда от надежд поокрепла в нем сила,
Нечестивица злобная снова спросила:

1270 «Мы уже вопрошали о шейховой доле,
Чтобы знать, что за беды его побороли.

Только шейх не сумел ум сберечь — потерял,
И от радости он даже речь потерял!

А теперь он в уме, — пусть почтит нас ответом,
Скажет нам о себе — как просили об этом».

Шейх вздохнул, и слезами облился в минуту,
И сказал: «Заронила ты в сердце мне смуту,

На вопрос твой не скрыть мне кручину мою,
И какие ж слова я теперь утаю!

1275 И про горе, что выше всех таинств заветных,
Я скажу, — пусть вся грудь будет в ранах несметных.

Да! Когда я в страданиях лютых влачился,
У любви своей в горестных путах влачился,

Всех несчастий основа едина была:
Лик твой видел я — в этом причина была!

Красота твоя, дивным сияньем объята,
Мне явилась, как солнце в сверканье заката.

Сил не стало, терпения враз я лишился,
И ума, и рассудка тотчас я лишился.

1280 Вот — о бедах мученья сказал я тебе,
Про свои злоключенья сказал я тебе.

Помоги мне — беды тебе в этом не будет,
А погубишь — блаженством и это мне будет!

Вот каков мой рассказ, — знай мой жребий унылый,
А узнала — теперь погуби или милуй».

«О достойный, — та дева ему говорит, —
Видно, люди ислама утратили стыд!

Почему ж это ты, непростой мусульманин,
В изречениях своих несуразен и странен?

1285 Что за суть у тебя — ни ума, ни стыда в ней,
Сам забавен, а речи — еще позабавней!

Тот, кто предан любви, — знай, достойнейший муж,
Он — как кладезь добра, да и чести к тому ж.

А порок суесловья и малым ребятам
Ведь неведом, о ты, нареченный вожатым!

Разве слава у шейхов бывала худою?
И не стыдно тебе пред твоей бородою?

Вот кому девяносто иль сотня годков,
Тот и молод, и стар, — этот возраст таков.

1290 Молодой прегрешает незрелым бездумьем,
Старый может сболтнуть, одержим слабоумьем.

Ты — не малый, не дряхлый, а разумом вял ты,
И рассудок, и ум свой уже растерял ты.

Что за речи ты вел здесь? Такого вовек
Здравомыслящий не говорил человек.

Неразумный! Сомнения нет никакого,
Что в речах твоих сердцу не следует слово.

Тайны знающий муж и в любви верен тайнам
И не выдаст ее даже знаком случайным.

1295 Про любовь — пред любимую нужно сказать,
А болтать о любви — только глупым под стать.

У приверженцев страсти обычай таков ли?
У затворников признак отличий таков ли?»

Луноликая столько упреков сказала,
Что несчастного вовсе стыдом разобрало.

И, смущеньем подавленный, шейх говорит:
«Дева рая, земной перенявшая вид!

Это страсть меня в немощь стенанья повергла,
И в безумье, отнявши сознание, повергла.

¹³⁰⁰ Ум, обычай! Что может быть в мире запретней
Для безумца, за страсть осужденного сплетней?

А за бред, что в безумье сказал я тебе,
Я прошу, — извини: я ведь был не в себе.

Все, что я рассказал, сущей правдою было, —
Так отвечу тебе, сколько б раз ни спросила.

Что ответить мне, чтобы понять ты сумела?
Ведь изранено сердце и сломлено тело.

Все сказал я тебе, — лишь спросила едва,
Если ж что утаил — все о том же слова.

¹³⁰⁵ Я скажу: уж не я ли — любовью томимый,
Уж не я ли хочу единенья с любимой?»

Шейх от сказанных слов не отрекся нимало
Речь его оправданья плести продолжала.

И строптивая дева сказала: «Чудак!
Как ни тужься, а все преуказано так:

Кто помыслит достигнуть со мною свиданья,
Тот обязан исполнить четыре деянья:

Пусть повяжет зуннар да напьется он пьяным,
Пусть он идолов чтит да простится с Кораном.*

¹³¹⁰ Это — лишь за любовь воздаянья залог,
А еще есть два дела — расплата в зарок.

Те четыре деянья — залог отреченья,
Эти два будут тем четверем — искупленье.

Целый год нужно будет пробыть свинопасом,
Да в молельне огонь сторожить час за часом.*

Будет шейх в сей обители верным в любви,
Будет верен обетам примерным в любви,

Что ж, добро! А не то испытаний есть много
Сверх зарока того и превыше залога!

1315 И уж если со мной единения хочешь
И со мной говорить откровеннее хочешь, —

С тем, что сказано было, смириться изволь,
У порога любви опуститься изволь.

Ну а если в душе твоей страсть охладела,
Уходи, до утра не откладывая дела».

Шейх ответил: «О горе души моей хилой!
Страсть мне сердце сжигает с неведомой силой!

Искры страсти к тебе мне все тело сожгли,
Стрелы молний всю плоть до предела сожгли.

1320 Я — безумец влюбленный, больной и несчастный,
Потерял я рассудок от муки всечасной.

Что на ум ни взбредет чаровнице прелестной,
Как перечить ей может безумец безвестный!

Все, что хочешь, вели, о владычица душ!
Не исполню — меч бедствий на шею обрушь!»

И едва шейх промолвил последнее слово,
Нечестивцы и дева сказали: «Толково!»

В том чертоге по-райски палаты убрали,
Так, чтоб были убранством богаты, убрали.

1325 Там поставили небу подобный престол,
Все, что мыслимо, он красотой превзошел.

Там злодейка уселась и негою манит,
Что ни миг — шейху гибель, едва только взглянет.

Шейха вывели прямо к собравшимся сворам,
Чтобы лик его веры измазать позором.

Много было питомцев безбожия там, —
И свои собрались, и прихожие там.

Там вина поналито в сосудах немало,
Разной снеди насыпано в грудях немало.

1330 Гулкий колокол, трубы органа рыдали,
С верой шейха прощаясь в великой печали.

Там стояли священники плотно, подряд, —
Ведь впервые свершался подобный обряд!

Из молельни огонь притащили вначале
И от шейха коран получить пожелали.

И когда принесли туда крест да с зуннаром, —
Та прелестница волю дала своим чарам.

Соскочила с престола, истомой полна,
С сотней почестей к шейху ступила она.

1335 Дева чашу взяла, осушив ее разом,
Лишь узрел это шейх — позабыл ум и разум.

И, вином возбужденная, дерзко взирая,
Она снова наполнила чашу до края:

«Залпом пей, о достойный, теперь твой черед,
Хоть немного останется — будет не в счет!»

Шейху волей-неволей пришлось согласиться
Пить вино, что ему подала чаровница.

А едва только выпил — и слезы потоком,
Честь и веру забыл он в безверье жестоком.

1340 Выпил столько, что дымом душа изошла,
В винном пламени тело спалилось дотла.

Подносили вина шейху чару за чарой,
Ум стеснился от гнета любви его ярой.

И когда шейху разум вином одолело,
Стал он деву просить о свидании смело.

И коварная дева сказала в ответ:
«Ты ведь знаешь, какой ты давал мне обет». —

«Чаровница, — ответил ей шейх, — молви разом, —
Все потребууй, — твоим я послушен приказам».

1345 И старшинам неверных та дева велела
Перед шейхом безверье прославить умело.

Те бесчестье без меры хвалить принялись,
Чудеса своей веры хвалить принялись.

Платье веры с него догола ободрали,
Все, кто видели срам этот, горько рыдали.

И к купели с вином подтащили беднягу,
И бесстрашно нырнул он в холодную влагу.

В тот же миг принесли нечестивый наряд,
Облекли в него шейха с макушки до пят.

1350 Стан его обвязали зуннаром красивым,
Правоверный в мгновение стал нечестивым.

И в молельне его подвели к истуканам,
И пред ними он пал в исступлении пьяном.*

Там сожгли все одежды, что были на нем,
Даже «Слово господне» спалили огнем.*

Так вот пил он и пил, и все время был пьяным,
И спьяна поклоняться он стал истуканам.

Не осталось такого срамного занятия,
Коем небо его не карало в проклятье.

1355 От Каабы спасла его мигом любовь,
Предала на позор забулдыгам любовь.

Над несчастным глумились юнцы и гуляки,
Над подвижником веры — любители драки.

Он не помнил себя от дурмана хмельного,
А едва лишь очнется — нальют ему снова.

День и ночь он дурмана не мог превозмочь,
И не ведал он даже, где день и где ночь.

Как-то раз в помрачении диком под утро
Дал он волю стенаньям и крикам под утро:

¹³⁶⁰ «О повергшая сердце мое в испытанья!
Моего существа сокрушила ты зданье.

Страсть к тебе все, что было и есть, отняла,
Веру в бога разбила и честь отняла.

У людей вашей веры обычай таков ли?
Честь и веру блюсти свод приличий таков ли?

Разве так исполнять свой обет подобает,
Рушить верность доверью во вред — подобает?

Любо было тебе — ты терзала меня,
Тучей молний твоих обжигало меня.

¹³⁶⁵ Сколько просьб я исполнил — уж нету суровой,
Сколько выполнил разных жестоких условий, —

Вместо верности ты небрежение даришь,
Не свиданье, а зло унижения даришь.

Я ж, несчастный и старый, в недугах зачах
И оковы безверья влачу на ногах.

Ты меня — что ни день — ядом пьяным терзала,
В обещаньях коварным обманом терзала.

Так вот мучить, ни разу с участием не глянув, —
Не боишься ты кары своих истуканов?»

¹³⁷⁰ Дева молвила: «Ты придержи свой укор
И изволь до конца выполнять уговор.

Для меня совершил ты четыре деянья,
Два осталось еще — за любовь воздаянье.

Ты ведь клялся, о муж достославного рода,
Что вот здесь, в этих землях, в течение года

Ты в молельне, ночами терпенье храня,
Будешь зорко стеречь полыханье огня.

Днем без устали будешь ты делать иное —
Гнать по долам и пастбищам стадо свиное.

¹³⁷⁵ И до ночи при свиньях и в смраде их будешь,
Пастухом в отвратительном стаде их будешь.

Год пройдет — ты в любви обретешь торжество,
Я сама подготовлю кутеж — торжество.

По законам безверья тебя я потешу,
В душу радость свиданья вселяя, потешу.

Если ж ты не сумеешь пойти той дорогой,
Если страсть твоя будет тщедушно-убогой,

Да безверье презришь ради веры своей,
Убирайся, к Каабе спеши поскорей!

¹³⁸⁰ А за то, что ты пил столько дней без просвета
Да кутил здесь, — тебя я прощаю за это.

Ну и ты не сердчай, что сожгли твое платье,
И об этом тебя попрошу не кричать я.

Если хочешь отплаты — возьми, удружи,
Для расходов в пути при себе придержи.

И считай: все, что видел, — тебе не знакомо,
Конь страстей твоих не был у этого дома».

Шейх, услышав такие слова луноликой,
Возопил в исступленье любви своей дикой:

¹³⁸⁵ «О любовь моя! Сердце мое не круши,
Ты — мне жизни отрада и сила души.

Все, что хочешь, вели мне, я раб твой покорный,
Не исполню — казни меня смертью позорной.

Но молчи, о разлуке — ни слова, не надо!
Счастья нег не лишай так сурово, — не надо!»

И еще он воскликнул: «Ведите свиней,
К пастуху его стадо гоните скорей!

Помогите мне, грешному, милость явите
И в молельню, что пышет огнем, отведите».

¹³⁹⁰ И пригнали к подвижнику стадо кабанье,
И исполнили также второе желанье.

День за днем шейх свиней как пастух сторожил,
А ночами — огонь, чтоб не тух, сторожил.

Утром колокол грянет в притоне проклятом
И расколет тьму ночи зловецим раскатом,

Шейх бежит, как шальной, весь в золе и дыму,
Сам огонь по безумью — не ровня ему!

¹³⁹⁵ И под колокол тянет напев он гнусавый
Заодно с нечестивцами — всей их оравой.

И всей сворою — к свиньям, считают их рыла,
А свиней с ним бессчетное множество было!

Так и жил он невольником мрака и зла,
Ну а те, с кем судьба его вместе вела,

Все пытались спасти его, брались за дело,
Но ни на волос это его не задело.

И ушли они, шейха спасти не сумели,
И остался в неволе он в чуждом пределе.

¹⁴⁰⁰ У Каабы они свой приют обрели,
Со стыдом удалившись от этой земли.

А у шейха мюрид был, надежный и верный,
Вдоволь пивший из чаши любви беспримерной.*

Шейх, бывало, в дорогу к неведомым странам,
Вместе с ним и слуга — за его караваном.

А когда шейх отправиться в Рум порешил,
Вышло так, что мюрид его в странствиях был.

А вернувшись из странствий, подвижник смиренный
В тот же час устремился к Каабе священной.

¹⁴⁰⁵ Вот с дороги идет он в святую обитель,
Где сейчас должен быть и его покровитель.

А обитель пуста, и наставника нет,
Он ушел и четыреста присных — вослед.

Стал расспрашивать всех он в великой печали,
И ему о случившемся все рассказали —

Как отправился шейх прямо к румским пределам,
И с каким он в дороге спознался уделом.

А поскольку помощник у шейха — он сам,
Без него все, кто был, разбрелись по домам.

¹⁴¹⁰ Всех собрать приложил он стараний немало,
И о шейхе он выведал все от начала:

Как, узрев сновидение, к Руму пошел он,
Как в притоне от девы терпел произвол он,

Как, измучен любовью, несчастным он стал,
Как в смиренье безволя безгласным он стал,

Как, напившись вина, стал гулякой он пьяным,
Как он, веру поправ, предан стал истуканам,

Как в молельне огню поклонялся он рьяно,
Как он в пламени сжег божье слово корана,

¹⁴¹⁵ Как зуннар он навертывал, веру губя,
Как в четыре кольца обернул им себя,

Как огонь сторожит он в молельне ночами,
Как за свиньями смотрит он целыми днями,

И ответил он горько, узнав эти вести:
«Вы похуже свиней, нет совсем у вас чести!

Шейх — глава ваш, мюридами вас он зовет,
Быть у шейха под властью — любому почет.

На стезе отрешенья закон есть известный:
Что ни сделал наставник — муж доблести честной,

¹⁴²⁰ Долг сподвижников — жить в послушании строгом,
Не теряя, однако, смиренья пред богом,

И при нем, и в разлуке — ему подражать,
В каждом деле главе своему подражать.

Мне за вашу неверность презренную стыдно,
Видеть вашу одежду смиренную стыдно.

В благоденствии вы поболтать-то охочи,
А в безвременье — прочь, спрятав в сторону очи!

Совершив это зло, вы и шейха с тех пор
Обрекли на чужбине на тяжкий позор.

¹⁴²⁵ Вам не боязно бога, стыда в вас не стало,
Зло содеяв, пришли как ни в чем не бывало!

Вы пришли, бросив шейха в далекой чужбине,
Служба шейху и сам он противны вам ныне.

Хоть и числите в праведной свите себя,
И дервишами даже вы мните себя,

Благочестие, четки, свой сан вы срамите,
Посох, святость одежд и тюрбан вы срамите.*

Если б шейх был псарем при собачьей ораве
И воспитывал псов, целой сворой их правя,

¹⁴³⁰ И притом гнев небес был бы так же суров, —
Разве он обманулся бы в верности псов?

Те удрали б, другие бы рядом остались,
Вместе с ним, вопреки всем преградам, остались

И со злобой терзали б его лиходеев
Иль рыдали б по нем, вой печальный затеяв.

Человеку со псом не сравнится никак:
Там, где верность нужна, — люди хуже собак.

Ну а будь у вас храбрость и к делу раденье,
Были б совесть и малое хоть разуменье,

¹⁴³⁵ Раз уж срок подошел быть такому несчастью,
Чтобы шейха та дева опутала страстью,

Каждый раз, как мученье ему подошло,
Вместе с ним вам терпеть нужно было бы зло.

Вы ж, в оплошности вашей свершив небреженье,
Сто бесчестий явили взамен отрешенья.

Разве жалкий хвастун зваться мужем достоин?
Кто ж хвалы в своем чванстве досужем достоин?»

Каждым словом, которым он стал отвечать,
К их устам прилагал он молчанья печать.

¹⁴⁴⁰ И когда он укоров им высказал много,
Он добавил: «Безделье — делам не подмога».

И отправился в Рум он с намереньем смелым,
И пошел он к безбожным и гнусным пределам.

И мюриды решили с ним вместе идти,
Будь что будет — делить с ним невзгоды пути.

Вот уж долго бредут они чуждой страной,
Видят: шейх среди поля с оравой свиной.

И следа не осталось в нем веры — нимало,
Даже признаков разума — как не бывало.

¹⁴⁴⁵ Как Меджнун, он в смятенье, оборван и пьян,
И сдружился с ним, видно, безумья дурман.

Смотрит — будто не знает, и — в сторону взглядом,
Отвернулся и взором блуждает за стадом.

Как увидел глава ходоков это дело,
Застонал он, и сердце его онемело.

И в тоске он облился потоками слез,
И, взглянувши на спутников, он произнес:

«Восхваленье воздайте творцу всеблагому,
Здесь не место теперь вам, ступайте-ка к дому.

1450 Шейх, достойный и мудрый, наставник искусный, —
Что с ним сделали козни любви его гнусной!»

И пошел он обратно и прямо — во храм,
В дом, где верный приют сокрушенным сердцам.

И в господней обители в праведном рвенье
День и ночь возносил он пред богом моления.

Только он вознести мог молитвы и просьбы,
Чтобы шейху от скверны спастись довелось бы,

Потому что в тех помыслах верным он был,
Среди преданных мужем примерным он был.

1455 Он молился так долго — с тоской и терпеньем, —
Что господь снизошел к его горьким молениям.

Как-то ночью, предавшись рыданиям обильным,
Стал от горестных слез он больным и бессильным.

А под утро совсем стал от немощи хвор:
Лишь откроет глаза — и смежается взор.

Видит: благостным светом окрестность залило
И из блеска сиянья явилось светило.

Да не солнце, а сто перед ним их явилось —
Сотня светочей, жаром палимых, явилось.

1460 То пророк всех пророков как вестник сошел,
Свет добра, Хашимидского рода посол.*

На лице его — светлой улыбки сиянье,
На устах его — речи живящей журчанье.

И увидел тот муж кладезь тайн пред собою,
И простерся он ниц со смиренной мольбою:

«Ты в высотах пророчеств всех сильных сильней,
Не лишай ты заблудших подмоги своей!

Мне несчастья мои объяснять нету нужды:
Ведь известны они тебе все и не чужды!»

¹⁴⁶⁵ И сказал шах пророков стоблагостным ладом:
«Да цветут упованья твои вертоградом!

Верным помыслам, добрым стремленьям — хвала!
И высоким твоим побужденьям — хвала!

Ты такую покорность явил и смиренье,
Что творец милосерден к тебе за терпенье.

И мольбам и смиренным рыданиям внял он,
И стенаньям твоим с состраданием внял он.

Тайнам божьего промысла в яви цвести,
И в степи отрешенья, на верном пути

¹⁴⁷⁰ Всем взыскующим доля назначена строго:
От нее не спасет никакая подмога.

С шейхом вашим судьба поступила сурово,
Ведь никто не видал еще в жизни такого.

Бог спасенье послал от напастей твоих,
Славь творца, ты спасен от несчастий твоих!

Много мук претерпел ты — за эти лишенья
Бог тебе милосердие шлет в избавленья».

И от тайны, открытой посланником бога,
Пролил радостных слез тот проситель премного.

¹⁴⁷⁵ Застонал он, и разом оставил его,
Ум от немощи разом оставил его.

Ветер утра, насыщенный мускусом пряным,
Мускус ночи овеял камфарным туманом.*

У простертого ниц вдруг сознание блеснуло,
И вскочил он, очнувшись от шума и гула.

И за то, что дала божья воля ему,
Он вознес восхваленья творцу своему.

Тут спешели друзья, расспросили, узнали
И — за ним, в путь-дорогу, в далекие дали.

1480 Вот спешат они шагом стремительно скорым,
Словно ветер по травам и водным просторам.

По горам да по долам, со склона на склон
Шли туда, где глава их был страстью сражен.

И пришли. И прозрел помраченный бедняга,
И открылось ему сокровенное благо.

Ветер сада господня вдохнул он душою,
И исполнился дух его силой большою.

И рыданья стыда снова вспыхнули в нем,
И пылал его стон покаянным огнем.

1485 И одежды безверия скинул он яро,
И порвал он узлы и тенета зуннара.

От неверья душа была мраком одета,
Светоч истины дал ей сияние света.

И узрели те люди свое торжество:
Твердость их утвердилась и в сердце его.

И, увидевши чудо того превращения,
Вознесли они богу стократ восхваленя.

И сказали: «Глава наш в служенье высоком,
Знай, дана тебе помощь в спасенье пророком!»

1490 И когда шейх услышал об этом рассказ,
Все, что думал, друзьям он поведал тотчас.

Мужу верности мудрой открыл он объятья —
За бесстрашие и верность во всем без изъятья.

И сказал он: «О чадо, любимое мною,
Нить души моей, в сердце хранимая мною!

Был ты верен, иных устремлений не знал,
В верной дружбе вовеки сомнений не знал.

Как у бога мне вымолить — речью какую,
Чтобы он одарил тебя щедрой рукою?»

1495 И не смог удержать он счастливого плача,
В ноги шейха повинную голову пряча.

Много выпало им и тревог и невзгод,
Прежде чем наступил для покоя черед.

А затем все сказали: «Послушай, вожатый!
Раз воздал нам всевышний столь щедрой отплатой,

Уходить из опасного края нам надо
И к Каабе идти, поспешая, нам надо».*

Шейх омылся, в хырку облачился опять,
И друзья были радость не в силах сдержать.*

1500 С твердой верой пошли они к дальним святыням,
Быстрым шагом пошли по степям и пустыням.

Шейх шагает к мекканским святыням покуда,
Взор на ту луноликую кинем покуда.

В полудреме красавице видится сон,
Что светило, померкнув, пошло под уклон,

Будто голос Исы вдруг доходит до слуха:
«Видно, сердце твое к зову верности глухо.

Шейх Санан, достославных мужей предводитель,
Что приютом себе выбрал вашу обитель,

1505 Из-за гнета ему причиненного зла
И обидясь, что ты с ним сурова была,

Кров обители вашей навеки покинул,
Ради крова родной ему Мекки покинул.

Поспеш и, проникнувшись шейховой верой,
Повинись перед ним, в их обычай уверуй!»

И красавица вмиг пробудилась от сна,
И за шейхом решила пуститься она.

И когда она вспомнила все, что свершила,
Ее душу стыдом, как огнем, опалило,

¹⁵¹⁰ Застонала она и — в дорогу скорее,
И к святыням Каабы пошла не робея.

Слезы звездами с неба роняла она,
Как Лейли по Меджнуну, рыдала она.

И пошла вслед ушедшим, и мчалась резвее,
Чем летит лепесток, завихрясь в суховее.

Шаг за шагом идя, чуть жива была дева,
Грех отмщала ей кара небесного гнева.

А в пустыне совсем она стала худа,
Одолел ее ужас, приспела беда.

¹⁵¹⁵ Извела ее немощь, сковала усталость,
А пред нею бескрайняя даль простиралась.

Говорит она: «Боже, слаба я и хила,
Кровь сожгла мое сердце и взор мой затмила.

Я больная, несчастная, — милостив будь,
Одинока ужасно я, — милостив будь.

Хоть иного я, кроме позора, не знаю,
Где ж, помимо тебя, мне опора? — Не знаю!»

Так она о судьбе одинокой рыдала,
О беде безысходно глубокой рыдала.

¹⁵²⁰ Скорбь несчастной была так горька и сильна,
Что бессильно на землю упала она.

И простерлась во прахе, лишившись рассудка,
И страданье ее было страшно и жутко.

И прозрели неладное шейх достославный
И шагавший с ним рядом мюрид его главный.

Распознали они луноликой беду,
Ее муки и скорби великой беду.

Шейх и верный мюрид его вспять повернулись,
И другие, чтоб с ними шагать, повернулись.

1525 И у каждого сотни догадок роятся:
«О создатель, зачем же назад возвращаться?»

И они вместе с шейхом пришли в те места,
Где лежала та дева — сама красота.

И хоть шейх безучастен был к прежним желаньям,
Совладать он не смог с подступившим рыданьем.

Он прижал к себе деву, склонившись с ней рядом,
И с ресниц его слезы посыпались градом.

Лепесткам была сладость нектара дана,
И нарциссы-глаза пробудились от сна.

1530 И, увидев, что шейх ее держит в объятьях,
Дева слезы лила, не умея сдержатъ их.

И она застонала в бессилье жестоком,
И лились ее слезы кровавым потоком.

И сказала она: «Муж святого пути!
Где, скажи, мне слова покаянья найти?»

Даже злое дитя, что бросает каменья,
В зной под сенью дерев обретает спасенье.

Даже ветви, что тысячью терний колючи,
По весне расцветают от благостной тучи,

1535 Грех деяний моих необъятно велик,
Свет добра в твоём сердце стократно велик.

Все мои злодеяния знаю я точно,
Пред твоим милосердьем я зла и порочна.

Все дела мои злы и без меры ужасны,
Я сама и грехи моей веры ужасны.

Я сказала бы, как ты величем высок,
Только жизнь мне недолгий оставила срок».

И усердые к исламу она возвестила,
И пророка Исы имена возвестила.

¹⁵⁴⁰ И сказала еще: «Все! Конец моим бредням,
Веру мне объяви перед вздохом последним».

И омыл ее лик шейх потоками слез,
И до девы величие веры донес.

И она, с тяжким вздохом приняв эту милость,
Перед шейхом навеки с душою простилась.

Правоверных объяло волнение снова,
Вознесли они вопли смятения снова.

И безверью, и вере понятие дано, —
Ох, чудно́ это дело, взаправду чудно́!

¹⁵⁴⁵ Да, в любви столь чудесных свершений немало,
И чудес, что всех тайн сокровенней, немало.

Ведь любовь — океан с бездной вод беспредельной,
В каждой капле его — небосвод беспредельный.

Да, любовь — целый мир необъятных широт,
И любовь — это небо бездонных высот.

Но и небо затмить может тучей ненастной,
Муха может взлететь выше птицы прекрасной.

Лишь единая искра любви загорится,
Сотням молний сверкающих с ней не сравниться!

¹⁵⁵⁰ В море страсти и капле способность дана
Мир потоками бедствий разрушить сполна.

Меч любви — сотен тысяч побоищ свершенье, —
Ни возмездия им, ни отплаты, ни мщенья!

Испытавший в любви сто напастей и бедствий
Не спасется вовек от несчастий и бедствий.

Сад любви небывалою мукой объят,
В кровь безвинно погибших окрашен тот сад.

Там пушинки ресниц — как смертельные жала,
Ими сонмы страдающих насмерть сразало.

¹⁶⁵⁵ От единой лишь родинки гибнет в увечьях
Все бессчетное войско очей человеческих.

Во владеньях любви шах и нищий равны,
В мире праведность с долею низшей равны.

Нет в любви, кроме гнета и тягот, иного,
Кроме бедствий, что на сердце лягут, иного!

Вот и шейх, возгоревшись великой любовью,
Посрамлен был всесветно столь дикой любовью.

А потом, как и я, присмирившись навек,
На чужие сердца не ходил он в набег.

¹⁵⁶⁰ Говорят, у меня бед не больше бывало, —
Да, не больше, а все же их было немало!

Эй, постой, Навои, прекращай эти речи,
О любви не суди — забредешь ты далече! *

Если срок, хоть и малый, а будет мне дан,
О любви моей тоже сложу я дастан.

И судящий всегда обо всем справедливо
Сам увидит, верна моя речь или лжива.

Шейх утешился в горе своем понемногу
И собрался к священной Каабе в дорогу.

¹⁵⁶⁵ Он ту деву в чертоге любви схоронил,
Средь священных гробниц и святейших могил.

От Каабы пустился бродить он по свету,
И к Каабе вернулся он, верный обету.

И пока рок не свел его снова с любимой,
Он молитвы творил, покаяньем томимый.

**О ТОМ, КАК ПТИЦЫ КИНУЛИ ЖРЕБИЙ,
КОМУ БЫТЬ ВОЖАТЫМ,
И О ТОМ, КАК ЖРЕБИЙ ВЫПАЛ УДОДУ**

И, услышав столь дивные речи, вся стая
Взволновалась, смущение в сердце питая.

Все иные желанья любовь отобрала,
Им от пламени страсти покоя не стало.

¹⁵⁷⁰ Словно молния, стал их высокий полет:
Запад скроется — тут же восток промелькнет.

Сколько было в них мочи — спешили к надежде,
Что ни миг — новый дол и страшнее, чем прежде.

И одни смело мчались с мечтою о цели,
А другие в дороге совсем ослабели.

И от стаи своей отставали они,
Отделялись на каждом привале они.

Долг любого, кто признан главою народа,
Ведать трудности жизни живой у народа.

¹⁵⁷⁵ Если ж подданным жизнь их опалою будет,
Посрамленье главе их немалое будет.

Если пастырь не знает, где корм, где вода,
Значит — паства погибнет, погибнут стада.

И толпе, что себе вожака не избрала,
Отправляться в дорогу совсем не пристало.

Дальний путь предстоял птичьим стаям, опасный,
И все вместе пришли они к думе согласной.

И сказали: «Нам нужен надежный вожак,
Осмотрительный и осторожный вожак,

- ¹⁵⁸⁰ Чтобы стал он всем птицам главою на деле,
Путь наш труден, а мы уже все ослабели.
Пусть он будет нам в тяготах зорким вожатым,
Пусть он будет всей стае главой и собратом».
- Все, что были там птицы — простые и знать, —
Попросили Удода главенство принять.
- Но когда птичьи крики обрушились разом,
Нрав его воспротивился властным наказам.
- «Если я, — молвил он, — поведу вашу стаю,
Если путь укажу, как умею и знаю,
- ¹⁵⁸⁵ Вы мне скажете что-нибудь наперекор,
Я боюсь — между нами случится раздор!»
- И Удод отказался исполнить надежды,
А другие, хоть были среди них и невежды,
Видят — время тяжелых забот наступает,
Видят — жребий им кинуть черед наступает.
- Жребий кинули всем, кто там был, — круговой,
И Удоду досталось быть в стае главой.
- Говорить ему долго — причины не стало,
Отречься от долга — причины не стало.
- ¹⁵⁹⁰ И за то, что премудр больше всех был он сроду,
Присягнула вся стая на верность Удоду.
- И когда стал главою всей стае Удод,
Все согласно решили продолжить полет.
- И сказали они: «Ты — вожак, мы — подвластны,
Все веленья твои исполнять мы согласны.
- Ты над нашею ратью поставлен главою,
Строй в поход нас, веди на пути за собою».

**О ТОМ, КАК ПТИЦЫ
ПРИЛЕТАЮТ К КАКОЙ-ТО ДОЛИНЕ
И ИХ ОХВАТЫВАЕТ ОЦЕПЕНЕНИЕ,
И О ТОМ, КАК ОДНА ПТИЦА
ЗАДАЕТ УДОДУ ВОПРОС**

Стал главой им Удод в дальнем странствии к цели,
И, отправившись в путь, птицы в небо взлетели.

¹⁵⁹⁵ Долго крыльями били в подоблачной сини
И примчались к какой-то широкой долине.

И предстала пред ними бескрайняя гладь,
Видят птицы — спасения им не видать.

Там страданий не счесть — без числа, без предела,
Безысходная ночь там и мгла без предела.

Это зрелище — гибель и смерть для живого,
А ведь надо лететь — нет исхода иного!

Страх и ужас объяли пернатую рать,
Нет и слов о смятении птиц рассказать.

¹⁶⁰⁰ В этот дол не ступала нога человека,
В эту ширь не летали и птицы от века.

Птицы слабли, их крылья оставила сила,
И тогда одна птица Удода спросила:

«Почему этот путь над пустыней идет?»
И, подумав немного, ответил Удод:

«Здесь народ предавался раздорам бесплодным,
Шах забыл о величье своем благородном».

ПРИТЧА

Как-то раз Баязид — старец чести высокой —
Вышел ночью из кельи своей одинокой.

- ¹⁶⁰⁵ Ночь разливами лунного света блистала,
Небо россыпью звезд свой цветник расстило.
Словно синее море — небесная высь,
Из глубин его звезды, как жемчуг, лились.
Купол неба вознесся предвечным чертогом,
Ширь вселенной простерлась в величии строгом.
Ум бессилен постичь их покой и движенье,
Разум немощен вникнуть в их суть и строенье.
И во всем этом мире, простертом в тиши,
Мудрый старец не встретил нигде ни души.
- ¹⁶¹⁰ Как ни тщился искать он, забыв про усталость,
Сколько стран ему, гор и пустынь ни попалося, —
Ни единого следа окрест не сыскал он,
И таких же, как сам он, существ не сыскал он.
«Почему же так пуст, о творец, сей приют?
Где же горем и страстью терзаемый люд?»
И достиг его духа неведомый голос,
И донесся до слуха неведомый голос:
«Свет и слава присущи благому порогу,
И не каждый к нему обретает дорогу.
- ¹⁶¹⁵ Беспределен величием шахский чертог,
Но не каждый найти в нем пристанище мог.
Тьма взыскующих жизнью за это платилась,
Благо, если хоть избранным выпала милость».

**О ТОМ, КАК ПТИЦЫ СПРОСИЛИ УДОДА
ОБ ИСПЫТАНИЯХ, СУЛИМЫХ ЭТОЙ ДОЛИНОЙ,
И О ТОМ, КАК ОН ОТВЕТИЛ ИМ**

Те слова, что вожак молвил птицам и птахам,
Души путников лютым наполнили страхом.

Их сердца беспредельной бедою объяло,
Души их безысходной страдою объяло.

Виден путь перед ними — конца не найти,
Чем избавить от горя сердца — не найти!

¹⁶²⁰ Пламень скорби на небо взлетал языками,
Трон престола небесного сгубит то пламя!

Взвился ветер враждебный, вихря непогоду, —
Он хребет переломит небесному своду!

И такой-то вот путь стая немощных птиц,
И душою и телом простертая ниц,

Одолеть разве сможет? — Возможное ль дело?
Кто об этом помыслит, тот судит незрело!

Но когда души птиц совладали с испугом,
Уповая стократ, собрались они кругом,

¹⁶²⁵ И явили Удоду смирения знак,
И сказали: «Внемли нам, глава и вожак!

Если бог тебя сделал главою над нами,
Укрепи нас, не дай нам погибнуть во сраме.

Ты на этом пути наш вожак-предводитель,
Нам, заблудшим и грешным, глава-покровитель.

Нас сомненья и тяготы губят в пути,
Как бы нам себя ссорами не извести!

Пусть все птицы подряд тебе выскажут слово,
Пусть избавят себя от терзанья лихого.

¹⁶³⁰ Облегчи бремя тягот всем птицам по чину,
Объясни наши беды, их суть и причину.

Речь достойно веди, обо всем Расскажи,
Правду слова спросившему в душу вложи!

Изгони из ума и души все сомненья,
В наших темных сердцах заглуши все сомненья.

Ты сердца успокой нам, спаси от несчастий,
Ты избавь нас от всех наших бед и напастей,
Чтобы не было ссор — ни на волос, ничуть,
С твердым сердцем должны мы отправиться в путь.

1635 Сесть бы нам ненадолго в каком-нибудь логе,
В птичьих душах тогда бы утихли тревоги.

Что тревожит кого — рассказали б об этом,
Ты бы всех успокоил разумным ответом.

И когда нам сердца не гнела бы беда,
И от мук и невзгод не осталось следа,

С твердой думой лететь нам пора бы приспела,
И к великой бы цели взлетели мы смело.

Ведь не день и не два нам осталось до цели,
Кто сказал, что уже мы в заветном пределе?

1640 И в какие-то дали в смятенье нестись
Да с сомнением в душе — нелегко, согласись».

И уважил он просьбу, и внял птичьей воле,
И пристанище выбрал, и сел в этом доле.

Вместе с ним опустилась пернатая рать,
И премудрый наставник стал речи держать.

ВОПРОС

«Вопрошайте, — он молвил, — чья мука сурова?»
И сказал вопрошавший такое вот слово:

1645 «О, послушай, ты — птица особых отличий,
А ведь род у нас всех — одинаковый, птичий.

В равной мере нам крылья и перья даны,
Почему же ты сведущ, а мы все — темны?

О различии этом скажи нам по чину,
Почему это так — объясни нам причину».

ОТВЕТ

И ответил Удод: «Отличен я высоко,
На меня пала сень Сулейманова ока.

А всевышний его осенил своим оком,
Удостоил короны и сделал пророком.

¹⁶⁵⁰ Джиннам, людям, животным и птицам он — шах,
Этот сан даровал ему в милость аллах.

А властитель державный, отмеченный богом,
Порадел мне в моем худородстве убогом.

И меня высшей почестью он и отметил,
И величием этой короны отметил.

От сияния взора, что славой велик,
Даже прах может золотом сделаться вмиг».

ПРИТЧА

Шейх Кубра Наджмиддин был вершиной вселенной,
На кого обращал он свой взор просветленный,*

¹⁶⁵⁵ Проникался в тот миг благодатью святою,
Позабыв своелюбье, сиял чистотою.*

Небывалое было достигнуто им:
Тот, чей облик он зрил, становился святым.

Как-то раз от его просветленного зрака
Благодатью святою прониклась собака.

От степенства стал вид ее гладок и сладок,
И отвыкла она от собачьих повадок,

Перед шейхом явила покорности знак,
Стала самую главную в своре собак.

¹⁶⁶⁰ И куда бы ни шла она с целью любою,
Вслед за нею собаки бежали гурьбою.

Только где-нибудь ляжет — вокруг властелина
Собирается свита — собачья дружина.

И когда ей судьба смертный вынесла суд,
Был ей вырыт у шейховой двери приют.

И собачью могилу красиво убрали,
Как надгробье святого — на диво убрали.

И собаки, печалясь, рыдали и выли,
Целой сворой собираясь на скорбной могиле.

¹⁶⁶⁵ Правоверным поныне прибежище там —
Их благим упованиям и тайным мечтам.

Та могила в Хорезме доселе известна —
В том благом и счастливом пределе известна.*

Нет чудеснее слов во вселенском просторе,
Чем рассказ о собаке и благомном взоре,

И о том, как собаку настиг этот взор,
И как стала с людьми она схожа с тех пор.

Если пса преблагое возвысило око,
То и птице доступен почет у пророка.

¹⁶⁷⁰ Разве людям одним уготована милость,
Чтоб сияние святости в них проявилось?

Если птицам дарует величье пророк,
Им великий в смиренье откроется прок.

Ведь и прежде бывали такие примеры,
Подтвержденье — рассказ о друзьях из пещеры.*

Если милостив будет господь справедливый,
У собак и у птиц доля станет счастливой.

ВОПРОС

И сказал вопрошавший, в отчаянье воя:
«К-эй, властитель! У птиц наречен ты главою!

¹⁶⁷⁵ Путь суров, я — во власти у немощей плоти,
Муха с птицею Анко сравнится ль в полете? *

Каждый миг на пути нам сто бед и невзгод,
Каждый миг нас сто тысяч несчастий гнетет!

Мы летим среди гор, нам грозящих бедою,
Пыльный вихрь угрожает нам смертной страдою.

Ураган нас взметает к подоблачным скалам,
Словно пыль, кружит камни и рушит обвалом.

То, что льву не по силам, — уж сам разумеи,
Разве сделает слабый, больной муравей?»

ОТВЕТ

¹⁶⁸⁰ И ответил Удод: «К-эй, печальник унылый,
Нерадив ты в стараниях, глупый и хилый!

Сколь бы тело ни грызли страдания плоти,
Все — не горе тому, кто усерден в заботе.

Та забота — великое дело любви,
Кто не знал ее. — мужем того не зови!

Ну а если любовь суть всего и основа,
Разве может быть рвение к ней у дурного?

Всем влюбленным страдания страсти присущи,
Им — не быть у соблазнов во власти присуще.

¹⁶⁸⁵ Для влюбленных страданья и муки — закон,
Им боязнь за утробу чужда испокон.

Им презрение к бранным суетам привычно,
Им любить только вечным обетом привычно.

Если сердце согрето любовью и пылом,
Что за важность — здоровым ли быть или хилым?

И влюбленный пожертвовать жизнью готов:
Ведь свободна любовь от житейских оков.

За любовь умереть — цель его и желанье,
Для него и погибнуть — благое желанье!

¹⁶⁹⁰ Кто к соблазнам, как цепью, прикован тщетою,
Тот и сердце погубит тревогой пустою!

Никому немощь духа не будет в почет,
И влюбленный ту немощь добром не зовет.

Если ж немощь любовным терзаньем дается,
За нее исполненье желаньям дается.

Если смерть — это цель, что таима любовью,
Тот к ней близок, чья немощь — угроза здоровью.

Если немощи смерть за собою ведут,
Опасаться их — было бы верхом причуд.

¹⁶⁹⁵ Смерть в любви — это всех устремлений вершина,
Для нее благодатна любая причина.

Если смерть будет немощи этой пределом,
То не бойся расстаться и с миром, и с телом.

В мире тысячи лет миновали, — пойми,
И всегда были боль и печали, — пойми.

Смерть найдет и тебя в скорый час ненароком,
И достойная смерть — в устремленье высококом.

Ради цели пожертвовать брэнною жизнью,
Значит — с вечной спознаться, нетленною жизнью!»

ПРИТЧА

¹⁷⁰⁰ Жил один славный шейх в сей обители брэнной,
В единенье с желанным муж доли блаженной.

В постиженье любви был он слабым вначале —
Ста несчастий мечи его тело пронзали.

Муки немощи тяжело бороли его,
Стон и вопль были знаком юдоли его.

В душу пламя любви залетело пожаром,
Искры молний сожгли его тело пожаром.

Ночью — сна, днем — минуты покоя не знал он,
Есть ли, кроме любви, что иное — не знал он.

¹⁷⁰⁵ Днем лишь мысли о друге терзали его,
Выли стоном разлуки печали его.*

По ночам в городские сады не ходил он,
А к далеким предгорьям в пустыне ходил он.

Там, в пустынных, заброшенных людом долинах,
Место было — подобье гнездовий совиных.

Был колодец один там — бездонно глубок,
Пьяных в жиже его смертный жребий стерег.

В тот колодец влезал он и вниз головою,
Обессилен любовью, висел там совою.

¹⁷¹⁰ До рассвета стенал он — нет стонов жесточе,
И слезами кровавыми жгло ему очи.

Ждал он смерти, но смерть все щадила его,
И с надеждой он жаждал конца своего.

У него от страданий все тело иссохло,
И от стонов душа до предела иссохла.

И годами терпел он в разлуке страданья,
И достигли уста его чаши свиданья.

Так любить только зрелым мужам суждено,
Но без смерти то счастье познать не дано.

ВОПРОС

¹⁷¹⁵ И один из пернатых промолвил: «Я грешен,
От стыда я сгораю, в беде безутешен!

Погубили меня и грехи, и пороки,
Не пускают грехи меня в путь сей высокий.

Кто испачкал чело чернотой нечистот,
Для того свет Симурга вовек не блеснет.

Единенья с безгрешным достоин безгрешный,
А не грешник, погрязший в пучине кромешной.

Он ведь чист, а во мне только нечисть гнездится,
Стыд претит мне к слиянью с Симургом стремиться!»

ОТВЕТ

1720 И ответил Удод: «Ты признался здесь прямо,
Что деянья твои преисполнены срама.

Мир — не вечный приют в безмятежной долине, —
Всем единый исход предуказан в кончине.

Ждать достойной кончины, неся этот грех? —
Ты негожее место избрал для потех!

Знай: невеждой невежд, простаком прослывешь ты,
У разумных мужей дураком прослывешь ты!

Если духу от скверны избавиться надо,
Это просто, о ты, неразумное чадо!

1725 В покаянье — тебе избавленье от бед,
Среди мрака терзаний — немеркнувший свет.

Грязь греха никому ведь чужда не бывает,
Чистоты без греха никогда не бывает!

И сынам человеческим, созданным богом,
Не дано вековать в целомудрии строгом.

О глупец! Если ты не содеял бы зла,
Для кого бы спасением милость была?

Даже тот, чье чело от грехов пожелтело,
Покаянием сможет очиститься смело.

1730 Вступишь в море, бурлящее помыслом божьим, —
Станешь с тысячью праведных благостью схожим!»

ПРИТЧА ОБ АДАМЕ НЕПОРОЧНОМ

Сей отец человеков и рода людского
Сотворен был веленьем творца всеблагого.

В знак пророчества был он увенчан короной,
В знак главенства на нем был венец золоченый.

И когда он спознался с величьем таким,
Сотны ангелов пали во прах перед ним.

И ему выси неба подножием стали,
Кущи рая — даянием божиим стали.

1735 За безгрешность и преданность верности прочной
Дал создатель прозвание ему «Непорочный».

Но зиждитель-творец всемогущий предрек,
Чтоб его одолели и грех и порок.

И бывшее блаженство в величье высоком
Обернулось паденьем ему и пороком.

И сражен был он лапой греха многопалой,
И из райских садов был он изгнан опалой.

Сотни черных несчастий судил ему рок,
И в индийских пределах скитаться обрек.*

1740 Отрешенный от ближних, рыдал он в разлуке,
Вознося и стенанья и стоны от муки.

И когда, как былинка, душа опалилась,
Покаянье ему было послано в милость.

Из садов милосердия подул ветерок,
Сотни тысяч несчастий и бед превозмог.

Покаяньем вернуло его к провиденью,
Вновь обрел он почет под священною сенью.

Если было прощение таким бедам,
Что ж тебе, слабоверный, сей жребий неведом?

1745 Кайся, грешник, забвенье в покое найдешь,
Правый путь избери и благое найдешь!

ВОПРОС

«Венценосец! — вопрос был, — подумай-ка здраво:
Мне ниспослана в дар переменчивость нрава.

Каждый миг мне грозит переменой крутою:
То порочен я, то заблещу чистотою,

То мне любви повадки развратных друзей,
То мне любви дела благодатных друзей,

То склонюсь я пред богом в усердии рьяном,
То в притоне поклоны кладу истуканам.*

1750 Нет во мне постоянства и твердого нрава,
Потому существо мое как бы вертляво.

И с такой-то повадкой, и злой и лихой,
Да имея в привычках обычай плохой,

Я в дороге, ведущей к единственной цели,
Не сумею быть праведным в праведном деле!»

ОТВЕТ

«В этих криках, — промолвил Удод, — нет приличий:
У любого в природе таков уж обычай,

Что и нрав и душа — хуже всякой обузы,
Ведь от крыльев — свобода, от них же — и узы.

1755 Смелый тот, кто упрямство свое превозмог,
Кто осилил в себе своеволя порок.

И кому это доброе дело привычно,
Для того чистота без предела привычна.

Ну а в ком настроенье меняется скоро,
Кто, подобно тебе, весь во власти позора,

Хворь его в испытаниях средство найдет,
В постоянстве — спасенье ему от невзгод.

А тому, кто пред собственным нравом в испуге,
Верный путь — при муршиде лечить все недуги.

1760 Всем подобным болезням муршид — врачеватель,
Мудрым старцем зовут его люди, приятель.

Даже праведных хворь и напасти гнетут,
Даже их недостойные страсти гнетут.

И зовется та хворь злонамеренным нравом,
Ей подвластны и те, кто в служении правом.

Лишь наставник такому недугу поможет, —
Он лекарство найдет и болезнь уничтожит.

И тебя одолел вот такой же недуг,
Исцеленье его — в претерпении мук.

1765 Если ты устремись к такому почину,
Если ты эти тяготы взвалишь на спину,

Есть надежда: тебе будет послана милость,
Чтобы бремя греха от тебя отступилось.

Ты тогда бы счастливым поистине стал,
И в безгрешности путником к истине стал!»

ПРИТЧА

Был радетелем истины в благостных свитах
Бу Тураб Нахшаби, светоч истин сокрытых.*

Был мюрид у него. Испытав его взглядом,
Он узрел в нем пристрастие к пестрым нарядам.

1770 Вся хырка у него — в ярких пятнах заплат —
Красных, желтых, зеленых, — все краски подряд.

Его сердцу любезны цветы и узоры,
На одежде смиренья пустые узоры!

Старец ждал, назначал испытаний немало, —
Не созрели плоды тех стараний нимало!

Видит, тот не оставил неправедных дел,
И тогда достославный муршид повелел

Одолением спеси покорней заняться —
Покаянием на живодерне заняться, —

1775 Потрохами баранов наполнив корзину,
Положивши туда требуху и дранину,

Взять на голову ношу, и крепко держать,
И в мученьях нести эту мерзкую кладь.

Пропиталась чалма его грязною жижей,
На потеху базарной толкучке бесстыжей.

Хоть и был он строптив в своеволие упрямом,
Много дней он терпел испытание срамом,

На хырке не осталось былой пестроты,
Дурь ушла, и мозги его стали чисты.

1780 Как погибель пришла его дури злонравной —
Разрешил омовенье муршид достославный.

Он мюрида от тягостной хвори избавил,
От угрозы погрязнуть в позоре избавил.

И несчастный обрел единенья чертог,
Сокровенных желаний достигнуть он смог.

Ты вот тоже смиреньем дурных своеволий
Смог бы сделать сокровище собственной долей!

А иначе — считай, что неправо погибнешь,
В преисподней зловредного нрава погибнешь!

ВОПРОС

1785 «К-эй, — сказал вопрошавший, — муж доли счастливой!
Беспредельно враждебен мне нрав мой строптивый!

Что ему ни велят — не подвластен приказам,
От любого наказа отступит он разом.

Если он в сей дороге мне будет врагом,
Что же делать мне в странствии тяжком таком?»

ОТВЕТ

И ответил Удод: «Что за бредни бахвала!
Злобность нрава все сердце тебе изорвала!

Кто и ночью и днем у злонравия в путах,
Тот обрек себя жить в испытаниях лютых.

1790 Кто велениям нрава послушен, как раб,
Будет тот и в великом ничтожен и слаб.

Кто без прихоти нрава не молвит и слова,
Все свершит он, что нрав пожелает дурного.

Тот, чьей воле запрет своенравью неведом,
Будет всюду за прихотью шествовать следом.

Ты, подобно ослу, взнуздан силою уз —
Свой же собственный нрав волочишь, словно груз!

И куда устремит он свой путь, ты — туда же,
Где он место найдет отдохнуть, ты — туда же.

1795 Еще в детстве своим же осиленный нравом,
Был ты предан нелепым и глупым забавам.

Ты и взрослым от этих забав не отвык,
О себе не задумался ты ни на миг.

А состарился — вызрели нрав твой и норы,
Весь опутан ты злобою смут и раздоров.

Жизнь твоя в заблуждениях зла пролетела,
Смерть пришла — и раскаяньям нет и предела.

Жизнь прошла, а велений ты божьих не знал,
Дел иных, кроме злых и негожих, не знал.

¹⁸⁰⁰ В целом мире нелепых, как ты, и не сыщешь,
И проживших года столь пустые не сыщешь.
Был ты жив — таковы твои были деянья,
А умрешь — берегись: что придет в воздаянье?»

ПРИТЧА

Жил один падишах, был он злобным и пьяным,
Кровожадным, жестоким и гнусным смутьяном.

Все дела по свирепому нраву свершал он,
А считал, что все это по праву свершал он.

Как-то раз, опорожнив немалый сосуд,
Он увидел, как два оборванца идут:

¹⁸⁰⁵ Как друзья, как приятели — дружно и ровно,
Помогая друг другу, бредут любовно.

Шах призвал их, и без околичностей пуших
Он спросил напрямик одного из идущих:

«Кто тебе этот странник, бредущий с тобою?
Объясни, как ты связан с ним — связью какою?»

Тот ответил: «Мы связаны общей судьбиной,
Мы друзья и радители цели единой».

И спросил его пьяница: «Праведный странник,
Я достойнее или твой верный избранник?»

¹⁸¹⁰ И промолвил тот первый из путников сих:
Я скажу, что все знаю про вас, про двоих.

А узнаешь всю правду — по верным приметам
Сам суди, венценосец, о том и об этом.

Хоть и шах ты, и правишь обширной странюю,
Но на божьей стезе ты свершаешь дурное.

Что господь ни велит — ты во власти грехов,
И обычай твой денно и ночью таков.

Ну а он, хоть и нищ, и одет он убого,
А покорно свершает веления бога.

¹⁸¹⁵ Не по божьей стезе не свершит он и шага,
Не свершит он и вздоха творцу не во благо.

Ты вот шах, а гнетешь себя, нравом поправ,
Он и нищ, а себе подчиняет свой нрав!

А пока вы с ним вместе живете на свете,
Шах и нищий — в различной заботе на свете.

А умрете, он — шах, ты же сделался нищим,
Ты ведь пьянству был предан, он — помыслам высшим».

Суть ответа подвижника стала ясна, —
Вздвогнув, шах пробудился от крепкого сна.

¹⁸²⁰ Был он пьяным — постигло его озаренье,
Словно сон, отошло и его помраченье.

Устыдился он шахских одежд и сорвал их,
И решил раздобыть он одежд обветшалых.

И душою он истину божью обрел,
И познал он: в дервишестве шахский престол.*

ВОПРОС

И сказал вопрошающий: «Дьявол злосчастный
Точит разум мой злобой-враждой ежечасной,

Ни на миг не дает жить по собственной воле,
Каждый миг опаляет мне сердце до боли.

¹⁸²⁵ Что ни миг — он вбивает мне в голову бред,
И спастись от него мне возможности нет.

Ну а если нет сил мне оставить неволю,
Мне придется терпеть до конца ведь неволю!

Я устал подчиняться зловредным проказам,
И от дьявольских козней смутился мой разум».

ОТВЕТ

И ответил Удод: «Если нрав твой не вздорен,
То и дьявол пред ним будет тих и покорен.

В твоём сердце от прихотей столько гордыни,
И такое бессилье вошло в тебя ныне,

¹⁸³⁰ Что, увидев все это, поник бы шайтан
И в пустыню побрел бы, тоской обуян.

Ведь во всяком деянье, что прихотям люблю,
Будет польза для дьявола, для душегуба.

Лишь свершишь ты деянье по прихоти нрава,
Дьявол зубы от радости щерит слюняво.

Не болтай, что шайтан тебя мучит, поправ, —
Он посланцем своим сделал глупый твой нрав.

Что ни хочет шайтан, ты свершаешь покорно,
И во всем за шайтаном ты следуешь вздорно.

¹⁸³⁵ Сколько есть разных дел и свершений на свете —
Все они у шайтана всегда на примете.

Дикий нрав твой он сделал державой своей:
Сотни бесов юлят и бесчинствуют в ней.

Своевольем свершаешь ты столько обманов,
Что они посрамят даже сотню шайтанов!

Если другом ты стал для подобного нрава,
То зачем же шайтана порочить неправо!»

ПРИТЧА

Как-то шейх Хыркани вел с мюридом ленивым
Разговор о служенье его нерадивом.*

¹⁸⁴⁰ Тот сказал: «Дьявол меры не знает проказам,
В каждом деле порочит мне душу наказом,

На молитве и то посылает мне грех,
В руки четки возьму — от него сто помех».

И муршид достославный ответил: «Несчастный!
Сам изранил ты дьявола злобой ужасной.

Он и сам на твои негодует проказы,
Лишь о злобе твоей у него и рассказы!

«Бог от века, — твердит он, — послал мне в удел
Сеять зло меж людей тьмою мерзостных дел,

1845 Наставлять их ко смутам — жестоко, всечасно,
Направлять их в пустыню порока всечасно.

Ты ж мюрида взрастил — при своей-то особе! —
Что и мне не тягаться с ним в злости и злобе.

Сколько раз подступался к смутьяну я сам —
Дай, мол, сердце твое шайтаненку отдам!

Сколько грешников в жертву себе я ни скличу,
Глядь — забрал мой соперник их души в добычу.

Каждый помысел, что для меня и немислим,
Без препятствий его подчиняется мыслям».

1850 Но — не хватит ли этих словес, говорю,
Нас с тобою одобрил сам бес, говорю!

Благодарствуй, о чадо коварств и обмана,
Твой наставник добился хвалы от шайтана!»

Тот сказал: «Ты поверил клеветам шайтана!
Что ни сделаю, происки в этом — шайтана».

Шейх сказал: «Твоему поведенью хвала!
Значит, вместе с шайтаном творишь ты дела!

Я задумал назначить тебе наказанье —
В виде кары лишить тебя благ послушанья.

1855 И тебе от шайтана стократ посрамленье,
И шайтану твой гнусный разврат — посрамленье!»

ВОПРОС

«Лучезарный, послушай-ка слово собрата!
Беспредельно люблю я сверкание злата.

Прикасаюсь к нему — для меня наслажденье,
Даже звон его в душу вселяет волненье.

Серебра или злата лишусь хоть на миг,
И тотчас же страх смерти мне в душу проник».

ОТВЕТ

И воскликнул Удод: «Сколь далек ты от истин!
Жжешь клеймом свою душу ты, скуп и корыстен.

¹⁸⁶⁰ Чаша алчности сердце твое опьянила,
И с лихого похмелья поникнул ты хило.

Речь такую услышишь подчас наяву,
Что разумному вряд ли под стать существу.

Людам стыд и позор от подобных отличий,
Только мыши присущ столь нелепый обычай!

Только мыши пристало в заботах и страхе
Землю рыть день за днем, пресмыкаясь во прахе.

- Кто в корыстном упрямстве рыть клады горазд,
Тот и жизнь свою алчности в жертву отдаст.

¹⁸⁶⁵ Мышь крадется в дома, прогрызает там дыры,
Ну а выскочит кот — и не стало проныры!

Он изловит ее, наслаждаясь ее страхом,
В жадном рвенье единым сожрет ее махом.

Всю сожрет без остатка — до самых ушей;
И собаки ведь тоже гоняют мышей!

Или будешь змеею томиться покладам,
Год за годом травя себя тленом и смрадом.

Только небо змею страшной карою губит:
Лишь покажется — голову сразу отрубят!

¹⁸⁷⁰ Будь змеей или мышью, негодный пачкун!
Много грязи в тебе, недостойный ползун!

Если судьбы сих тварей бесславы и гадки,
И тебе не в добро будут эти ухватки!

И удел сребролюбца — в оковах томиться, —
Пьян корыстью, он в муках суровых томится!

Будет он, как невежда, упившийся властью,
Тьму поклонов серебряным идолам класть.*

И от дури забудет ислам напоследок,
В преисподней окажется сам напоследок.

¹⁸⁷⁵ А пока во вселенском саду он влачится,
Будет доля его тяжкой мукою длиться.

Сребролюбие сто испытаний пошлет,
А позору вовек не наступит исход!

Нет, не мышью — тебя я Каруном считаю,
Не змеєю — самим Афридуном считаю! *

Все равно все оставишь, направясь к могиле, —
Что свершишь ты, и что эти люди свершили?

Ты от этаких бредней очисти мозги,
От камней тяжкой кары себя береги!

¹⁸⁸⁰ Если муж ты, стремись к постиженью благого,
Что ни скажешь — о нем пусть звучит твое слово.

Брось пустое! Оно тебе карой чревато,
И для жизни опасностью ярой чревато!»

ПРИТЧА

Жил-был в Басре какой-то мерзавец отпетый,
Он в казне неразумья был редкой монетой.*

Всё динары копил и копил он упрямо,
Превзошел он богатствами даже Хатама.*

И великим стараньем дурной скопидом
Тайники понабил до полна серебром.

1885 И когда подкопил он немало уж денег,
Под землю поглубже их спрятал, мошенник.

И хоть клад у сквалыги быть очень богатым,
Деньги он и на шее носил под халатом.

Было столько у скряги сокрыто монет,
Сколько звезд сокрывает полуденный свет.

«Телу — сила в них, — часто твердил он присловье, —
Сила тела полезна душе для здоровья».

И однажды привел его жребий бродяжий
Промышлять возле берега куплей-продажей.

1890 У реки он прельстился запретной едой,
И за жадность покаран был долей худой.*

Он склонился, чтоб скверну отмыть, над водою,
А динары его повлекли за собою.

И упал прямо в реку проклятый меняла,
И динарами в воду его завлекало.

И в воде он барахтался, страхом объят,
И с надеждою ждал он, что бросят канат.

Но пока собирались спасать дурачину,
Все сильнее его увлекало в пучину.

1895 Словно якорь, тонул он, поклажей нагружен, —
Видно, золоту место — у донных жемчужин.

Серебро ему стало смертельной бедой,
Стала ноша его тайником под водой.

Вот какие несет сребролюбье напасти,
Умывай-ка ты руки от такой страсти!

Не давай себе воли погрязнуть во сраме, —
Видишь: море тщеты бурно плещет волнами.

ВОПРОС

Вопрошающий молвил: «О в высях парящий!
Край мой раю подобен красою манящей.

¹⁹⁰⁰ И деревья там — райским подобные кушам,
И конца нет ручьям, как из рая текущим.

Там живительна влага и воздух пригож,
Сытной пищей поля там усеяны сплошь.

Впору райскому саду приволья богаты,
Замок есть там высокий, а в замке — палаты,

В замке том золоченая роспись красива,
А снаружи узоры резьбы — как на диво.

Там правитель спокойствием мудрым велик,
Благолепны красою его облик и лик.

¹⁹⁰⁵ Вот в каком цветнике благодать мне привычна,
Вот с каким властелином бывать мне привычно!

Без меня ему вкус угощений неведом,
Днем и ночью я друг его сну и беседам.

Эти радости кинув, лететь в вышине
Да стремиться к Симургу — пристало ли мне?»

ОТВЕТ

А Удод ему: «Бредишь ты вздором ничтожным,
В речи волю даешь разговорам ничтожным.

Хоть для сердца цветник и красоты прелестны,
А для взора вода и просторы чудесны,

¹⁹¹⁰ И хоть райские кущи красою блестят,
И хоть пышные розы прекрасны стократ,

Не дано постоянства их вешним бутонам,
Не даровано вечности пышным их кронам.

Лишь весну пересилит осенняя стужа,
Розы никнут к земле, от печали недужа.

Да и замок — лишь небо свершит оборот, —
Как влюбленное сердце, разбитый падет.

Шаха тоже возмездие рока нагонит,
Да и с трона его злой десницею стронет.

¹⁹¹⁵ У садов и питомцев их — век быстротечный,
И ни шаху, ни слугам нет радости вечной.

Кто сказал бы, простак, — где такого найдешь —
Что и ты в том саду не с колючкою схож?

Если муж ты, лети к Каф-горе, к тем вершинам,
Где дано тебе с шахом быть, вечно единым!

Во вселенском саду — от него блеск цветений,
От него — увяданье и ветер осенний.

И величие шахов — в свершеньях его,
Их паденье и гибель — в веленьях его.

¹⁹²⁰ И дворцам созиданье дает его разум,
И в его повеленье — низвергнуть их разом».

ПРИТЧА

Жил один каландар, неприкаянный, нищий,
День и ночь ему банг был единственной пищей.*

С виду — словно подвижник, а в думе сокрытой
Он мечтал о шкатулке своей ядовитой.

А накурится зелья — немели уста,
И усладой его были бред и мечта.

Как-то, много добыв той спасительной пищи,
Он тянул ее, сев на одном пепелище.

1925 И, удобно устроившись в рухнувших плитах,
Он мечтой устремился в мир помыслов скрытых.

Он увидел себя в заповедном саду,
Все, что нужно душе, там лежит на виду.

И жилище его — замок, гордый и властный,
Сам Мани расписал его кистью прекрасной.

Сам сидит он на троне, подобно Джемшиду,
И красавица с ним, солнцу равная с виду.*

Веселится властитель, могуч и велик,
И красавица нежит его каждый шаг.

1930 Этой выдумкой тешась, в мечтах беспечален,
Он лежал среди мрачных и темных развалин.

Вдруг в углу — скорпион, он, ползя по развалам,
Ядовитым на дурня нацелился жалом.

Как хозяин, решил обойти он развал,
И во что ни попало он жало вонзал.

И когда того дурня красотка лобзала,
В его губы вонзил скорпион свое жало.

И вскочил пустодум со стенаньем и криком,
И метаться он стал в исступлении диком.

1935 Все исчезло: и розы, и замок, и трон,
И красавица мигом пропала, как сон.

Все мечты его были и вздорны и грубы,
И смертельный укус поразил его губы.

Понял он, что во всем заблуждался глубоко,
Но ему от раскаянья не было прока.

Меж тобой и тем дурнем различия нет,
Столь же вздорный вступил тебе в голову бред.

Мигом вскочишь, вкусивши смертельное жало,
И бездумного сна — сразу как не бывало!

1940 Сколько будешь рыдать и стонать ежечасно —
Нет ни на волос проку, все это напрасно.

И тогда ты поймешь, от кого ты далек,
Сам ты душоу клеймом отчуждения сжег!

ВОПРОС

И сказал вопрошающий: «К-эй, несравненный,
Мучит сердце любовь мне неволю пленной.

Хоть на миг не увижу я облик любимый, —
Застлан мир для очей темнотой непрозрачной.

Мне покоя тогда на мгновение нет,
От тоски и печали — терпения нет.

1945 Видеть лик ее — больше не надо и счастья,
И душе от свиданья — улада и счастье!

Нашим узам дана столь блаженная участь,
Что в разлуке терзаюсь я, ревностью мучась.

Пенья милой не слышу — и жить мне невмочь:
Дух из тела, как птица, уносится прочь.

И в разлуке с любимой я сердцем слабею,
Радость жизни моей — в единении с нею.

От разлуки душа моя в горе великом,
Сердце ночью и днем надрывается криком.

1950 Я в разлуке прожить не смогу даже дня:
Ведь разлука с любимой — смерть для меня.

И во имя чего я любимую кину,
И куда же лететь мне — в какую долину?»

ОТВЕТ

И ответил Удод: «К-эй, гореть — твое дело!
Искра плотской любви в твое сердце влетела.

Страсть твоя от любви далека безвозвратно,
В твоём сердце изменою выжжены пятна.

Со стези справедливой себя ты совлек,
И решил поискать ты окружных дорог.

1955 Если в жажде и немощи высохли губы,
Им целебные силы предвечного любви.

Отвратившись от чистых жемчужин душою,
Ты с дешевыми блесками дружен душою.

Кто закрыл сам себе светоч, льющий лучи,
Тот живет при мерцанье коптящей свечи.

Кто рассудок свой тешит обманом обличья,
Тот вовек не изведает сути величье.

Что за важное дело — обличье земное,
Если облик наружный — из крови и гноя?

1960 Лик любимой красивым представить не тщись:
Яркость щек — это кровь, белизна — это слизь!

И наружной красе срока вечного нету,
В ней ни прочного, ни бесконечного нету!

У любви и безумств быть во власти не стоит,
И впадать в посрамленье от страсти не стоит!

Красоте незнаком нескончаемый век,
Преходящи влюбленность и радости нег.

Все прекрасное — завтра красивым не будет,
Диво быстро увянет и дивом не будет.

1965 Ту красу полюби, чье величие свято,
Ее солнцу вовеки не ведать заката.

Сотни тысяч подобных тебе приверед
Недостойны увидеть любви этой свет.

Будет смертью сто жизней у любящих взято —
Той красе в сотни тысяч раз больше отплата!»

ПРИТЧА

В том кругу, что собрал Арасту для ученья,
Был достойный мюрид, столп усердия и рвенья.*

И великий наставник, премудростью светел,
Среди всех его честью особой отметил.

1970 Он внушил ему знание сокрытых начал,
С малых лет он его при себе обучал.

С ним четыреста мудрых с одним не сравнятся,
Арасту лишь мудрей был, другим — не сравняться.

И лелеял мудрец и надежду и веру,
Что мюрид его будет под стать Искандеру: *

Если волею рока отбудет один,
Пусть другой остается при нем, словно сын.

Пусть, мол, разумом скор, он в речениях споров
С Афлатуном самим потягается в спорах.*

1975 Но случилось с мюридом нежданное дело:
Его сердцем внезапно любовь овладела.

Из обители зла вышла дева-луна,
Сребротелая, каменной злобой полна,

И на веру его она зло покусилась,
Посрамить мудреца, как назло, покусилась.

И страдал он от гнета неволи жестоко,
Его сердце терзалось от боли жестоко.

Загоревшись достичь единения с ней,
Он не внял ни речам, ни советам друзей.

1980 И большими расходами, тратой великой,
А добился союза он с той луноликой.

Поклонясь тому идолу в рвенье примерном,
Стал он идиолов чтить в подражанье неверным.*

И смотреть на нее день и ночь он привык,
И совсем позабыл он премудрости книг.

Увлеченный своей луноликой на диво,
Он ученым беседам внимал нерадиво.

И учитель все понял, подумав при этом:
«Дескать, дай помогу ему добрым советом».

1985 Он советы давал, как умел и как мог,
Только этой беде не пошли они впрок.

Видит он — в науки, и разум пропали,
И труды многих лет будто разом пропали.

Как ни думал мудрец, видит — дело-то туго,
Не найти ему средства от злого недуга.

И тайком от мюрида учитель решил
Дать красавице яд, чтоб лишить ее сил.

И слегла она, громко рыдая и плача,
Миг от мига слабея от горького плача.

1990 Как ни бился тот юноша — не было прока,
И красавица в немощи чахла жестоко.

И бедняк разуверился в зельях совсем
И предстал пред учителем, в горести нем.

Головою печальною он преклонился
И, рассказом своим пристыжен, преклонился.

И учитель, узрев столь великое горе,
Порешил, что избавит больную от хвори.

И сказал он: «Ну вот, приготовься и — в путь,
Искандеру сегодня помощником будь».

1995 Занемогшей я снадобье дам от недуга,
Только примет — и станет здорова подруга».

И влюбленный в дорогу отправился споро,
А учитель стал зелье творить от измора.

Он поносное сделал, что чистит сполна,
И несчастная выпила зелье до дна.

И промолвил он ближним — доверенной свите:
«Приготовьте сосуд и у двери сидите.

Не сливайте, — сказал он, — что будет здесь ныне,
А храните, собравши в особом кувшине».

2000 И, сказав это, вышел наставник благой,
И свершил свое дело целебный настой.

И когда очищение свершилось стократно,
Возвратился учитель к порогу обратно.

И ни мощи, ни сил у больной не осталось,
Крови в теле и капли одной не осталось.

Вместе с кровью и желчь, и мокрота, и гной —
Все исторглось из тела прекрасной больной.

И мюрид возвратился, исполнив послугу,
И мудрец ему молвил: «Взгляни на подругу».

2005 В жажде видеть красавицу, входит он смело,
Глядь — простерто на ложе иссохшее тело.

Не узнал он: «А где же отрада моя?
Кипарис мой, тюльпан мой, услада моя?»

И, услышав стенания, входит учитель,
Маг, всеведущий, мудрый его наставитель.

«Где кувшин тот, — сказал он столпившейся свите, —
Всю красу ее тут же безумцу явите!»

И ему принесли тот нечистый сосуд,
И узнал он про все, происшедшее тут.

2010 Был кувшин до краев грязной жижею полон,
И зловонною гадостью рыжею полон.

«Вот, возьми, это — то, что любимую звал ты,
Что красую, ни с чем не сравнимую, звал ты.

Это — то, что до страсти пленило тебя,
От чего и покинула сила тебя».

Посрамлен был учителем пылкий влюбленный,
И учитель, узрев его вид сокрушенный,

Так сказал ему: «Сын мой, пришлось тебе туго,
Знай: не ей, а тебе я помог от недуга.

2015 Ты влюблен был, причина же страсти — она,
И основа безумной напасти — она!

Та влюбленность, в которой погряз ты упрямо,
Перед высшей любовью — позорище срама!»

ВОПРОС

Возопил вопрошающий: «Помощь подай нам!
Ты причастен к сокрытым, неведомым тайнам.

Страхом смерти мне душу сковало в дороге,
Я боюсь умереть у привала в дороге.

Ужас немощью плоть мне сумел оплести, —
Мне ли быть вам попутчиком в этом пути?»

ОТВЕТ

2020 И ответил Удод: «К-эй, печальник угрюмый!
Сколько жить суждено тебе в мире, — подумай.

Кто пришел в этот мир, все изыдут едино:
В час урочный с мечом своим ждет их кончина.

Все живое находит единый исход, —
Мудрецы ведь познали, что смертного ждет.

Только глупый не знает об этом пределе,
Он — невежда в простом для понятия деле.

Сколько б не жил ты — тысячу лет ли, мгновенье, —
Смерть подступит — и ты не найдешь избавленья.

- 2025 И святым не избегнуть подобных оков,
И пророкам удел предначертан таков.
И от этого зла упасть невозможно,
Из оков его вырваться ввысь невозможно.
Нет свободы в причудах и глупом соблазне,
Смертный меч все равно не избавит от казни.
Как ни плачь, как ни тщись избавленье найти,
Все равно не отыщешь иного пути.
И святым, и святошам, и шахам, и нищим —
Всем назначена доля спознаться с кладбищем.
- 2030 А от страхов иного и не было проку,
Кроме муки изведать лихую мороку.
Если нет и надежды от смерти спастись,
Перед высшею волей покорно смиришься».

ПРИТЧА

- Есть рассказ о звезде, жгущей горние грани,
О светилах пророков — благом Сулеймане.
Восседая на троне в блаженстве счастливом,
Отдавал повеленья он пери и дивам.
Люди, звери и птицы — кого ни возьми —
Все просились служить у него за дверьми.
- 2035 Все они его грозным веленьям внимали,
Его милостям с благоговеньем внимали.
Был при нем приближенный — достойный и умный,
Молчаливый в печали своей многодумной.
Вдруг незримо каратель с небес снизошел —
Похищающий души предвечный посол.*
И явил он пророку почтенья обычай,
И сказал он: «О доблестный в славе величий!

Мысль господней премудрости вверена тайнам,
Молкнет разум пред нею в смущенье бескрайном.

2040 Мужу чести, стоящему здесь пред тобой,
Невдомек, что на смерть обречен он судьбой.

Чашу жизни его полнит смертная влага,
Быть ей другом ему уготовано благо.

От меча моего быть погибельной ране,
Только душу его я возьму в Индустане.

Этот умысел, яростно мной овладев,
Миг за мигом свирепостью полнит мой гнев».

Только вымолвил ангел слова тех речений,
Глядь, тот муж распростерся у тронных ступеней.

2045 Пал он, землю лобзая, с мольбою смиренной
И сказал: «О пророк, добродетель вселенной!

Нынче я и тоской, и кручиной объят,
И о смерти лишь мыслью единой объят.

О, дозвожь мне проститься на время с державой,
Застит взор мне завесою черно-кравовой!»

В тот же миг Сулейман повелел ураганам:
«Эй, доставьте его к им же избранным странам!

Где велит — там ему и устройте жилье,
Пусть исторгнет из сердца страданье свое».

2050 Ветер взвил его в вихре крутого полета,
И все члены его охватила ломота.

К Индустану лететь знак веления сделав,
В тот же миг и достиг он желанных пределов.

И сказал он: «Вот здесь опустите меня,
В этот дол я стремлюсь, цель благую храня».

Мигом спешился всадник, скакун взвился к небу,
И настиг его ангел себе на потребу.*

Ангел молвил: «Да, славен творец-всезиждитель», —
И впустил его душу в благую обитель.

2055 Если кто-либо с ветром сдружиться решил,
Значит, дух его кличет к себе Азраил.

ВОПРОС

И сказал вопрошающий: «К-эй, благородный!
Я не ведаю в жизни надежды свободной.

Я на свете живу в непрестанной кручине,
Ни веселья, ни радости нет и в помине.

Быть веселым душою в пути надлежит,
Без печалей, без горя идти надлежит.

А судьба мне дарует одни лишь изъяны,
Ежечасно в душе моей новые раны.

2060 Буду радостен — в путь я отправлюсь по чести,
В даль пушусь я со всеми веселыми вместе!»

ОТВЕТ

И ответил Удод: «К-эй, страдалец унылый!
Только плакаться любо душе твоей хилой!

В одоление такой непроглядной пустыни
Даже храбрые могут предаться кручине.

Мужа тешит заботой любая стезя,
Беззаботному доблестным зваться нельзя.

Смелый радость создаст и из лютой невзгоды,
Зло добром одолеть — верный признак свободы!

2065 Скорбь и муки — везде во вселенском просторе,
Что ни миг — всюду беды и новое горе.

В человеческой душе человекна печаль,
И такую бывала извечно печаль.

Даже призванный к подвигу высшим глаголом
Терпит муки на поприще скорбно-тяжелом.

Тот, кому гнет печалей был прежде неведом,
Человечность познав, приобщается к бедам.

Если, каясь, томишься ты в горьком стыде,
Путь добра избери, о погрязший в беде!

2070 А печаль обретешь — сердце благостью радуй,
И свобода для сердца пребудет наградой!

Лишь благие из мук сотворяют усладу,
Им дано в безотрадном провидеть отраду.

Скорбь свершений для благостных целей дана,
Боль души для грядущих веселий дана.

Кто безбеден, тот мужем не звался и сроду,
А осиливший скорбь — обретает свободу!»

ПРИТЧА

Жил в Египте вельможа богатый и знатный,
В мире помыслов славен судьбой благодатной.

2075 Всем, что нужно для разных услад, обладал он,
Всем, чего пожелаешь, стократ обладал он.

Был дворец его с райской обителью схож,
Все любимцы его — словно гурии сплошь.

Только этот достойнейший муж непорочный
Зрил на все с отвращением сытости прочной.

Крепко-накрепко сжились с ним беды и муки,
Как Юсуф, он томился в темнице разлуки.

«Твое сердце, — рекли ему, — пленник скорбей,
Растолкуй ты нам тайну печали своей!

2080 Ведь имеешь ты все, что дарует услада,
И могло б твое сердце быть этому радо!

Почему ж и на миг ты услады не знаешь,
Отчего ж, кроме скорби, отрады не знаешь?» —

«Мир — темница для праведных, — был им ответ, —
В нем желанное скрыто за пологом бед.

Надо долго влачиться дорогой бескрайной,
Чтобы слиться душою с заветною тайной.

Кто ж веселым в плену и неволе бывает,
Кто в обители скорби без боли бывает?

2085 Если избранный друг не со мной, я презрен:
Мне и в кущах Ирема — неволя и плен.*

И пока мне цветник единенья неведом,
Нет скончанья моим злоключеньям и бедам».

ВОПРОС

И сказал вопрошающий: «К-эй, несравненный!
Высшей воле покорен я в доле смиренной.

Я послушен приказу творца и веленью,
Нет предела ни гневу его, ни раденью.

Что он мне ни велит — не жалею я сил,
В высшей воле — принять ли мой ревностный пыл.

2090 Я наказы его чту зимою и летом,
Что мне будет в ответ — я не мыслю об этом!

Покоряться ему существо мое радо,
И в обычае этом — для сердца отрада».

ОТВЕТ

И ответил Удод: «Это верное слово,
И сказать не сумеешь ты лучше такого!

И кому же уготовано вечноживущим
Бысть счастливым в пути, к совершенству ведущем?

Кто велению творца послушаньем радел,
Тот обрел на пути его высший удел!

²⁰⁹⁵ Не склоняющий выю и богом отвергнут,
И его благолепным чертогом отвергнут.

Сколь блаженная участь даруется свыше
Преклоненному в доле смиренья и тиши!

Благодатно смиренье такое ему,
А без этого нет и покоя ему.

Но когда бы и сколько бы он ни смирялся,
Как бы он, перед богом склонен, ни смирялся,

Пусть гордыни в нем даже в помине не будет,
Пусть душе его мук от гордыни не будет!

²¹⁰⁰ Кто склонен нерадиво, спустя рукава,
У того и недоля и доля крива.

Ну а тот, у кого не похвальны повадки,
Даже если имеет, что надо, в достатке,

А надменной душою, добром не согретой,
Ценит робость смирения мелкой монетой, —

Он порог благодати в гордыне отверг,
Цель смиренья, и благо святыни отверг!

Кто же обрел свое благо в молитве смиренной,
Тот постиг в благодати и смысл сокровенный».

ПРИТЧА

²¹⁰⁵ Прежде чем сотворил человека господь
И светилом души озарил его плоть,

Сонму ангелов он повелел своей дланью
Прилежать к покаянию и послушанью.

И, над всеми поставлен главой, Азазил
Для благих и заблудших наставником был.

Долго — тысячи лет — был он нравом послушен,
Перед богом в смирении правом послушен.

Описать его — скована речь немотою,
И для разума цель эта будет пустою.

2110 Говорят, что в бескрайней земной широте
И на всех девяти небесах в высоте

Не осталось достойных моления пределов,
Где бы он не склонился, молитвы не сделал.

Но когда сотворен был творцом всеединым
Человек, ставший богу возлюбленным сыном,

Повелел бог всем ангелам горним своим:
«Вот сей избранный, — вы преклонитесь пред ним!»

Человека чтить ангелам бог дал веленье,
И к стопам его ниц они пали в смиренье.

2115 Дьявол господу тысячу лет поклонялся,
Исполняя смиренья обет, поклонялся,

Но теперь в нем гордыня явила свой пыл,
И создатель от братьев его отрешил.

Он лишил его сердце услады смиренья
И набросил на шею ярмо посрамленья.

И, покаранный тысячетлетним проклятьем,
Отдал тысячи лет он негожим занятиям.

Бог страшной наказанья не создал, — заметь, —
Чем в грехе своелюбья навек захиреть.

2120 Своелюбием грешить — значит с дьяволом слиться,
И тогда твое сердце ему покорится.

ВОПРОС

Вопрошающий молвил: «Принявший главенство!
Если кто-либо чист на пути совершенства,

Какова ему будет награда — поведай!
 Растолкуй мне сокрытое мудрой беседой.

Я в пути непорочен, не ведаю зла,
 Со смиренной мольбою вершу все дела».

ОТВЕТ

И Удод отвечал: «Это — труд, но и благо,
 Бог дарует покорным то чудное благо.

2125 Этот дар — лишь для тех, кто душою всех чище,
 Нет для путника более благодной пищи.

Плотность пищи — лишь в плоти, что духом чиста,
 И в свободе от плотских оков живота.

Но для благодности путника будет залогом,
 Если все, чем владеет он, — в малом, во многом, —

Все, в чем добр и порочен, хорош и корыстен, —
 Быль и небыль пути постижения истин —

Соберет и в огне отрешенья спалит —
 Все, до пепла, дотла, без строптивых обид.

2130 Пусть развеет он пепел по ветру в пустыне,
 Чтоб и духу его не осталось в помине.

Пусть войдет в его сердце губительный ветер,
 Пусть овеет сей луг очистительный ветер!

Должен он из души все бывшее изъять,
 Что свершил он — благое и злое, — изъять.

И когда все бывшее в себе уничтожит,
 Он стезей благодати направиться сможет.

Говорят, что дорога для праведных — благо,
 Если знают они мудрость первого шага.

2135 Выйди в путь — быль и небыль, и тайны и явь,
 Чтоб исчезли бесследно, сожги и расплавь!

Если шаг этот сделан — искомое рядом,
И свершиться дано единенья уладам!» *

ПРИТЧА

Верность с истиной крепко слились воедино
На стезе Ибрахима — Адхамова сына.*

На господнем пути был он верным муршидом,
Непорочен и благостен сутью и видом.

Был он шахом, но бросил державу и трон,
Снял венец и расстался с владычеством он.

²¹⁴⁰ В жалком рубище, с сотнею тысяч смирений
Он в скитанья ушел, чтобы стать совершенней.

Бросив Балх, в Нишапуре искал он отраду —
Так спешат от развалин к цветущему граду.*

Как рудник драгоценных камней этот дол,
На семь лет среди гор там приют он обрел.

Днем посту предавался султан правоверный,
В ночь молитвою был осиян правоверной.

Утром праведник в горы ходил спозаранку —
Хворост там собирал он в большую вязанку

²¹⁴⁵ И тащил на базар ее, чтобы иметь
Для ночных разговений хоть малую снесь.

Словно месяц, согнулся он высохшим телом,
Как иссохший камыш стал лицом потемнелым.

Как-то, немощным телом к поклаже приладясь,
В город шел этот муж — высших помыслов кладезь.

Вдруг навстречу святые — столпы тех времен —
Испытать его веру — чем праведен он.

Был он бит кулаками по вые смиренья,
И промолвил подвижник пути отрешенья:

2150 «Плоть мою, что сейчас испытать вы желали,
В Балхе кинул я, в эти отправившись дали».

И сказали они: «Не созрел он еще,
Он к дровам своим крепко приделан еще.

Знать, полна голова его вздором сокрытым,
Если Балх ему люб и еще не забыт им!

Пусть он год или два еще мыкает горе,
Может, сердце его позабудет о вздоре».

Через несколько лет двое-трое столпов
Вновь нашли его, — дескать, посмотрим, каков.

2155 И опять был побит он могучею дланью,
Было снова свершиться дано испытанью.

Но теперь он и слова сказать был не в силе,
И допытчики милость к нему проявили.

И сказали: «Он цели стремлений достиг
И на праведном поприще делом велик».

И, воздав ему должное высшей хвалою,
Все явили ему и почтенье былое.

И они быть друзьями по чести решили,
И к Каабе идти они вместе решили.

2160 И опять стал он править страной, и несли
Весть об этом гонцы всех пределов земли.

Если в сердце лишь чуждое, бренное скрыто,
От него навсегда сокровенное скрыто.

А изымешь из сердца все чуждое богу,
И завеса откроет благому дорогу.

Тех, что путь к отрешенью от мира нашли,
Непорочными кличут, пытатель, — внемли!

ВОПРОС

Вопросивший сказал: «Ты велик разумением!
Беспределен порыв мой к высоким стремленьям.

²¹⁶⁵ Если польза от помыслов высших отменна,
Эту пользу и мне надо знать непременно.

Я раденьем высок, но бессильем объят,
Что мужи разуменья о том говорят?»

ОТВЕТ

И ответил Удод: «Это странствие — благо,
Если будешь в пути ты усерден, бедняга!

Если низкий познает порыв величавый,
Он достигнет высот и сдружится со славой.

Славный муж в сердце перлы сокровищ таит, —
В неказистой жемчужнице жемчуг сокрыт.

²¹⁷⁰ Кто радив, тому славы и власти не надо,
И к богатству погибельной страсти не надо!

Муж богат не блестящей и звонкой монетой,
А высокой душою, раденьем согретой.

Если кто-нибудь дела свершить и не смог, —
Не беда, был бы он в устремленьях высок!

В высших помыслах мужу почет и награда,
А богатства и власти ему и не надо.

Кто богат не возвышенным духом, а златом,
Тот для мудрых не будет достойным собратом.

²¹⁷⁵ Если к высшим радениям воля дана,
Этой воле счастливая доля дана.

Если бог не дал шаху рассудка во благо,
Лучше шаха — радетельный нищий-бродяга.

Ну а если радения нет в падишахе,
Перед праведным нищим он погран во прахе.

У людей красота — от высоких забот,
И в душе чистота — от высоких забот.

Может низкий высокого счастья добиться,
Но и с горцем в достоинстве он не сравнится.

2180 Много тысяч овец даже пастырь-заморыш
За награду пасет как заботливый сторож.

А повадится волк жрать баранов, задрав,
Тут уж нужен не пастырь, а пес-волкодав.

У кого есть богатство, да нету раденья,
Он, как пастырь, небрежный к обету раденья.

Тот — богатый ларец стережет нерадиво,
Этот — стадо овец стережет нерадиво.

Добродетельный, если раденьем горазд,
Бедняку свое стадо в подарок отдаст.

2185 Чьи сердца благородством раденья согреты,
Звезды в небе для них — лучше всякой монеты!»

ПРИТЧА

Среди прочих рассказов для нас в назиданье
Есть о ревностном муже рассказ — в назиданье.

В судный день отверзались могильные плиты,
И вставали из ям все, что были зарыты, —

И святой, и дурной, и богач, и бедняк —
Все на судное поле направили шаг.

Шейх радетельный — Джам, славный святостью
кроткой,
Телом грузен, как слон, шел тяжелой походкой.*

- 2190 И, узрев на ходу ад в зиянье глубоком,
Он на грешных взглянул сострадательным оком.
И, увидев мучений невысказанных круг,
Пал он помыслом в море невиданных мук.
И решил он — скажу про беду перед богом,
Речь молитвою я поведу перед богом:
«О господь! Всем пытаемым адовым жаром —
И достойным, и подлым, и малым, и старым, —
Всем грехи, совершенные ими, прости,
Пощади их и, милость явив, отпусти.
2195 И тебе им явить милость эту — не в тягость,
То ли есть они, то ли их нету — не в тягость!
Погляди на меня: мое тучное тело
Целый ад бы заполнить могло до предела!
Если все эти муки потребны тебе,
Дай — страдальцев сменю я в их горькой судьбе!»
И когда сей радетель в благом отрешенье
Сотворил перед богом такое прошение,
И когда он явил и раденье и жалость,
По заслугам ему от творца и воздалось.
2200 Птица рвенья его взмыла взмахами крыл,
Сонмам грешных он путь избавленья открыл».

ВОПРОС

Вопрошающий молвил: «Муж доли счастливой!
Обретет ли благую судьбу справедливый?»

Богом послано благо мне — быть справедливым,
Наградил мою душу он добрым порывом.

Кто подобной судьбы удостоиться смог,
Ко всевышнему близок он или далек?»

ОТВЕТ

И ответил Удод: «Вот похвальное слово!
Среди прочих отличий нет лучше такого.

У людей много добрых примет и отличий,
Но добрей справедливости нет и отличий!

Без нее — человеческого нет ничего,
Не дано без нее, кроме бед, ничего.

Этим благом судьба лишь мужам порадела,
И не всякий достигнет такого удела.

Незнакомы мужи с неблагими делами,
И, не требуя благ, совершают их сами.

Благодатей благие не ждут от других,
В совершенье добра превосходство — у них!

²²¹⁰ Скуп душою себе только жаждущий блага,
И слывет недостойным неправедный скряга!»

ПРИТЧА

Жил достойный ходжа, истой веры светило,
И Порсо меж людей его прозвище было.*

Он паломником в Мекку — к святыням пустился,
И к Каабе — к исламским твердыням пустился.

Был ходжа Абу Наср добрым сыном ему,
И слугою, и другом единым ему.*

И когда они вместе направились к цели,
С благодарной мольбой они руки воздели.

²²¹⁵ И свершили они все, как нужно, — обрядом,
И припали к ним странники, бывшие рядом:

«Помолитесь, да будет напутствие нам!»
Но ходжа отошел и не внял их мольбам.

И шестьсот тысяч странников в ревностном пыле
Вновь ходже эту просьбу покорно явили.

И ответил просившим подвижник смиренный,
На стезе совершенства муж доли блаженной:

«Мне вершить это дело какая нужда?
Вот сей муж, без него даже я — никуда.

2220 Раз дано ему много высоких отличий
И при том — справедливости высший обычай.

Он достойней меня для деяний пригожих,
Да помолится он за паломников божьих».

И, услышав такие хваленья ему,
Поручили те люди моление ему.

Справедливость ходжи все по чести хвалили,
Всей душою одоблив, все вместе хвалили.

И взошел Абу Наср на минбар для моления,
За людей он молился в благом просветленьи.*

2225 Он о милости к людям пред богом просил,
О нужде их в смиренье убогом просил.

А ходжа у минбара стоял — у подножья,
Повторяя «Аминь» или «Истина божья!» *

И к концу подходили мольба и призывы,
И вскричал возглашающий: «Бог справедливый!

Если эта мольба недостойна святынь,
То прими хоть реченное мужем „Аминь“!»

И шестьсот тысяч стонов к пощаде воззвало,
И рыдали там все — от велика до мала.

2230 Все за праведность их восхвалили едино —
И благого отца, и покорного сына.

Выше сей никому не дана благодать,
Но такое лишь мудрый способен понять!

ВОПРОС

Вопрошающий молвил, сомненьем тревожим:
«Подобает ли дерзость созданиям божьим?»

Если птица и взмлет предерзким полетом
К осененным державною властью высотам,
За такое дерзание — кара ли ждет?
Или милость ей будет от высших щедрот?»

ОТВЕТ

²²³⁵ «Знай, — ответил Удод, — на вопрос твой об этом
Две различные сущности будут ответом.

Кто тягаться с предвечным чертогом дерзает,
Вольным быть перед горним порогом дерзает,

Должен выйти из пут своего естества,
Ибо он посягнул на чужие права.

Речь вести ему нужно по высшим наказам,
До несвойственной сути возвысившись разом.

Это только по виду покажется смелым,
А по сути грозит одиноким уделом.

²²⁴⁰ Есть иной путь — во прахе влюбленности пасть
И явить одержимость, восторженность, страсть,

Чтобы в этой любви быть над волей невластным,
И безвольно забыться в смиренье безгласном.

В этом нет ни гордыни, ни спеси нимало, —
Только страсть, коей равной вовек не бывало!

Лишь единая страсть у такого — творец,
Ему внятно одно только слово — „творец!“»

ПРИТЧА

Некий странник, блаженный и верный причудам,
Признан был за Меджнуна господнего людом.

2245 Ибо думы о боге смиренно любил он,
Думать думы те ношно и денно любил он.

Что ни слово — то к богу вопрос или зов.
Сам давал и ответ — из божественных слов.

Как-то раз по весне, в тихий вечер пригожий,
Ехал он, направляясь к обители божьей.

В изнурении плоти, измученный телом,
Ехал он на осле, от невзгод ослабелом.

Тьма настала, и небо грозило дождем.
«Что ж, — подумал он, — ехать нельзя, подождем!»

2250 Он увидел остатки жилища в пустыне
И сказал: «Позаботься, господь, о скотине!»

И, оставив осла, он под сенью развалин
Прикорнул, набежавшей дремотою свален.

Он прилег, взяв под голову глиняный ком,
А осла он оставил пастись под дождем.

И едва он заснул, как весенняя туча
Зашумела дождем, и быстра и летуча.

И развалины ливнем захлестывать стало,
И дремоту с безумного мигом согнало.

2255 И, вскочив, он пристроился дождь переждать,
А едва дождь утих — он в дорогу опять.

Вышел он посмотреть, где пасется скотина,
Глядь — а на поле нет об осле и помина.

И запала в Меджнуна лихая тревога,
И корить он во гневе стал господа бога:

«Лишь недавно тебе поручил я осла,
Хороша ж твоя воля к раденью была!

Если люди бы в гости к тебе не стремились,
На скотине пробиться пустынями силясь,

2260 Ты, наверно бы, не был таким нерадивым
И беспечным в своем небреженье ленивом!

Мне осла постеречь за позор ты сочел,
Темной ночью напрасным дозор ты сочел!»

Так ворчал тот Меджнун и метался в досаде,
Распаляясь осла запропавшего ради.

Вдруг ударила молния пламенным блеском
И весь мир просветила в сверкании резком.

Глядь — поодадь спокойно пасется осел.
Мордой тыча в колючки, он по полю брел.

2265 И чудака был так рад, что забыл всю тревогу,
Он осла оседлал и пустился в дорогу.

И оставил он грубости, глядя с опаской,
И припал ко всевышнему с доброю лаской:

«О творец, ты — душа моя в плоти моей!
Хочешь — сто моих душ, словно жертву, убей.

Так уж вышло, ты бросил осла без пригляда,
Упустил, не связав ему шею, как надо.

И меня растравило в смятенье жестоком,
И с досады дал волю я гневным упрекам.

2270 Раз тебе я вручил для присмотра осла,
Возвратить его — чья же забота была?

В нераденье своем мне осла не сберег ты,
Но, увидев мой гнев, сразу мне и помог ты.

Ты придумал, что сделать, — ударил в огниво,
И огонь запалил ты, светящий на диво.

И очам моим вмиг ты пропажу явил,
Милость мне — дай тебя, мол, уважу — явил.

И хотя я в своем непочтенье был правым,
Оказался ты другом с понятливым нравом.

2275 Поступил ты по мудрому чину со мною,
И оставил опять ты скотину со мною.

У речей моих отнял ты силу и прыть,
За провинность меня ты сумел посрамить.

Я забыл все, что сделал ты, все, что случилось,
Ну и ты позабудь, окажи эту милость.

Все забыл я, не дружен я с памятью злою,
И тебе будет лучше забыть про былое.

Мне неведомы будут укор и упрек,
Да и ты бы язык свой от них уберег!

2280 Все простил я, и в сердце — ни зла, ни корысти,
Ну и ты от обид свое сердце очисти».

Так себя языком многословным хвалил он.
И творца в умиление любовном хвалил он.

И хоть просьба глупца бестолкова была,
Но за верность внята с полуслова была.

У любого безумца в душе своя тайна,
В ней и дерзость и кротость слились не случайно.

Всеблагому радетели истины любы,
Все одобрит он, что ни свершат боголюбы.

ВОПРОС

2285 Вопросающий молвил: «Летающий по высям!
Я от всех отрешен и от всех независим.

О высоком я помыслом гордым мечтаю,
С высшим быть в единении твердом мечтаю.

Если я без него даже раз не вздохну,
Что ж за ним мне пускаться в иную страну?»

ОТВЕТ

И Удод отвечал: «Вот спесивые речи!
От разумного смысла слова их далече.

Не любой согрешит бредом столь небывалым,
Похваляться дано только глупым бахвалам.

²²⁹⁰ Ты подумай-ка: мыкаясь множество лет,
Будешь ты о себе повторять этот бред.

Про свою отрешенность болтаешь ты много,
Да любезна ль она для благого порога?

От твоей болтовни ведь понятней не станет,
Чем тобою взыскуемый промысел занят!

Сколько ты притязаний своих ни чини,
А ему что за прок от твоей болтовни?

И в реченьях твоих — что ему за кручина?
Лишь в его совершеньях и смысл и причина.

²²⁹⁵ Что бы ты ни сказал — прока в деле не будет,
Если божьей хвалы этой цели не будет.

Отказаться от глупых речей — благодать,
Лучше — милостей свыше с надеждою ждать!»

ПРИТЧА

Баязид Бистами, кладезь таинств сокрытых,
Шейх престола в преславных премудростью свитах,

Из обители бренности вышел в дорогу —
В те сады, что предвечному близки порогу.

Раз узрел его ночью мюрид среди сна
И сказал: «О вкусивший благого вина!

2300 Просвети нас, какой наделен ты судьбою,
И всеслышащий как обошелся с тобою?

Мы в разлуке с тобою от горестей ноем,
Услади наши души блаженным покоем!»

«В тот же час, — отвечал достославный муршид, —
Как я был под землю в могиле укрыт,

И наказ дан был ангелам грозноголосым
Испытать меня сразу же скорым допросом,

«Кто создатель, творец твой?» — они спросили.
«Кто зиждитель, отец твой?» — они спросили.

2305 Я сказал: «Не пытайте об этом меня,
Я смолчу — не корите, за грех мой кляня!

Лучше вы у него самого спросите,
Буду ль принят рабом я в благой его свите?

Если он облечет меня этим обетом,
Речь его вам и будет достойным ответом.

Лишь смиреньем и смог бы достичь я его —
У подножия трона величья его!

А не в доле моей — сбыться этому чуду,
Я в разлуке с ним вечным скитальцем пребуду.

2310 Так и знайте тогда: я — отступник презренный,
В вашей воле карать меня казнию мгновенной».

И едва они вняли такой мой ответ,
В тот же миг снизошел всеблагого завет:

«Эй, пыталели, сей вопрошаемый вами —
Достославный мой раб, принят он небесами.

Кто лишен осененья божественным светом,
Не дано в его речи быть верным ответам!»

ВОПРОС

И еще был вопрос: «Ты мне равен степенством!
Словно морем, объят я благим совершенством.

²³¹⁵ Совершенством души награжден я по праву,
Я и с высшим един, упованьям во славу.

Если мне довелось море благ обрести,
Будут тяжки мне муки лихого пути!»

ОТВЕТ

И ответил Удод: «Сам бежишь ты от блага,
Ты исполнен гордыни и дури, бедняга!

Из нелепых мечтаний гордыню содеяв,
Отлучен ты от сущности дел добродеев.

Речь твоя источала бессмысленный вздор, —
До конца от начала бессмысленный вздор!

²³²⁰ У хвляющих себя ум всегда не в недостатке,
Славен тот, кто свои признает недостатки.

Не страдает достойный хвалительным зудом,
Лишь порочный привычен к таким пересудам.

Совершенства ты только в пороках достиг,
Чтить разумным себя ты, невежда привык!

Совершенством хвалиться — всех глупостей хуже,
Порицать свои скверны — достоинство в муже.

Те, кто хвалит себя, от зазнайства убоги,
Им порок не дает к совершенству дороги.

²³²⁵ Даже солнце, едва лишь достигнет высот,
В тот же час на закат совершит поворот.

И хотя в нем и много примет совершенства,
Лишь увидит оно их — и нет совершенства!

Если мнит совершенным себя лицемерный,
А глупец чтит себя мужем мудрости верной,
Трудно что-либо к лучшему выправить здесь,
Ведь основа пороков их — гордость и спесь.
Совершенство твое достохвальное — мнимо,
Знай, глупец: твоя сущность пороком томима!»

ПРИТЧА

2330 Абу Бакр, славный шейх, нишапурец был родом,
В странах мудрости жизнь его шла год за годом.*

Как-то раз Нишапур он оставил и смело
В путь далекий пошел из благого предела.

Вместе с ним и мюридов вокруг — без числа,
И сподвижников верных, и слуг — без числа.

Нет конца конным, пешим, знаменам, верблюдам —
Все пространство кишело толпившимся людом.

И увидел подвижник смутившимся взглядом
Суету и толченье, кишевшее рядом,

2335 И внезапная дума смутила его,
И смущенье совсем охватило его.

Тут какой-то осел вместе с ревом надсадным
Испустил вдруг и ветры со звуком изрядным.

Шейх почел это знаменье добрым указом,
Завертелся он в пляске и рухнул он разом.*

И, увидев тем поводом вызванный пляс,
Отреклись все мюриды от шейха тотчас.

Все покинули шейха, и, мнение их выдав,
Вопросил его дерзко один из мюридов: *

2340 «В чем причина сих дел, объяснение дай нам!»
И сказал ему шейх: «Друг мой в помысле тайном,

Видел я, что вокруг всполошенье пошло,
И что спутников тешат тщеславье и зло.

И припомнил я сердцем радетелей славных,
Всех мужей на стезе добродетелей славных —

Джунаида, Шибли, Бистами Баязида,
И Убайда Нури и Абул Хайр Саида, — *

Кто из них столь же пышною свитой владел?
Сим воителям люб был смиренный удел!

2345 И когда сердце стало их силой согрето,
Рев осла послужил мне заместо ответа.

Раз нашел я ответ от повадки ослиной, —
Был осел моему озаренью причиной!

Если шейха от мыслей пробудит осел,
Если рев его вмиг к разуменью привел,

Ничего нет постыдного сделать раденье —
Словно ветром изгнать из ума наважденье.

Это дело понятно мужам справедливым:
Муж поймет, если будет и сам справедливым.

2350 А спесивый и глупый в злонравье своем
С этим благом вовеки не будет знаком!»

ВОПРОС

Вопрошающий молвил: «Достойнейший в чине!
Если с вами отправлюсь я в странствие ныне,

То какой же утехой забот избежать мне,
А настигнет печаль — как невзгод избежать мне?»

Как же быть, чтобы радость мне в душу вошла,
И была б единением с высшим светла?»

ОТВЕТ

«Если, — молвил Удод, — ты утечи желаешь,
И печалям своим ты помехи желаешь,

2355 Вечно помни единого, думай об этом,
Хочешь радости — тешь себя думой об этом.

А без думы о нем все утечи души
И при мыслях благих не всегда хороши!

Без него даже хвори достойней веселья
И стократное горе достойней веселья.

От него и любая беда будет счастьем
И погильею путам невзгод и напастям!»

ПРИТЧА

Жил ходжа Ансари, — нет и слов для речений
О едином из тысяч его совершений.*

2360 Он говаривал: «Сердце того совершенно,
А душа на пути отрешенья блаженна,

В ком, помимо всевышнего, нет ничего,
Кроме дум о нем, лишнего нет ничего.

Будет сердце таким — называй его сердцем,
А не будет — нет веры подобным зловерцам!

Настоящее сердце — для бога жилище,
А без бога и сад — не красней пепелища!»

ВОПРОС

Вопрошающий молвил: «О муж благодатный!
Мне любовь к нему издавна сделалась внятной.

- 2365 Если я единения с ним удостоюсь,
 Что ж просить мне, в блаженстве таком успокоюсь? *
 Что просить мне, хотел бы узнать я заране,
 Если мне единенья откроются грани?» *

ОТВЕТ

«Твои мысли, — промолвил Удод, — только смута,
 И в долине премудростей нет им приюта.

Если высшая цель тебе стала присущей,
 Нет иного на свете, — лишь бог вездесущий.

Если ты благодати в желанном достиг,
 Значит, ты и объятий с желанным достиг.

- 2370 А не с ним ты — нет сердцу желанья иного,
 Нет в душе от него отрешенного зова!

А обрел ты его, претерпев разлученье,
 Разве выше его может быть устремленье?

Если он для души и для тела — предел,
 Страсть к нему в нем самом и имела предел.

А найдешь его — сердцем расстанься со скверной,
 Все свое созидай на любви к нему верной!»

ПРИТЧА

Бу Саид был пловцом в глубях рек единенья,
 Разум неможен выразить им восхищенье.*

- 2375 От народа прозвание «сапожник» приял он,
 Днем и ночью желанному тайны вверял он.

Как-то в Мекке толпа богомольцев, молясь,
 Благодати просить у творца принялась.

Были все там к божественным свитам причастны,
 Все, как есть, к божьим тайнам сокрытым причастны.

И они, преклонивши колени, молились,
О посланье божественной сени молились.

И к обители господи пали челом,
И друзьями просились войти в его дом.

2380 Лишь тот муж, кладезь тайн сокровенного клада,
Тот цветник, где цветет единенья услада, —*

Только он средь молящихся был молчаливым,
Словно пьян отрешеньем, без сил, — молчаливым.

И упал на молящихся вдруг его взгляд,
И промолвил он слово, порывом объят:

«Боже! Все, чего нету для них и желанней,
Я постиг и не ведаю мук и страданий.

Ты взыскуем сим людом, со мною ты — рядом,
На соблазны смотрю я невидящим взглядом.

2385 Быть с тобою всегда — вот моя благодать,
Обретенное было бы глупо искать!

В единенье с тобою нашел я отраду,
Сих просящих желанье сверши им в награду!»

ВОПРОС

И еще был вопрос: «О постигший науки!
Если путь сей, предавший сердца наши муке,

Приведет нас на пиршество в шахском чертоге,
Нужно нам о подарке подумать в дороге.

Как почтить шаха даром достойным, — скажи,
Отыскать где подарок такой нам, — скажи!»

ОТВЕТ

2390 «Вот, — ответил Удод, — превосходное слово!
Шаху люб будет дар только свойства такого,

Если сыщешь вовек небывалое диво, —
Что рубины и жемчуг! То — малое диво!

В шахских залежах — слитков не счесть и монет,
А жемчужинам-перлам и счета в них нет!

Той казне поклоняются ангелы верно,
И у праведных преданность ей беспримерна.

Там бесценнейших благ отрешения много,
И бесценных сокровищ смирения много.

2395 Там свершений, присущих пророкам, не счесть,
И святых, что в смиренье глубоком, не счесть.

Всех отличий добра, сколь ни будут благими,
Там премного, и все там — во прахе пред ними.

Редкий дар там — одни лишь печали страданий,
И следа там вовек не встречали страданий.

Там — обитель добра, отрешенья чертог,
Он превыше ста тысяч престолов высок.

Славы, счастья, добра — там всегда изобилье,
Только немощи нет там и нету бессилья.

2400 Ты туда свое горе всецело пожертвуй,
Боль души и страдания тела пожертвуй.

В том чертоге от века даров этих нет,
И не требуй от шаха страданий и бед.

Припади к нему с болью, страданьем, недугом,
Если хочешь ему быть всепреданным другом».

ПРИТЧА

Жил властительный шах, повелитель всем шахам,
Над людьми был он тенью, простертой аллахом.

Вся в жемчужинах звезд, словно солнце — корона,
Словно все поднебесье — страны его лоно.

- 2405 Сын его был такой красотой наделен,
Что подобной красы не видал небосклон.
В горних высях красы равен звездам слепящим,
Он в хранилище благ был рубином блестящим.
В благолепье ночей светом блещущим полон,
В цветнике красоты кипарисом расцвел он.
Шах под кровом дворца его тайно берег,
Чтоб огонь красоты его вечность не сжег,
Мир избавить от бедствий надеждою тешим,
Не пускал его в город ни конным, ни пешим.
- 2410 И затворник, в садах охраняемый тыном,
Лишь в своем цветнике красовался павлином.
Отрешен от всего шахским нравом он был,
Лишь в саду своем предан забавам он был.
День пришел — шах испил чашу благостной доли,
И наследник его заблистал на престоле.
И державная хутба ему была пета,
И чеканом его выбивалась монета.*
Как-то выехал он погулять на коне,
Теша душу весельем, скакал по стране.
- 2415 Он на площадь губительной смутой ворвался,
Волей неба погибелью лютой ворвался.
И в чавган на скаку в диком гаме играл он,
Головами людей, как мячами, играл он.*
И куда он ни гнал своего скакуна,
Там толпа горожан была смутой полна.
Люд, увидев его, одержимый любовью,
Как в силках, был и страстью губим и любовью.
И, нагрянув на подданных бедствием пушим,
Вихрем мчался он в сад свой к пылающим кушам.

2420 Горожане: «О боже, внемли нам!» — кричат,
От любви к нему криком единым кричат.

Все за ним, по следам его, скопом ходили,
И к дворцу и к садам его скопом ходили.

Злобный шах, все величье утратив от ражу,
Осерчал и обрушился гневно на стражу:

«Эй, гоните смутьянов-мятежников прочь!
А ослушников тотчас на пытку волочь!»

Как ни гнали смутьянов — и сзади и сбоку, —
А усердие стражников не дало проку.

2425 Горожане все стали совсем одержимы,
В посрамленье помешанным всем одержимы.

Днем и ночью безумцы, терзаясь от мук,
Возле шахского сада толпились вокруг.

Шейх и отрок, подвижник и пьяный гуляка
Песнь любви и безумья тянули там всяко.

И когда шах спознался с таким вот упорством,
Его сердце, смягчась, перестало быть черствым.

Видит — бедствия, смуты, предела им нет,
И руки, что помочь бы сумела им, нет.

2430 И тогда он к тем людям посланье отправил,
И гонца со словами воззвания отправил:

«Все, что в страсти явить мне умели раденье,
Пусть покажут в каком-нибудь деле раденье.

Пусть, мол, каждый — в каком ремесле знаменит —
По умению какой-нибудь труд совершит.

А исполнят — и все для ответа предстанут,
Предо мной с исполнением обета предстанут.

Если выдастся мне по душе чья работа,
При особе моей тот достигнет почета.

- 2435 Будет он и на пиршествах другом моим,
Будет ровней он преданным слугам моим.
Не понравится — тут же сверну ему шею
И замучить жестокою смертью сумею!»
Злобный шах, возвестив столь суровую волю,
Уготовил всем подданным тяжкую долю.
Но все люди в надежде на добрый исход
Отложили свершение прежних работ.
Днем и ночью трудясь, все иное забросил
Каждый ведавший тайны наук и ремесел.
- 2440 Все чужды посторонним стараниям были,
Только заняты шахским заданием были.
Муж ученый радует, за свиток засев,
Музыкант сочиняет какой-то напев.
Стих слагает поэт славословящим ладом,
Чтобы шах всемогущий почтил его взглядом.
И писец разгоняет перо по бумаге,
Помышляя о шахских щедротах и благе.
Ювелир изощряется этак и так,
Чтобы сделать для шаха достойный кушак.
- 2445 Ткач наладил к работе станок неустанный,
Чтобы шаха одеждой облечь златотканой.
Плотник делает трон, чтобы шах благодатный
Возвышался на нем своей силою статной.
Лучник крепко работою занят: «А вдруг
Шаху по сердцу будет вот этот мой лук?»
Точит стрелы умелец, не зная покоя:
Мол, приглянется шахским очам и такое.
В общем все горожане — великий и малый —
Все трудились в заботе своей небывалой:

2450 «Только б дар мой для шаха не вышел бы худ,
По душе бы пришелся ему этот труд!»

И хотя им и горе и зло приключилось,
Уповаем, что будет им послана милость.

Как-то шах из палат вышел темною ночью:
«Что народ мой творит?» — дай взгляну, мол, воочью.

Шах и два верных друга при нем
В город шли, словно воры, окольным путем.

Дескать, дай-ка пройдем по проулкам-проходам,
Поглядим, что за дело творимо народом.

2455 И куда ни смотрел повелитель могучий,
Его сердце терзалось тоской неминучей:

«Все сокровища эти в казне нашей есть,
Да и с виду получше, и счетом не счесть».

Вдруг он видит — скиталец, больной и несчастный,
Изможден истязаньями страсти всечасной.

Страсть всю душу его до предела сгубила,
Тайной болью разлуки все тело сгубила.

Кровь разбитого сердца, потоком струясь,
Через очи страдальца лилась и лилась.

2460 Кровью сердце полно или прахом могильным —
Бьется птицей подбитой в страданье бессильном.*

Что ни миг, так стонал и стенал горемыка,
Что сердца разрывались от этого крика.

Меч любви ему сердце на части рассек
И изгнал из него своелюбья порок.

Гнет любви вверх страдальца в такие лишенья,
Что поправ его тело во прах отрешенья.

Отрешенный, во прахе влачился челом он,
Каждый волос его был стократ переломан.

²⁴⁶⁵ «Каждый, — молвил он, — страсть в свое дело вложил,
Каждый явит в искусности рвенье и пыл.

Утром шахское пиршество будет на славу,
Все искусники милость получают по праву.

Ну а я? Весь мой дар — из рыданий и горя,
Как мне с ними тягаться, в искусности споря?

Будет милостив шах или гневен и строг,
Если пустят меня на заветный порог,

Недостоин спознаться я с милостью тою,
Да и шахского гнева я тоже не стою!

²⁴⁷⁰ Если меч его гнева сразить меня мог бы,
Если саблей своей он мне голову ссек бы,

Не нужна мне иная награда совсем,
Да и счастья другого не надо совсем!

Но ведь даже на казнь не имею я права, —
Как же кары мне ждать, если вдуматься здраво!

Я в печали моей — словно в мертвой пустыне,
От того безысходна и скорбь моя ныне!»

Шах, увидев несчастного в горе таком
И к страдальцу растроганным сердцем влеком,

²⁴⁷⁵ Снизол к его сердцу, в страданье печален, —
Так вот солнце вступает под своды развалин.

Он явил ему милость, утешил в заботе,
Выгнал немощный дух из обители плоти.

И, увидев все это, бедняк в тот же миг,
Онемев от смущенья, умолк и поник.

И упал он без чувств, и в беспомощности жарком
Перед гостем сложил свою душу подарком.

Нет! Не жить, а вот так умереть — благодатней,
Даже тысяч бессмертий — заметь — благодатней!

2480 Если жизнь оборвать призывает судьба,
Тот не муж, кто привязан к ней хуже раба!
Страсть ему гибнуть в огненных муках судила,
Но свеча его духа зажглась, как светило.
Как свеча, он горел, истекая слезами,
А смотри — стало солнцу сродни это пламя.
Если ищешь, Фани, ты к желанному путь,
Даже в горе и бедствиях радостен будь!

ВОПРОС

Вопрошающий молвил: «О ты, благодатный,
Ты в главенстве достиг высоты благодатной!
2485 Этот путь нам несет беспредельное горе,
Даль его протянулась в бескрайнем просторе.
Как нам эту пустыню несчастий пройти,
Как достигнуть конечной стоянки в пути?
Это странствие будет какое, — поведай,
О суетах пути, о покое поведай.
Расскажи обо всем нам по чину, по ладу,
Поначалу — о бедах, потом — про усладу».

ОТВЕТ

«Спутник мой, — был услышан ответ от Удода, —
Твой вопрос этот — очень нелегкого рода.
2490 Если ты спросил, если слушать ты станешь
Об усладах и бедах долин и пристанищ, —
Сколько нужно долин и стоянок минуть, —
Я про все расскажу, ты внимателен будь!
Семь долин перед нами — простором громадным,
Нет числа в них угрозам и страхам нещадным.*

В каждом доле числа нет путям-перевалам,
Разум никнет пред этим числом небывалым.

Семь долин — разветвление путей и дорог,
С них рассказ я начну, это — странствий исток.

²⁴⁹⁵ Будет первой долиной — долина Исканий,
Дол заветный, начало взыскуемых граней.*

Знай: долина Любви дальше путь перекрыла,
Все сожги в той долине — что есть и что было.*

И когда твое тело любовью спалит,
Знай, в долину Познания путь твой открыт.*

А за ней простирается дол Безразличья,
Знай — ничтожно пред ним небосвода величье.*

Дальше — дол Единенья, и в этом пределе
Ты пребудешь единым в искании цели.*

²⁵⁰⁰ А оттуда долиной Смятенья пойдешь,
Вся долина исполнена муками сплошь.*

После этих долин будет дол Отрешенья,
Дальше нет ничего, здесь — пути завершенья.*

Сколько праведных духом там ищет удачи,
Только все по-другому бывает, иначе.

Не бывало от века вестей с тех дорог, —
Кто туда ни ходил, возвратиться не мог.

Лишь назвать семь долин — невеликое дело,
Рассказать о них — трудностям нет и предела!»

ДОЛИНА ИСКАНИЙ *

²⁵⁰⁵ Только ступишь в долину Исканий ногою —
Каждый миг сотни тысяч невзгод пред тобою.

Каждый миг сотни грозных примет перед взором,
Лишь вздохнешь ты — и тысячи бед перед взором.

В муках ищешь — и сердце объято тоской,
Душу ранит надежды утрата — тоской.

Там всю душу сожги, в жертву отданный бедам,
А обет единенья навеки неведом!*

Там исколото тело шипами несчастий,
А душа там подавлена гнетом напастей.

2510 Там жемчужин заветных ищи — не найдешь,
Да и все, что имеешь, утратится сплошь.

Все, чем ищущий связан, — достаток, пожитки, —
Он развеет, четырежды прокляв, до нитки.

Все, что чуждо исканьям, им будет забыто,
И дорога к желанному станет открыта.

И когда разочтется он с благом мирским,
Мир невиданных благ заблестит перед ним.

Клад сокровищ блеснет на твоём пепелище,
Свет в душе твоей вспыхнет и ярче и чище!

2515 И от искр этой страсти огонь распалится,
От огня — твоих помыслов конь распалится.

Сотни новых дерзаний изведает ты,
И к ногам твоим горные рухнут хребты.

И постигнешь душой ты блаженство исканий,
И не будет с тобою ни мук, ни страданий.

А познаешь ты сердцем бесценность жемчужин, —
С ремеслом их добытчика станешь ты дружен.*

Если солнце взойдет, единеньем горя,
Сгинет мрак твой и ярко заблещет заря.*

2520 Даже слон, захмелевший в припадке порухи,
Будет слаб пред тобою — ничтожнее мухи.

Сотни тигров и львов повстречаешь дорогой,
А сочтешь их не больше козявки убогой.

И дракон твое сердце бедой не сразит,
Если в нем будет клад заповедный сокрыт.

Ты удар нанесешь и неверью и вере,
И раденьем твоим да отверзнутся двери.

Дверь отверзнется — сгинут и вера и ересь,
Все забудешь, открывшейся двери доверясь.

2525 Там неверью и вере назначен зарок:
На едином пути нет различных дорог!*

ПРИТЧА

Был один падишах — повелитель всесветный,
И казна и войска его были несметны.

Сын его красотою был так благороден,
Что ему сам Юсуф для послуг был пригоден.

Перед ним и светило — что тающий дым,
Даже солнце лежало во прахе пред ним.

Кипарис его стану был слабою тенью,
Лунный лик его — небу служил к украшенью.

2530 Словно солнце, краса его миром владела,
Как луна, он над небом царил без раздела.

Каждый взор его, мир повергая во прах,
Новый мир созидал — в лучезарных очах.

Души речью рубиновых уст сокрушал он,
Души дивной улыбкой лица воскрешал он.

Целый мир был влюблен в него — страстно, до хвори,
Даже гнев его к подданным был им не в горе.

Иноверцы с него не сводили свой взор,
Правoverные гибли от смут и от ссор.

- 2535 Конь его словно молния несся, бывало, —
Целый мир этим пламенем вмиг опаляло.
И безумство владело людскою оравой,
И томил он людей красотою лукавой.
Краем ока лишь глянет — красы его меч
Сонму смертных велит тут же кровью истечь.
Все ему нипочем: все на свете полягут,
А ему — лишь забава, ни горя, ни тягот.
Где бывал он, там ветер не ведал дороги:
Мчался прочь он от страха в смятенной тревоге.
- 2540 Даже в сад к нему ветер не смел залететь, —
В каждой высохшей ветви ждала его плеть.
Как-то раз на коне своем ехал он скором
По заглохшим, совсем опустевшим просторам.
Глядь — сто тысяч безумцев рыдают в пустыне,
Одержимы любовью, в тоске и кручине.
Им глядеть на прекрасного было невмочь
И томиться от страстного пыла — невмочь.
Кто хотел его видеть — плохой ли, хороший, —
Эта цель им была непосильною ношей.
- 2545 Но сиятельный отрок, привыкший к гордыне,
Сам взглянул на томившихся в дальней пустыне.
Взор его заметил двоих бедняков,
Оплетенных любовью, как цепью оков.
«Эй, ступайте, — велел он служителям — свите, —
И обоих безумцев ко мне приведите!»
Только тронул коня, молвил властное слово —
Привели бедняков — и того и другого.

Одного он в острог под ярем посадил,
А другого на псарню псарем посадил.

2550 Был один весь в цепях в заточенье суровом,
А другой тосковал по цепям и оковам.

Были оба в беде, мучась медленным сроком,
И терпели лишенья в несчастье глубоком.

Как-то раз сострадатель им задал вопрос:
Как, мол, каждый из вас свое бедствие снес?

Псарь сказал: «Что такое беда — я не знаю,
Всем доволен я, тягот вреда я не знаю.

Сердце страстью полно, и в смиренье убогом
Я готов быть и псом перед милым порогом.

2555 Я собакам слугой-покровителем стал,
Но над ними же я и властителем стал».

А второй отвечал: «Страсть мне сердце сломила, —
Если станет приютом мне даже могила,

Пусть сейчас я закован, как раб, — в заточенье,
Я всем сердцем надеюсь достичь единенья».

Слышал шах луноликий всю суть этих слов,
Незаметно спрятавшись в тайный укров.

Эти люди в исканиях верными были,
Потому и в любви столь примерными были.

2560 Рад был шах солнцеликий речам тем немало,
Его сердце словам их блаженно внимало.

Оценил он их верность в нелегкой судьбе,
И явил он им милость, приблизив к себе.

Их исканьями правила верность всеильно,
И была их награда плодами обильна!

ДОЛИНА ЛЮБВИ

Чуть минуешь долину Исканий, и сразу
Дол Любви тебя примет, открывшийся глазу.

Знай: любовь — это светоч над миром нетленный!
Нет, не светоч, а пламень над всею вселенной!

²⁵⁶⁵ Люб в любви не любому, кто любит, огонь,
Лишь одну саламандру не губит огонь!

Отрешенность — вот признак любви настоящей!
Нужно стать саламандрою, в жаре горящей!

Одержимым любовью даруется пламя,
Им дано над свечою порхать мотыльками.

А красавицам мудрый обет незнаком:
Недоступно для бабочки стать мотыльком.

Пестрым бабочкам любо меж роз красоваться,
И красой перед взором детей похвалиться.

²⁵⁷⁰ Любо ль им, как дервишам, в одежде посконной
Мотыльками лететь на светильник зажженный!

Хоть и ярк их крыльев наряд, все равно
Мотыльками гореть им в огне не дано!

Соловьем может зваться не каждая птица,
Не любая в пылании страсти спалится!

Кто в любви не горит, значит, он — не влюбленный,
Тот не любит, в ком нету души опаленной.

Для влюбленного радость — в любви себя сжечь,
Но любви не обучит и мудрая речь.

²⁵⁷⁵ Зданье сердца — спаленное страстью жилище,
Ведь дракон лишь дохнет и — кругом пепелище.

Сердце любящих чадом стенаний томимо, —
Где молельня огня — там кружение дыма.

Пламя молний любви все сжигает кругом,
Низвергая с небес опаляющий гром.

Кто любовью горит — до предела сгорает:
Как от молнии стог, его тело сгорает.

Души любящих страстью горят неподдельной, —
Страсть их сделала пламенной огнемолельней.

2580 Если кто-нибудь в огнемолельню попал,
Как ему не сгореть среди огненных жал!

Пламя страсти зажглось — не дано не спалиться, —
Что в огонь попадет, то в огонь превратится.

Шаг направишь к любви — и соришь в той округе:
Все сжигается пламенем в огненном круге.

Для скитальца любовь — не игра, не обман,
Это — в теле его огневой ураган.

И в любви пламенеть нужно снова и снова, —
Кто в огне — тот горит, нет исхода иного.

2585 Если с высей любви пламя молнии грянет,
Душу огненным валом захлестывать станет, —

Это пламя всю плоть твою бrenную жжет,
Да не только ее — всю вселенную жжет!

Умереть — для влюбленных обычное дело,
Ради друга погибнуть — привычное дело.

ПРИТЧА

Асмаи брел паломником к божьей угоде
И увидел кусты на одном переходе.*

Там в кустах, между порослью роз молодой,
Был источник, журчавший живою водою, —

2590 Словно душу влюбленный в ту рощу принес,
И родник преисполнился струями слез.

Асмаи сел у речки в благом этом доле,
Чтобы сердце отмыть от печали и боли.

Отдохнув у источника, в благости светел,
Он поодаль приставленный камень заметил.

Там написано было: «Хиджазец, ответь, —
Как заветною тайной надежно владеть?» *

От любви изнемогшим и хилым — что делать?
Если нет в них пристанища силам — что делать?»

2595 Асмаи тут же вынул перо и чернила,
И рука его быстро ответ настрочила:

«Кто в сей бездне взыскует чистейший исток,
Да не явит он миру бесстыдства порок!»

Написавши на камне те речи, пошел он,
Со стоянки своей в путь далече пошел он.

А назавтра, бредя той же самой тропею,
Он опять тот же камень узрел пред собою.

Видит — к надписи, сделанной им лишь вчера,
Вновь приписан ответ тем же бегом пера:

2600 «Если этот влюбленный, бедою убитый,
Непорочен, но страсть свою держит сокрытой.

Если страсть и любовь его мучат сурово,
Если сила терпенья иссякнуть готова,

Но жива в нем мечта единенья, — как быть?
Если нет от беды избавленья, — как быть?» *

Асмаи удивлен был той гибельной речью
И тотчас наострил он перо к красноречью.

Он писал: «О горящий любовным обетом,
Я тебе уж давал наставленья об этом.

- 2605 Если слушать совет тебе страсть не дает,
В жаре страсти умри, вот и делу исход!»
Злой ответ написав, бессердечный советчик
Стал подальше ходить от злокозненных речек.
Целый день он скитался далеко оттуда,
А наутро пригнал туда снова верблюда, —
Дай, мол, я от страдальца ответ посмотрю,
Дал ответ мне бедняк или нет, — посмотрю!
Видит — близ родника распростерся несчастный,
Бездыханный от пыток любви своей страстной.
- 2610 Он недвижно распластан и немощен телом,
И следа нет румянца в лице помертвелом.
Разрывается сердце от вида его,
Знать, сгубили и страсть и обида его!
Так с размаху о камень ударился лбом он,
Что и лоб был разбит, да и камень проломан!
Он повис над водой головою разбитой,
Был окрашен родник его кровью пролитой.
Вот какой был написан страдальцу наказ:
Лишь прочел он слова — и погиб в тот же час!
- 2615 Он сберег свою душу от тягот разлуки,
Но любовь привела его к гибельной муке.
Как узрел Асмаи тяжкий рок сей юдоли,
Сто шипов его сердце пронзило до боли.
И одежды порвал он, и сбросил чалму,
И за злобный совет было стыдно ему.
Не случилось с ним более тяжкого горя,
Горько-горько рыдал он, стенаньями вторя.
И печаль ему сердце на части разбила,
И его погребла под землю могила.

- 2620 Словно в битве за веру, сразил его рок
И в кровавый халат, будто в саван, облек.
О Фани, вот таков путь любви отрешенный, —
Если жить невтерпеж, то умри присмиранный.
За кончину, что послана промыслом бога,
Дать и сто тысяч жизней в отплату — не много!

27

ДОЛИНА ПОЗНАНИЯ

- Знай: отсюда идешь ты в долину Познанья,
Погляди, сколь бескрайни ее расстоянья!
Кто желал испытать той долины обычай,
Повидал там немало чудес и отличий.
- 2625 В этом доле сто тысяч различных дорог, —
Им от века неведом единый исток.
Там повсюду в великом и малом — различье,
Там и высям дано и провалам различье.
Сотни, тысячи путников в доле убогой
По пустыням бредут всяк своею дорогой.
Каждый путник своею дорогою горд,
Каждый странник в пути облюбленном тверд.
Одному любо то, а другому — иное,
Все, чуждаясь чужого, идут стороною.
- 2630 Там букашкам дан путь и слонам-великанам,
Джебраилу парить там и мухам поганым.
И Мусе с Фараоном пути там даны,
Хоть от века они меж собой не равны.*
Там равно есть пути у Махди и Даджала,
Хоть Мессия с ослом и не схожи нимало.*

В той долине узришь ты Бу Джахла с Ахмадом —
Мрак кромешный с невиданным светочем рядом! *

И дурным и достойным даны там пути, —
Правоверным дано и неверным идти.

2635 Нечестивцы чтут идолов — всех понемногу,
Мусульмане верны там единому богу,

Нечестивцы своим властелином клянутся,
Правоверные — богом единым клянутся.

Ничему без отличия быть не дано,
Всем в едином обычае жить не дано!

Так от века назначил пророк, нас ведущий:
Если люди идут к свету истины сущей,

И захочешь узнать, скольким быть там дорогам,
Знай: число их — с идущими в равенстве строгом.

2640 Как осадок и жидкость различны на цвет,
Так и нравов людских без различия нет.

И властитель могучий и нищий убогий —
Каждый следует к цели своею дорогой.

И в душе человеческой различья глубоки —
В ней и добрые свойства и злые пороки.

И не схожи у путников сущность и вид:
Этот — верен михрабу, тот — идолов чтит.*

Всем в познание дарована разная сила,
Всем различные сути познание открыло.

2645 Всяк по силе своей к совершенству стремится,
Все хотят через эту долину пробиться.

И хотя в их дорогах различия есть,
Цель одна у любого обычая есть.

Но — пряма ли, извилиста эта дорога,
Далеко ли идти по ней или немного,

Кто погиб на ней, кто запропал на дороге,
Кто меж путаных троп заплутал на дороге,
Неисхоженных там не бывало дорог,
И никто избежать своей доли не смог.

2650 И пока свет познания — в небесном пределе,
Все, кто хочет добиться взыскуемой цели, —

Все направиться прямо к удаче желают,
И казну свою сделать богаче желают.

И пока блещет светочем рдеющим свет,
Для любого откроется благостный след!

Все, кто муки терпел, получали награду:
На стезе их случалось встречаться и кладу.

На стезе постиженья любое бывало —
Много скорби и горя, а доброго мало.

2655 В чьих поступках всегда непорочность строга,
Тот законам пророка надежный слуга.

ПРИТЧА

Вот послушайте эту достойную повесть.
Говорят, в Индустан, в дальний путь приговясь,

Раз попали слепцы и брели меж раздолий —
То ли волею шли, то ли пленной неволей.

А потом им судьбою негаданной тут
Были посланы кров, и жильё, и приют.

Как-то раз их решили спросить не в обиду:
Мол, слона вы видали, каков он по виду?

2660 А слона-то, конечно, видать не пришлось им,
И проведать о нем тоже, знать, не пришлось им.

Каждый — кто как сумел — его тронул слегка
И пытался понять, что задела рука.

Ноги трогавший вымолвил: «Будто бы бревна».
Брюхо гладивший молвил: «Гора, безусловно!»

А один, только хобот и тронув, воскликнул:
«Узнаю я породу драконов», — воскликнул.

Тот, что трогал клыки, сообщил невпопад:
«У него лишь две кости, они и торчат!»

2665 Ну а трогавший хвост — что, мол, это за штука?
Крикнул: «Это змея, не иначе — гадюка!»

И поведал другой — тот, что голову щупал:
«Вроде как бы скала, а вершина что купол!»

А слепой, что к ушам прикоснулся, сказал:
«Нету здесь ничего, кроме двух опахал!»

Все те речи внушала одна слепота им,
И хотя каждый возглас был правдой питаем,

В их речениях было погрешностей много
И различий в сужденьях о внешности — много.

2670 А индус, что спросил их, был саном высок,
Был слонов и слоновьих повадок знаток.

Он спокойно внимал их речам небывалым,
Все их речи прослушав, совсем не мешал им.

«Что ж, — подумал он, — так, и правы они вроде,
Все сказали они о слоновьей породе.

И хотя говорили они невпопад,
Даже спорили, — кто же из них виноват?

Каждый молвил, что внятно его разуменью,
А увидеть слона — недоступно их зренью.

2675 А собрать эти свойства — и слон будет целым,
И познания их будут стоящим делом!»

Все для зрячего было понятно сполна,
И признал он, что суть их речений верна.

ДОЛИНА БЕЗРАЗЛИЧИЯ

Дальше — степь Безразличия ляжет долиной,
У высоких и низких там жребий единый,

Каждый миг ураган безразличия лютый
Заметает просторы столикою смутой.

А из туч безразличия ливень падет —
Все миры поглощает пучиною вод.

2680 Семь морей там и капле единой покорны,
Семь небес — словно мака иссохшие зерна.

Семь горнил преисподней — не ярче искринки,
Восемь райских садов — не виднее былинки.

Муравьям надо львами там сила дана,
Малой мухе доступно осилить слона.

Шах могучий, семи государств повелитель,
Там по сану не выше, чем нищий проситель.

И в ста тысячах орд каждый воин с кинжалом,
Как ворсинка, покажется жалким и малым.

2685 И дракон, небеса норовящий спалить,
Не страшнее, чем тонкого волоса нить.

Сонмы ангелов гибли от пагубы злостной,
Но пред ними Адам воссиял венценосный.

Души тысяч созданий покинули тело,
Но спасенье погибшим от Ноя приспело.*

Сотни тысяч Намрудов там гибли от мух,
Но Халилова пламени жар не потух.*

Были сонмы младенцев убиты кроваво,
Но Муса повелел — и утихла расправа.

- 2690 Правоверных зуннаром неверье душило,
Но дыханье Мессии им жизнь возвратило.*
Мир, погрязший в жестокости, кровью истек,
Но явился Мухаммед в предвечный чертог.
Быль и небыль здесь между собою сравнялись,
Правоверный с неверным судьбою сравнялись.
Сотни лет лил Заххак кровь людей невиновных,
Но Мессия дал жизнь сонмам трупов бескровных.*
Бахтуннаsr совершал здесь деяния зла,
Доброта — Нуширвану любезна была.*
- 2695 Но обоим дано было равною мерой, —
Вникни в суть безразличья, в единое веруй.
Здесь и сто тысяч солнц смерть навеки остудит,
А в просторах небес лишь частица убудет!
А впитаются в землю сто тысяч морей, —
Это капля, о друг, — вот ты что разумеи!
Сотни тысяч красавиц сгорят до предела, —
Это только лишь крылышко мухи сгорело!
Рухнут девять небес в вихре рева и гула, —
Это только былинку дыханьем взметнуло! *
- 2700 Сотни гор, равных Кафу, исчезнут с земли, —
Это ветры песчинку одну лишь смели!
Райский сад, будь он гибели предан мертвящей,
Здесь не больше листа, оброненного чащей.
Там равны правоверный и грешник негожий,
А притон нечестивцев — с обителью божьей.
Там Кааба и капище — ровня-родня, —
Стройный град и пожарище злого огня!
Там не больше младенца слон тысячетный,
Небосвод там — крупинки зерна незаметней.

- 2705 Там неверье и вера равны меж собою,
Там взыскующий встретится с трудной судьбою!

ПРИТЧА

Два любителя шахмат, искусности редкой,
Взяли доску со светлой и черной расцветкой

И, фигуры расставив по крупному строю,
Сели чинно за доску, занявшись игрою.*

С двух сторон падишахи явились стоять,
И у каждого войско — отборная рать.

Тут везиры, что ходят прямой полосой,
И ферзи — эти ходят дорогой косою.*

- 2710 Там один из них — румского войска властитель,
А противник его — черных войск повелитель.*

Рать и шахов поставили два игрока
И построили чинным порядком войска.

На ристалище вывели конницу оба:
Лишь начнется игра — и погонятся оба.

Строй содеяли, крепость с оградой и тылом,
Чтоб укрыться при случае сломленным силам.

А в строю боевом — и жирафы, и слон,
И медведи, и башни — напор и заслон.*

- 2715 Впереди — войско пешее сомкнутым рядом,
Изготовлено к натискам или к осадам.

И соперники бой повели по законам,
То в атаку идя, то вставая заслоном.

Лишь один в наступление рать поведет,
Как другой замышляет коварный обход.

И чудес в том сражении было в достатке,
Без числа там являлись задачи-загадки.

Храбрёцы-предводители бились немало,
И разить и запутывать селясь немало.

2720 Долго длилась та битва, трудна и тяжка, —
Оба шаха водили в сраженье войска.

Много времени битва кипела — поболе,
Чем сражение ратей на воинском поле.

В рукопашные схватки кидались отряды,
Бой открытый сменялся борьбой из засады.

Крылья войска и справа и слева дрались,
И ударным отрядам случалось сойтись.

С каждым ратником сын — и защитой и стражей,
Чтобы первому встретиться с силою вражьей.

2725 И, пройдя до конца поле брани воецной,
Он отцу своему становился заменой.*

А один пехотинец пошел там в обход,
Дескать, будет помощником мне небосвод, —

Дай-ка я стороной вражий клин одолею,
И все войско врага я один одолею!

И великую битву такого размаха,
Где соперники — два неприятеля-шаха,

Где у каждого — неисчислимая рать,
Где шел бой, да такой, что и не описать,

2730 Где в делах и порядок и лад небывалый,
Где войска — красоты да и силы немалой,

Где немало враги приложили стараний
Для устройства засад, нападений и браней, —

Эту битву — один ее край и другой,
Рано, поздно — а с поля сметают рукой!

Поглядишь — и ни строя, ни клина не стало,
Ничего — ни порядка, ни чина не стало!

Сколько было свершений и дел знаменитых,
Сколько было усилий — в боях и защитах, —

2735 Все пропало, что делали два мудреца, —
Все их мысли, чьей мудрости нет и конца,

И от них не осталось ни слуха, ни духа!
Так больная столетним недугом старуха

Хлам в тряпицу завяжет, невиданный сроду,
И не знаешь — в огонь ли кидать или в воду!

Вот и здесь приключился такой поворот,
Что и муж разуменья не сразу поймет.

Всех в мешок побросали с единого маха;
Так что пешки легли там поверх падишаха!

2740 Это тоже — основ безразличья примета,
Даже самый надежный пример для ответа.

Вникни в это вот дело и вдумчивым будь,
Сотни тысяч таких — безразличия суть.

Ну а понял — да будет крепка твоя вера:
Что ни сделаешь — помни о смысле примера.

29

ДОЛИНА ЕДИНЕНИЯ

Дальше — дол Единения, — ведай об этом,
Здесь в едином дано быть единым приметам.

Как пройдешь до предела ты этой долиной,
Ты пребудешь один вместе с сутью единой.

2745 Как минует и этой долины страна —
Там сто тысяч несчитанных птиц — как одна.

Цель желаний для всех — единение будет,
И об этом и песнь их и пение будет.

А придет их влечение к этим началам, —
И пребудет в единстве великое с малым.

Там в едином единому нет и числа, —
Вся премудрость бы этому внять не смогла.

А когда утвердишься ты в этом устое,
Все, что чуждо единому, будет пустое.

2750 Будь един, говори, помышляй — о едином,
Не стремись пробавляться там двойственным чином!

А с двоякою сутью — собьешься с пути,
И тайник единенья не сможешь найти!

*

ПРИТЧА

Шейх Мансур, муж достойный и столп единенья,
«Я есмь истина божья», — любил изречение.*

Люди веры ему наставленья давали,
Мол, для праведных это прилично едва ли.

И подвижникам стало известно о том,
И они втолковать ему тщились добром,

2755 Мол, от сих притязаний ты делом избавься,
И от висельной петли ты телом избавься.*

Но оплел его хмель в одеянье такое,
Что от этой припевки не знал он покоя.

И увидел однажды он диво сквозь тьму,
И всечасно видение было ему.

Будто божий посланник предстал перед взором
И Бурака погнал к поднебесным просторам.*

И на нем единенья корона сияла,
И пред ним единения лоно сияло.

2760 И пророк перед горним порогом предстал,
Перед вечно единым — пред богом предстал.*

И от господа он удостоен был зовом:
«Что ты хочешь, достойный, ответствуй мне словом».

Милосердья у бога, прощенья просил он,
И заблудшим простить прегрешенья просил он:

«Ты в щедротах всемогущ, ты — милостей знак,
Твоя милость бескрайна, твой промысел благ.

Обратить к тебе этот мой зов дерзновенный
Сам ты мне повелел в доброте несравненной.

2765 Если вины заблудших простить пред тобою
Повелитель арабов взывает с мольбою,

Всех, от века прошедших неправедный путь,
Пощади и к заблудшим все милостив будь!

Снизойди к их грехам-прегрешеньям, помилуй,
И провинности их всепрощеньем помилуй!»

«Почему же сей кладезь добра и обета
Говорил пред господом только про это?» —

Этой мыслью пронзилась его голова,
Миг за мигом твердил он лишь эти слова.

2770 Этим помыслом сломлен совсем, он томился,
И от немощи жалок и нем, он томился.

Вдруг посланник господень предстал его взорам
И развеял сомненья таким разговором:

«Да, в приюте гордыни ты крепко засел.
«Я есмь истина» — всех твоих знаний предел.

Невдомек тебе, видно, что горним высотам,
Где я побыл в тот час, вознесенный полетом,

Чуждо «я», и понятия такого там нету,
Даже в речи подобного слова там нету!*

2775 Ниспославший был он, указующий — он,
И взыскующий — он, и дарующий — он!

Ты бездумностью очень чудной прегрешаешь,
Ослеплен, ты суровой виной прегрешаешь!

Ты в долине Единства, где дол Единенья,
Где цветник небывалый расцвел единенья, —

«Я» и «ты» помышляешь в несходстве узреть!
Этих сутей вовек там не знали, — заметь.*

Там рекущий — лишь он, он — являющий блага,
Он — дающий и он же — собирающий блага!

2780 Нет и признаков «я» в том блаженном приюте,
Не бывало от века там двойственной сути.*

В «я» и «ты» проявленье различий искать,
И в едином двоякий обычай искать* —

Преисполнены зла и вреда эти мысли,
Изыми из души навсегда эти мысли!»

30

ДОЛИНА СМЯТЕНИЯ

Одолеешь долину Единства — и скоро
Дол Смятения станет открытым для взора.

Меч отмщенья щадит там идущих, не тронув,
Но — сто тысяч напастей там, тысячи стонов.

2785 Речь и слово немеют в смятении там,
Мысль и разум безгласны не менее там.

Ночь и день там едины: их видишь воочью,
А различия нет между светом и ночью.

Быль и небыль неведомы там разуменью,
И грядущее там недоступно прозренью.

И куда ни смотри — взор смятеньем объят,
И в смятении — вечным смущеньем объят.

Здесь и мужу, чей разум степенного склада,
Недоступна от вихря смятенья пощада.

2790 Все, что явно в пути единения было
И в долине Единства в прозрении было, —

Здесь всему истребленье и гибель грозят,
Да и сам познающий не знает пощад.

Если спросят: «Ты сущ или в вечном покое?» —
Ни один и никто — ни единый, ни двое —

Не сумеют и слова найти для ответа, —
Им неведома были и небыли мета.

Где наружных, где внутренних граней предел,
Где концу и началу положен раздел, —

2795 Там вовеки не знали подобных различий,
Там смятение рушит привычный обычай.

Там и тлен равен вечности сутью мертвящей,
Там от века едины хмельной и поящий.

Жив ли, умер он, — знать никому не дано,
Быль и небыль постигнуть уму не дано.

И куда ни взгляни — всюду смута смятенья,
И в душе твоей буйствует люто смятенье.

И любой там охвачен волнением страсти,
А к кому эта страсть — он понять не во власти.

2800 Там сиянием блесок весь дол напоен,
А в смятенье не знаешь, то — явь или сон.

Этот дол от примет не отделишь чудесных,
Бесконечны там тысячи зрелищ чудесных.

ПРИТЧА

Жил властитель — владыка всесветной округи,
Сто владык его трон окружали, как слуги.

Власть его простиралась от грани до грани,
И от грани до грани страна — в его длани.

Жемчуг ценный таил он — прекрасную дочь, —
От красы ее гуриям было невмочь.

2805 В цветнике красоты она — тополь прелестный,
Да не тополь, а сам кипарис расчудесный!

В почивальне души она — светоч горящий,
Да не светоч, а солнце в короне слепящей!

А глаза ее — словно бы око беды, —
Взор веков не видал столь жестокой беды.

Благовонные кудри и родинки — смута,
Да такая, что губит жестоко и люто!

А дыханье и губы, что ярче рубина, —
Словно солнце и воздух слились воедино.

2810 Все владыки мечтали о счастье с ней,
Даже шахи, что всех самодержцев сильней.

Но не выпало благо познать им ту милость,
Чтобы сердце свидания с нею добилось.

И самой ей не мнилось связаться союзом, —
Были обе причины преградою узам.

Кто по собственной воле один-одинок,
Не нарушить его своевольный зарок!

Были норы и нрав у девицы строги, —
Никому не давалось наладить торги.

2815 Как-то раз ей красавец явился в виденье,
Да такой, что не стало ни сил, ни терпенья.

Стать его — словно дух воплощенный чиста,
Будто солнце в зените — его красота.

Темен мускусный пух на румяных ланитах,
Словно точки в письме — зерна родинок слитых.

Кипарису подобен он трепетным станом,
А краса его впору лишь розам румяным.

С этим солнцем сама она — дева-луна
Возлегает на ложе, истомой полна.

2820 Каждый миг опьяняет их счастье свиданья,
И друг друга томят они страстью свиданья.

И, очнувшись, красавица очи открыла,
И исчезли из сердца и твердость и сила.

И росла в ней безумная страсть с этих пор,
И грозил ей уже посрамленья позор.

И она этот сон снова видеть желала,
Но в очах ее сна будто вовсе не стало.

Ни на миг она в сердце не знала покоя,
И ни ночью, ни днем ей не стало покоя.

2825 Как-то раз она в муках всечасного зла
На дворцовую башню смятенно взошла.

Ей хотелось окрест посмотреть в утешенье,
Чтобы в сердце ее укрепилось терпенье.

Ну а глянув, зашлась она в огненном крике, —
Видит: радостный пир во дворце у владыки,

Там и юноша дивный из вещего сна,
И, лишившись рассудка, упала она.

Был на пиршестве юноша тот несравненный, —
Как смутительный день среди века вселенной.

2830 И взглянул он на башню, и гибельным стрелам —
Стрелам страсти душа его стала прицелом.

Его душу пронзил этих стрел ураган,
И оставил на теле он борозды ран.

И в державе души его смута вздымалась,
И для жизни угрозою люто вздымалась.

Мощь ушла от него, ум ему стал неведом,
Да и сам он за ними отправился следом.

И, до вечера в горе и муках дожив,
Он лежал обессилен — ни мертв и ни жив.

2835 Полог ночи простерся над ширью земною —
Разом тысячи стонов поднялись стеною.

До зари его стоны жестоко терзали,
Струи слез, как лавина потока, терзали.

И с поры, когда птицы вещали рассвет,
Бил себя он до ночи камнями бед.

Две души поразила истома любовью,
Две страны не спаслись от разгрома любовью.

Дивный юноша, хоть и остался без сил он,
Но неправдой и правдой себя охранил он.

2840 А краса луноликая в горе была,
От любви — в истомлении хвори была.

Видит: руки слабеют в бессилии хвором,
И грозят ей любовные муки позором.

И когда без числа приключилось ей бедствий,
Видит — надо радеть о спасительном средстве.

И сказала она: «Не бывало вовек,
Чтобы средство от зла не сыскал человек».

Двух подруг она знала — и в дружбе примерных,
И в печалях и радостях стойких и верных.

2845 Обе в хитростях ловкой ухваткой известны,
В чудодействах веселой повадкой известны.

Так они наловчились в обмане лихом,
Что и муху сосватать могли со слоном.

Ведь не ведает муха, что выглядит малой,
Слон не знает своей толщины небывалой.

- Были ведомы козни обеим плутовкам,
Как с любовью справляться в обмане преловком.
- Та умела напевы извлечь из-под струн,
Эта пела, как ловкий в повадке певун.
- 2850 Как звучанье их саза и пения грянет —
Дивный звук даже с неба Венеру заманит!*
- Та могла звуком саза взять душу умело,
Эта — пеньем могла возвратить ее в тело.
- Заиграют, бывало, застонут вдвоем —
Тут и муж разуменья простится с умом!
- Страсть терзала ту деву с неведомой силой,
И она двух плутовок к себе пригласила.
- И сказала она, и рыдая и плача,
Что случилось в любви у нее незадача, —
- 2855 Как сначала во сне к ней томленья пришло,
А потом наяву помраченья пришло,
- Как в томленья по юноше хилою стала,
Как рыданье грозить ей могилою стало.
- И сказала она: «Вы дружны и согласны,
Так не будьте к печали моей безучастны.
- Ведь позорище сплетнею злой может стать,
От огня мое тело золой может стать.
- От огня моего мне неволи не будет,
И от смерти самой даже боли не будет, —
- 2860 Нестерпимо мое посрамленья от сплетен,
Был доньше мой нрав благочестьем приметен.
- Скорбь о чести отца меня сводит с ума,
Даже молвить об этом — я речью нема.
- Он ведь шах, и величьем под стать небосводу,
Стыд и срам ему будет, невиданный сроду.

Сто подобных мне сгинет — вовек не заметят,
Ведь былинку в бурлении рек не заметят.

Шаха так осрамить — нету силы во мне,
Я от этого горя страдаю вдвойне.

2865 Знайте: все я сказала, моля о защите,
Погубите меня или средство сыщите.

Своенравной была я, а стала смиренной,
Стал и тихим и кротким мой нрав дерзновенный.

Над моей неудачею сжальтесь, молю,
И рыдаю и плачу я, — сжальтесь, молю».

Как дошли до подруг эти крики и зовы,
Говорят они: «Жизнь положить мы готовы».

Мы найдем тебе средство, чтоб юноша гожий
Стал в любви тебе верной опорой-надежей.

2870 Ни один человек не узнает о том,
Даже сам он вовек не узнает о том.

День-другой потерпи-ка, простишь с суматохой,
Не рыдай ежечасно, не ной и не охай!

Ты сокрыть это дело покоишь стремленье,
Ну и нами владеет такое ж стремленье».

И явилась надежда на счастье, и впредь
Луноликая слово дала потерпеть».

И плутовкам задуматься время настало,
И досталось хлопот и забот им немало.

2875 И они подружились с прекрасным влюбленным
И узнали о сердце, любовью спаленном.

Их обман и коварство и льстивая речь,
Как добычу, беднягу сумели завлечь.

Словно мать и сестра, подольститься сумели
И сказали: «Тебе мы поможем в том деле».

И хоть ты о своем не поведал нам горе,
Мы-то знаем, откуда взялись эти хвори.

Пыл любви твое сердце жестоко потряс,
Вся надежда на счастье тебе — лишь от нас».

2880 И несчастный надеждой большою проникся,
И доверием к сводням душою проникся.

Что ни скажут плутовки — добром ли, приказом, —
Он с готовностью им подчиняется разом.

На обманных торгах караваны легки, —
Завлекли они дивную птицу в силки.

Лишь сказали: «В наш дом, мол, пойдем, недалече», —
Вмиг несчастный за ними пошел, не переча.

Пышный пир был там задан — не сделаешь краше,
Пленник страсти вина поотведал из чаши.

2885 Как пошло там питье — за фиалом фиал,
Каждый притчи да выдумки сказывать стал

Об огне и о дыме любовных терзаний,
О вреде и о пользе разлук и свиданий.

Разных тайн да историй, что каждая знала,
Рассказали ему две подруги немало.

В их речах пил тот молодец влагу надежд, —
Безнадежный, вкушал он отвагу надежд.

От вина и от сказок лишившийся воли,
Стал тот юноша страстью томиться все боле.

2890 И уста ему враз немотою сковало, —
Что ни миг, он слабел, поникая устало.

И тогда и для песни настал свой черед,
Что и разум отнимет и разом проймает.

И бедняга совсем помрачился с похмелья,
Будто выпил он разум губящее зелье.

Словно темная ночь, стал несчастный безгласен
И совсем покорился рассказчицам басен.

И они дали делу лихой оборот
И мгновенно носилки наладили в ход.

2895 Будто в люльку его положили, и ловко
На бегу им в пути помогала сноровка.

Принесли — той луне в торжество и в блаженство,
Кипарису и розе устроив блаженство.

Все к веселью готово там было сполна,
Сладкоустая дева ждала их одна.

И туда две подруги повадкой умелой
На носилках внесли кипарис сребротелый,

К луноликой на ложе сложили, как надо, —
Словно к солнцу луну привели для пригляда.

2900 И восторг луноликой от радости рос,
И безмолвный опрыснут был влагою роз.

Бездыханный вздохнул, благовонье вбирая,
И, очнувшись, узрел он подобие рая.

И узрел он ту пери, что с гурией схожа, —
Ту, что жгла его сердце, печалью тревожа.

Он рванулся и сел и, испуган, смотрел,
С сотней тысяч смятений вокруг он смотрел.

Глядь — под ним преогромное пышное ложе,
Рядом — шахская дочь, красотой пригожа.

2905 «О творец, — он сказал, — что за редкостный случай, —
Это сон или явь или призрак летучий?»

Но смягчила та дева терзанья ему
И явила всю негу свиданья ему.

«То не сон! Похвалы вознеси, безрассудный,
Пей же влагу из чаши свидания чудной!»

И вкусила та пери вина из фиала,
И его розоцветным вином угощала.

И, совсем уж забывши смущенье свое,
Много раз подносила безумцу питье.

2910 И вино пало в пламень смущенья водою,
И уж речь без смущенья пошла чередою.

И влюбленный и дева и томно, и страстно
Тут в обитель услад удалились согласно.

И такое единство настало тогда,
Что от двойственной сути не стало следа.

Все восторги, что знает желанье земное,
Обрели друг от друга единые двое.

И закон единенья их дерзостью правил, —
Говорить о том — свыше приличий и правил!

2915 Дева с юношей, страстью объятые, там
В упоении слились — устами к устам.

И найти для таких вот лобзаний сравненье —
Это было бы выше всех граней сравненья!

До утра они тешились негой усладной,
И обоим был сладок восторг безоглядный.

Тайны ночи раскрыл блеск рассвета, багров,
И на мускус земной лег камфарный покров.*

Пировавших всю разобрало весельем,
Им совсем помутило сознание похмельем.

2920 Тут и обе плутовки проникли за полог,
И неслись их стенанья из щелей и щелок.

Их набег отнял ум у влюбленных сполна,
И споили они молодца допьяна.

И свалился без чувств он, ослабший и хилый,
И рассудок расстался в нем с трезвою силой.

И подруги-плутовки, свершив это дело,
На носилки взвалили безгласное тело.

И домой его тут же снесли поскорей, —
Сокрушенного скорбью — в обитель скорбей.

2925 Свежесть утра вернула несчастному разум,
И от пьяного сна пробудился он разом.

И очнулся, подумал несчастный, припомнил, —
Происшедшее памятью ясной припомнил.

Дым стенаний из горла исторг он, скорбя,
И камнями жестоко избил он себя.

Сам себя истерзал он в стыде непритворном,
И весь мир его взору представился черным.

Слезы-звезды метались в чаду его крика,
Смуту мук безысходных терпел горемыка.

2930 Вспоминать о блаженстве свиданья он стал,
Как безумный, рыдать сквозь стенанья он стал.

Он вскричал: «О творец! Где спасенье найду я?
И кому же поведаю эту беду я?»

А молчать — разве силы и воли мне хватит?
И таиться — терпенья доколе мне хватит?

Утаить ли беду мою или открыть,
Слово молвить, смолчать ли — не знаю, как быть.

А начну говорить — речь вести мне доколе?
Не смогу рассказать я и тысячной доли!

2935 Поклянусь затаиться — и слово нарушу:
Не под силу мне будет сдержать мою душу».

И в смятенье исторг он немало словес, —
Духа в теле не стало, и разум исчез.

Каждый миг ему смерть посылала смятенье, —
Всех, кто видел его, донимало смятенье.

Все хотели узнать, в чем же бедствий основа,
Но в ответ от него — о причине ни слова.

«Все ведь ясно и так, не пытайте меня,
Я сгораю, не надо мне больше огня!

2940 Мук моих никаким не опишешь рассказом,
Их бессилен понять человеческий разум.

О создатель! Со мной ли случилось то счастье?
Мне ли было в блаженство и в милость то счастье?

Ну а если б я волю дал праздным словам,
Кто ж поверит таким несуразным словам?

Вся душа от смятенья сгорела, — что делать?
И пылает в развалинах тело, — что делать?

В единенье свидания счастьем томимый,
Знал восторг я и радость слиянья с любимой.

2945 А потом — боль разлуки, печаль, забытье —
Вот смятенье и трижды смятенье мое!

Нет границ изумленью пред этим, о боже, —
Никому не пошли в наказанье того же!»

31

ДОЛИНА ОТРЕШЕНИЯ *

Как минуешь сей дол, — всех путей завершенье
Ждет тебя лишь в равнине степей Отрешенья.*

Там — одно лишь безмолвье над гладью пустою,
Там рассудок и глух и объят немотою.

Как потоп разверзает там море без дна —
Сотни тысяч миров в нем потонут сполна.

2950 Там морской ураган, поднимаясь стеною,
Пенит тысячи гребней — волну за волною.

Миг за мигом спадают те волны, и снова
Разом в тысяче красок нахлынут сурово.

А посмотришь — и волны теряют там след, —
Только море повсюду, иного там нет.

Там предвечное пенится морем бескрайным,
И бурление волн взмыто промыслом тайным.

Явь и суть восемнадцати тысяч вселенных —
Все, что познано мыслью мужей просвещенных, —

2955 Все, что только явило свой облик и вид,
Все, чему в мире сущего образ открыт,

Все, что лику земли в ста диковинах суще,
В сотнях тысяч окрасок диковинных суще, —

Знай: все это — лишь море, источник всех сутей,
Это — луг или степь без путей и распутий.

Там сто тысяч прекрасных тюльпанов и роз
Соловьям и скворцам — пуще смертных угроз.

Лишь помысли, какие там страны и грады,
Океаны и реки, и горные гряды!

2960 Там круженье огня и ветров-ураганов, —
Все, что хочешь, найдешь там, едва только глянув.

Там вращенью небес и скончания нет,
Сонмы ангелов там, сонмы звезд и планет.

Сонмам ангелов нет ни предела, ни счета,
Ни числа, что границы б имело, ни счета!

Там и малой звезде, даже самой ничтожной,
По величью с землею сравниться возможно.

Семь небес, шесть сторон и четыре основы —
Суть вселенной — там редким величьем суровы.*

2965 Но превыше всего человек во вселенной:
Разум никнет от сути его совершенной.

Ты помысли об этом, и станет понятным:
Человек там — в обычном ли звании, знатном, —

И султаны, что силою славной сильны,
И хаканы, что волей державной знатны,*

Мудрецы и радетели веры законной,
И разбросанный люд, и в единстве сплоченный,

И святой, над людьми совершенством известный,
И пророк-провозвестник, главенством известный, —

2970 В море сути господней, как волны равны,
Да и сущи они там не дольше волны!

И у всех там единый удел — преходящий,
Все там бренны, им вечности нет настоящей.

Море вспенится волнами, словно в причуду,
И кипение красок являет повсюду.

А смирится бурлящая пеной вода, —
И от бега тех волн не осталось следа!

Если мудрость присуща уму человека,
Ты познал, что вовек и навеки от века

2975 Все, что можно помыслить живым и живущим, —
Быль и небыль — лишь так воплощается в сущем.

Все — лишь бог, и сильней не бывало начал,
Все там бренно, бог вечен — начало начал.

Все в явлениях сущее — в воле господней,
Дали, в вечность грядущие, — в воле господней.

Кроме господа, все, что по сути — иное,
Хоть стократ напоить его влагой живою,

В отрешенности бренно, и нет перемен, —
Даже вечность — и та превращается в тлен.

ПРИТЧА

2980 Шейх Аббас мясником был в судьбе своей бренной,
Стал — вершиной времен, высоты — несравненной.*

Он в степи отрешения шел год за годом,
Плоть свою изнуря смертельным изводом.

Как-то был в ханаке он, и присные с ним, —
Были все на местах перед шейхом своим.*

В это время какой-то развязный детина
В ханаке оказался, вошедши без чина.

Он вошел — и к минбару походкой лихою,
И сказал: «Эй, народ, что пригрет ханакою!

2985 Хорошенько проникните в суть моих слов,
Принесите кувшин мне — с водой до краев.

Мне свершить омовенье надумалось что-то,
А потом опорожниться будет охота!» *

Славный муж, услышав эту речь, молвил свите:
«Что ж, возьмите кувшин и воды принесите!»

И дервиш взял из лучших сосудов один
И, наполнив водой, тут же подал кувшин.

А невежда посуду разбил дорогую
И сказал: «Принеси поскорее другую!»

2990 И ему тут же дали другую посуду,
И опять он разбил дорогую посуду.

«Хорошо, — шейх промолвил, узрев эту прыть, —
Приносите, пока не устанет он бить!»

И камнями разбил он кувшинов немало,
Драгоценных осколков раскинув немало.

И взмолились тут люди из шейховой свиты:
«Все сосуды тобою уже перебиты!»

В ханаке не осталось посуды иной,
Мы не можем тебе принести ни одной!»

2995 «Если нету кувшинов, — ответил он свите, —
Вы тогда вот что вашему шейху скажите:

Пусть он бороду даст мне свою, да живее,
И тогда я нужду свою справить сумею!»

Шейх, услышавши этот бесстыжий наказ,
Встрепенулся и к спорившим вышел тотчас.

«Молодец! В добрый час быть благому почину!
Впрямь, к чему борода худородному сыну!

Только ветер и треплет ее обалдело,
А теперь она хоть пригодится для дела!

3000 Вот ее для себя заприметил дервиш,
И в нужде она будет полезна, глядишь!» *

А у шейха была борода седовласа,
И ее оторвал он, да чуть не до мяса,

И под ноги тому греховоднику кинул,
На поживу безумцу-негоднику кинул.

И, узрев отрешенья подобного знак,
Тот, от глупых речей отступившись, обмяк.

И простерся во прахе у шейховых ног он,
И, ничком пав на землю, совсем изнемог он.

3005 Видя все это, праведный муж отрешенья
Своелюбьем не тешился ни на мгновенье.*

Сделать низкого праведным впредь он сумел,
Переделать на золото медь он сумел.

Кто не вышел из пут суеты пестроцветной,
Для того плод подобных деяний — запретный.

О Фани, испроси отрешенья у бога,
В отрешенье тебе будет в вечность дорога!

**О ХОДЖЕ БАХАУДДИНЕ НАКШБАНДИ,
ГОРЕВШЕМ В ИСТИННОМ ОТРЕШЕНИИ ***

Был ходжа Накшбанди, муж благой и пригожий,
Шахом истинной веры и благости божьей.*

3010 Основав в том пределе престол свой по праву,
В землях небытия он устроил державу.

Он свое естество — светлых истин предел —
В чем угодно на свете провидеть умел.

Прозревал он себя в своем мысленном взоре
В кипарисе и в розе, в колючке и в соре.

Как-то взором он встретился с мертвой собакой,
Жалок был ее вид и без благости всякой.

И когда с той собакой сравнил он себя,
Умилился до слез он, в стенаньях скорбя.

3015 И сказал он: «Звать верным себя я не смею,
Не могу я себя даже сравнивать с нею.

Перед господом ей только верность присуща,
От меня ж ему — мука, тяжка и гнетуща!»

И пока так судил муж благого чела,
По дороге другая собака прошла.

И узрел он, исполненный мыслью благою,
След, впечатанный в землю собачьей ногою.

«Я ли благ, — молвил он, — или след сей собачий?»
И ответил себе: «Ты во правде — незрячий!»

3020 Это — знак на пути, где муж верности шел,
Ты ж в постыдном неверье влачишь свой подол!»

И когда завершил он такую беседу,
Пал он, землю лобзая, к собачьему следу.

Так благие свое существо отрицали,
Сделав небылью бывшее сущим вначале.

Чашу благ отрешенья судил им господь,
Если им удавалось себя побороть.

В сути бога им вечность была неизвестна,
В единенье — сиянье чела неизвестно,

3025 Но они на стезю отрешения стали,
И нетленны в пути единения стали.*

33

**СБОРИЩЕ МОТЫЛЬКОВ
ВО ИЗЪЯСНЕНИЕ СУТИ СВЕЧИ**

Как-то раз мотыльки захотели собраться —
У свечи для заветнейшей цели собраться.

Крылья их разожгла, словно пламенем, смелость:
«Суть желанного света нам знать бы хотелось!

Что узнаем — по чести расскажем о том,
Суть изведем — вести расскажем о том».

Вот один, крылья выпустив в знак уговора,
Суть свечи разузнать в путь отправился скоро.

3030 Видит — сборище в некоем доме ночное,
И свеча зажжена в том полночном покое.

И пронзительный свет ослепил его взгляд,
И о том он поведал, вернувшись назад.

Но друзьям его слово понятно не стало,
И ничто их сердец не задело нимало.

И чем ярче сверкало правдивое слово,
Тем слабей для внимавших был звук его зова.

От рассказа его невеликий был прок,
И лететь припустился другой мотылек.

3035 И когда пролетал он со светочем рядом,
Он к нему присмотрелся внимательным взглядом.

Все поведал друзьям он, и внять он молил их,
Но понять его речь они были не в силах.

И еще один, выказав рвенье и пыл,
У свечи полетал и над ней покружил.

Но напрасны слова его были, и снова
Не дошло до внимавших горячее слово.

И другими великая страсть овладела,
И к заветной мечте они ринулись смело.

3040 Над свечою порхали они сгоряча,
И огнем опалила им крылья свеча.

Рассказать, как их жгло в единенье заветном,
Было б делом нелегким и даже запретным.*

Описать жар огня человек не сумеет, —
Не ожегшись пыланьем, вовек не сумеет!

Лишь тогда суть вещей познает он, когда
Весь сгорает дотла, не оставив следа.*

Он стремится в огонь и бесстрашно, и смело,
И, сгорая в огне, очищает он тело.

3045 Ну а если заветное ведомо стало,
Говорить о другом тут уже не пристало.

Он в желанном себя умертвит навсегда,
В отрешенье — с желанным он слит навсегда.

Из него не изыдет ни вздоха, ни слова, —
Он изведаль ту правду, что сути основа.

А к судьбе мотыльков как присмотришься глазом,
Сердцу два откровенья внушаются разом.

Не сгоришь — не познаешь. Вот первая суть.
Если пеплом не станешь — желанье забудь!

3050 Если в жар отрешенья не бросишь ты тело,
Если все, чем ты жив, в том огне не сгорело, —*

Нет сиянья мечтам и заветным стремленьям,
И вовек не спознаешься ты с единеньем.

А другая суть в том, что горящий огнем,
В море пламени ринувшись, скроется в нем.

Дара речи в нем нету, и слов не найти там,
А другим — недоступно судить о сокрытом.

Не спалишься — не будет и суть твоя явна,
А сгоришь — не узнают о том и подавно.

3055 О Фани! Речь про суть отрешенья смири,
Единения ждешь — в отрешенье сгори!*

Мотыльком покружись над свечою горящей,
Одержимо бросайся на пламень палящий.

Если ж сути твоей и следа не осталось,
Плоти, жил и костей и следа не осталось,

Но при этом суть помыслов внятна уму,
Пусть об этом узнать не дано никому!

СЛОВО ШЕЙХА СУФИЯНА СУРИ О ПОСТИЖЕНИИ ВЕЧНОСТИ ПОСЛЕ ОТРЕШЕНИЯ *

Шейх Сури был подвижникам веры главою,
Был он таинствам господя сутью живою.

3060 Раз он слово держал на стезе наставленья,
И внимавший спросил у него разъясненья:

«Кто взыскует у бога заветную суть,
К цели помыслов высших каков его путь?»

Тот ответил: «Есть тысячи разных распутий,
И на всех испытанья — начало всех суетей.

Семь морей между тьмою кромешной и светом,
И просторы любого бескрайни при этом.

А когда те моря ты минуешь сполна,
Станет рыба тебе в то мгновенье видна.

3065 Лишь вздохнет она — сразу же в зеве той рыбы
Без остатка два мира погибнуть могли бы.*

Кто в морях отрешенья застигнут потопом,
Нужно ль путь пролагать ему к путаным тропам?»*

35

**О ТОМ, КАК ПТИЦЫ
У ПРЕДЕЛА ДОЛИНЫ ОТРЕШЕНИЯ
УЗНАЮТ О СТРАНЕ ВЕЧНОСТИ ***

И на речи завесой легло покрывало,
Шум вопросов умолк, и ответов не стало.

Птицам так было горько от вещего слова,
Что и разум не в силах помыслить такого.

И понятно им стало: задача трудна,
Да и птицам едва ли доступна она.

3070 Разуверясь в себе, все безгласными стали,
В безысходной печали несчастными стали.

Речь Удада их души губила незримо,
И из уст их изверглось кружение дыма.

Лишь узнали они, как их цель тяжела,
В тот же миг многим птицам гибель пришла.

И от скорби навеки затихли иные,
И в смятенье пустились в полет остальные.

И, годами не зная покоя, летели,
И не мнилось бежать им от гибельной цели.

- 3075 Через горы и доли их путь проходил,
Мчались быстро, пока не остались без сил.
Им в дороге случились такие напасти,
Что вовеки никто не расскажет и части.
Если путь твой проляжет в ту сторону света,
И случится воочью увидеть все это,
Ты узнаешь, где путь их тяжелый пролег,
Сколько крови им стоили муки дорог.
Наконец, изнемогшая в немощи стая,
Претерпев все мученья, от язв изнывая,
- 3080 Долетела до цели, но птиц было мало,
И тела им и души огнем опаляло.
Долог путь был, и много им выпало бед,
И предела страданьям их не было, — нет!
Здесь иные погибель в дороге встречали,
А другим суждено было сгинуть в печали.
Вихри, ветры кругом, ураганы несчастий, —
Нити жизни у странников рвались на части.
Раз превратностям рока предела там нет,
Ничего, что спастись бы сумело, там нет.
- 3085 И из ста тысяч сонмов собратьев пернатых,
Поредевших в ста тысячах бед и утратах,
Только тридцать осталось. Устали их крылья,
И, безжизненны, сели они от бессилья.
И ни перышка целого — ворс их разъят,
И остатки их перьев что щепки торчат.
Их тела обессилили мука и горе,
Души их истерзали недуги и хвори.
Но узрели они вид высот благодатных:
Целый мир там простерся широт необъятных.

- 3090 Разум немощен вникнуть в его естество,
Небосвод — меньше жалких былинки его.
Там из туч отрешенья льют ливни потоком,
Гром и молнии мечутся в небе высоком.
Там весь мир заливают потопом напасти,
Высь небес опалают там молнии страсти.
Семь небес там не более пяди земли,
Райский сад там не больше былинки в пыли.*
Птицы биться в великом смятении стали,
И от немощи жалки не менее стали.
- 3095 Там сверканье бесчисленных блесков кружится, —
С сотой долей их света сто солнц не сравнится.
Возроптали пришельцы на горький свой рок,
И огонь им все крылья и перья обжег.
«Нас тут тридцать, объятых негодной мечтою,
Дали мы совратить себя мыслью пустою.
Мы в пути претерпели лихие напасти,
Каждый миг у смертельного страха во власти.
Жизнь прошла, — где же цель, — вот души нашей
крик,
А пред нами простор этой шири возник.
- 3100 Здесь исхода нам нет, но и нет бытия нам!»
Дым извергся из уст их потоком багряным.
Каждый миг безнадежность свой лик им являла,
И несчастным бедою сердца сокрушало.
И заблудшие страхам своим предались
И не ведали, как им от бедствий спастись.
И у них не хватало ни силы, ни воли
Ни лететь, ни остаться в погибельном доле.
Вдруг завеса расторглась, и славы глашатай
Возблистал среди них, лучезарно-крылатый.*

- 3105 И узрел он ту стаю в бессилье таком,
Сотней бед оплетенную, словно силком,
И спросить он решил, к ней участие питаю,
И промолвил он: «Кто вы, заблудшая стая?
Вы в плену и в неволе у тысяч несчастий, —
Что за польза терпеть вам проклятье напастей?
Без приюта, без крова, терпящие гнет,
Вы простерты во прахе скорбей и невзгод.
Что-то свойства высокие в вас неприметны,
Так ничтожны вы, что и для глаз неприметны!»
- 3110 И ответили птицы: «Мы — бедная стая,
Мы унижены, в немощи нашей витая.
Исстрадались в дороге мы, шаха ища,
И чертог его в немощи страха ища.
Было много нас — войско-дружина без шаха, —
Разве может быть войско без чина, без шаха?
Мы в нелегком пути тяжкий гнет претерпели,
Сотни тысяч скорбей и невзгод претерпели.
Сотни тысяч скитальцев различных пород,
Превзошедших числом человеческий род,
- 3115 Все погибли, в дороге упав омертвело,
Только тридцать всего нас сюда прилетело.
Был Симург бы нам шахом в величье всевластном,
Нам различие зла и добра было б ясным!
Был бы смысл сокровенный владыкой храним,
Ну а раб может немощным быть перед ним!» —
«О безвестная стая, — воскликнул глашатай, —
В вашей речи бездумия край непочатый.
Знать, и впрямь вы теперь в превеликом смятенье,
Если вздором затмило у вас разуменье.

- 3120 Как о шахе осмелились вы помянуть,
Что за мысль проложила в сердца ваши путь?
Вы — ничтожней ничтожества, зряшная стая,
Тешит вас небылица, бездумно пустая.
Кто способен взъяриться в ничтожестве пущем,
Тот себя уже мыслит воистину сущим.
Сути истинной в вас не бывало ничуть,
Вздор и небыль взмечталось вам выдать за суть!
И сердца ваши тоже исполнены бредней,
И мечты ваши — вымысел самый последний!
- 3125 Здесь и сто тысяч солнц красоты небывалой
Не проявят себя даже блестякою малой.
И сто тысяч слонов, каждый грозен и яр,
Здесь — что жалкая падаль, слабы, как комар.
Вам познать бытие или тлен невозможно,
Ваша суть и для тлена мелка и ничтожна.
Прочь летите, простясь с болтовнею убогой,
А молчать невтерпеж — говорите дорогой!»
- От речей этих птицы лишились ума,
Их язык ослабел, речь их стала нема.
- 3130 И воочью они уже смерть примечали,
И пылали в огне безысходной печали.
«Были муки в пути к этой цели напрасны,
И все беды, что мы претерпели, напрасны!
Шах высок разуменьем и саном велик,
Что ему до таких вот, как мы, горемык?
Жаль трудов и надежд — не далось их сберечь нам,
Жаль нам помыслов наших о счастья вечном!
Все, что было, печалью лихой обернулось,
И обманом надежд и тоской обернулось.

3135 Есть ли в мире несчастная стая, как мы?
Кто еще обманулся, мечтая, как мы?»

36

**О ТОМ, КАК ПТИЦЫ,
ОТЧАЯВШИСЬ В ОТРЕШЕНИИ,
ОБРЕТАЮТ СИЛЫ В НАСТАВЛЕНИИ УДОДА**

«К-эй, — сказал им Удод, — бесприютная стая,
Без жилья и без крова беспутная стая!

Не теряйте надежды на благо и милость,
Милосердие шахом от века дарилось.

Нелегко единение с ним обрести,
Лучше — смерть на взыскующем этом пути.

Раз уж нам это благо ниспослано роком
И нашли мы приют в этом доле высоком,

3140 В нашей доле дано быть великому счастью —
Умереть одержимыми высшею страстью».

И явили тут птицы смирения знак
И сказали Удоду: «О мудрый вожак!

Мы во всех испытаньях нам выпавшей доли
Подчинялись твоим повеленьям и воле.

Где летел ты — летели и мы за тобою,
Лишь велел ты — мирились мы с долей любовью.

В час свиданья пришла к нам разлуки печаль,
Что ни скажешь — готовы в любую мы даль!»

3145 И ответил Удод им: «Не падайте духом,
Не поддайтесь в отчаянье бедам-порухам.

Раз уж мы с этим странствием впредь согласились,
Значит, мы сто несчастий стерпеть согласились.

В наших странствиях шах — всех мечтаний залог,
Смысл и суть наших поисков — шахский чертог.

И теперь мы уже у задуманной цели, —
Знайτε, цель ваша здесь, в недалеком пределе.

Для того, в ком любовь — совершенству порукой,
Безразлично равны единенье с разлукой.

3150 Благосклонность кумира мечтанна ему,
Все, что тот пожелает, — желанно ему.

Если вам не найти в единении лада,
Разве мысль о желанном сама — не награда?

Жизнь и душу отдать с этой мыслью — поверьте —
Значит — вечную жизнь обрести в этой смерти!»

ПРИТЧА

Некто встретил Медждуна в степи, и при встрече
Тот твердил беспрестанно какие-то речи.

«С кем же ты говоришь?» — молвил путник, горя.
Тот сказал: «Добрый странник, с Лейли говорю я».

3155 «Далеко ль, — был вопрос, — до нее тебе бресть?» —
«Эх, невежда, — тот молвил, — в душе она, здесь!»

А тому, кто в душе жив в любое мгновенье,
Даже дальность дорог не приносит забвенья!»

Кто в любви совершенством высоким отмечен,
Для него образ избранный в памяти вечен.

Раз уж вы о любви завели эту речь,
То умеете из мук ее радость извлечь!

**О ТОМ, КАК ПТИЦЫ,
ПОСТИГНУВ ОТРЕШЕНИЕ,
ДОСТИГАЮТ ЕДИНЕНИЯ С ВЕЧНОСТЬЮ**

Птицы много пустынь и морей одолели
С той поры, как решили отправиться к цели.

3160 Днем и ночью в пути, забывая усталость,
Не страшились невзгод, сколько их ни встречалось.

И они утвердились в желанье своем,
И вожак их, участием к ослабшим влеком,

Много слов им сказал о величье и силе,
И несчастья пернатую рать не сломили.

А иные поддались сомненьям унылым,
Но Удод, их вожак, правый путь возвестил им.

Не оставил он птиц с их страданьем лихим,
Наставленья и притчи поведал он им.

3165 Души речью его обогрело им снова,
Стало легким тяжелое дело им снова.

Им и верность и преданность дружбу дарили,
С их исканьями два этих свойства дружили.

Если ж стаи гнело униженье невзгод,
Не предаться тоске убеждал их Удод.

Было послано мужество стаям пернатым,
Были мудрость и разум в искусном вожатом.

Во втором отрешенье — во благе безмерном
Стал им истинный друг их наставником верным.*

3170 То ли ветер садов единенья пахнул,
То ли благостным духом Мессия дохнул, —

Распахнулось сокрытых завес покрывало
И раскрыло все то, что собою скрывало.

Полог света и мрака над ширью земною
Расступился и тут же прошел стороною.

И в саду единенья повеяло к кушам
Дуновением жизни, усладу несущим.

Боль ушла из сердец, обездоленных прежде, —
В единенье дано было сбыться надежде.

3175 В каждой розе в саду проявилось зеркало,
И повсюду сияние света мерцало:

А еще сколько света и блеска вокруг
И потайно и явно вмещал этот луг!

И взглянули как будто бы в зеркало птицы,
И смотрели в мерцанье прозрачной водицы,

И открылась их взорам вся суть постиженья, —
Им явилось в зеркале воды отраженье.

Тридцать птиц так лелеяли эту мечту,
Столько мук испытал и познав маету, —

3180 Что Симураг явит лик им во благо и в милость,
Чтобы им в отрешении вечность открылась!

А узрели себя, не увидев иного!
О аллах, это слово — чудесное слово!*

Тридцать птиц на Симурга мечтали взглянуть,
А узрели себя лишь: «си мурга» — вот их суть.*

Стала явною тайна, что в знаньях таится,
И жемчужница в жемчуг смогла превратиться.

Это слово, о сердце, — на птичьем наречье,
На подвластном сокрытым отличьям наречье.

3185 И хотя в этом слове загадка видна,
И с трудом лишь отгадку находит она, —

Одолеет преграды душевная сила,
Если спесь и гордыню в себе подавила.

Чтобы все одолеть в себе силой духовной,
Непреложно поверь в ее смысл безусловный.

Человеку даны и величье и честь,
Чтобы злое сгубить, а благое обрести.

Даже злой притеснитель, лишившись подвластных,
Станет мужем достоинств благих и прекрасных.

3190 И сокровище славы тому лишь дается,
Кто с неведением истины может бороться, —

Как пророку, даровано благо ему,
Быль и небыль открыты душе и уму.

Вознесен к единению в высях чертога,
Постигает он тайну единого бога.

Свет лучей единения дан его взгляду,
Меж «тобою» и «мною» сорвавший преграду.*

Море истинной сути взбурлит иногда,
Но в бурлении волн морю что за беда?

3195 В самой сущности вод — суть морская у моря,
То ли тишь, то ли буря на водном просторе.

А без вод нет свершения волнам могучим,
Быль и небыль для волн — только в море кипучем.

Если ты это все до предела поймешь,
Если тайну вот этого дела поймешь,

Если будешь дарами отмечен от бога, —
Просветленным рассудком усвоишь ты строго,

Что ты сам есть предел всех желаемых суетей, —
Вне тебя нет иных создаваемых суетей.

3200 Объяснение сути — вся сущность твоя,
Ты — отгадка загадок и мук бытия!

Поразмысли над сущью — свою потребой,
Все, что нужно тебе, от себя и потребуй!

Ты — чудесная птица из благостных кущей,
Непорочная птаха во славе цветущей.

Ну а эта вот стая, к Симургу стремясь,
На пути постижения в муках влеклась,

И себя самое в завершение познала,
И в исканьях своих единенье познала.

3205 И в тебе эта суть пребывает в основе,
А придет ее время — она наготове.

А себя не приемлешь — молчать соизволь:
В каждом слове твоём — не лекарство, а соль.

Кто проникся до сущности истиной тою,
Речь его навсегда сражена немотою.

Речь — одно, смысл — другое, об этом размысли:
Тот, кто занят словами, не ведаёт мысли.

Смысл сокрытый, что стал для меня достижим,
Птичьей речью теперь я поведал другим.*

3210 С этой речью обычным словам не сравниться:
Смысл ее непорочный в стыде не таится.

Птичьи речи познавший поймет мое слово,
А еще — сверх понятия — примыслит иного.

И смысленная птица, поняв эту речь,
Все поймет, что из слов ее можно извлечь.

Ведь трудней всех речей вперечет эта повесть,
Языком бессловесных речет эта повесть.

А постигнувший суть да не скажет ни звука:
От греха пустословья — одна только мука.

3215 За слова эти каюсь я, боже, вполне,
Если ж что не сказал — ты прибежище мне.

Не в моей голове сих рассказов основа,
Я про тайны Аттара слагал это слово.

Не позволь эту речь заглушить моим бедам,
Присмотрись-ка, за кем направлялся я следом.

В чем оплошен я был, то — ему не в упрек,
Каждый лист его полон достойнейших строк.

Если в речи грешил я повадкой неспорой,
Речь наставника сделай мне твердой опорой.

3220 Говорил о тебе я ему в подражанье, —
Грех прости мне, приемли мое покаянье!

ПРИТЧА

Жил безумец один, одержимый любовью,
Изнемогший от муки, даримой любовью.

Та, кого он любил, была сущей бедою,
Людам смертные муки несущей бедою.

Краше гурий красой неземною она,
Превзошла даже солнце с луною она.

Всей вселенной краса ее смутой грозила,
Всем пределам погибелью лютой грозила.

3225 И при этой красе, несравнимо прелестной,
Были два ее свойства всем людям известны.

Отличалась суждением здравым она,
Отличалась безжалостным нравом она.

Как-то раз сей безумец, любовью томимый,
Предаваясь мечтам, говорил о любимой.

Лик он с розой сравнил, кипарис — с ее станом,
Дивный облик — с павлином, а поступь — с фазаном.

Вдруг нежданно пришла эта дева-луна,
Все те речи безумца слыхала она.

3230 Все слыхала она, притаившись украдкой,
А потом к нему вышла степенно, с повадкой.

И сказала: «Твои незавидны сравненья,
Бесконечно такие мне стыдны сравненья!

Ты вот стан мой сейчас с кипарисом сравнил, —
Разве есть в кипарисе подвижность и пыл?

Ты лицо мое с розой сравнил в этом слове,
Но у роз разве есть чудо-очи и брови?

Ты с павлином сравнил меня, лжи не отринув,
Но скажи: кто же разум терял от павлинов?

3235 Ты вот поступь фазана равняешь с моей!
Да когда же фазан был бедой для людей?»

Столько колкостей дева сказала при этом,
Что несчастный поник, затруднившись ответом.

Он сказал: «Оплошал я, горю я во сраме,
Грешный раб, я хвалить тебя вздумал словами!»

Гнев выиграл в луноликой в тот миг на беду:
«Да тебя я погибелью злой изведу!»

Пал на землю с мольбою безумец несчастный:
«О затмившая гурий красою прекрасной!

3240 Все слова мои вызваны истой любовью,
Самым искренним чувством и чистой любовью.

В ней ни умысла злого, ни жалобы нет, —
Ничего, что укор выражало бы, нет.

Знать, моя похвала — неуместное слово,
Будь добра, не взыщи за провинность сурово.

Посчитай, что ты слышала слово невежды,
Что все это лишь бред пустослова-невежды.

Посрамленье и стыд горемыку убьют,
А тебе убивать его — бремя и труд!»

3245 И безумец исторг покаяний немало,
И красotka карать его смертью на стала.

ПРИТЧА

Раз ходжа Абдулла Ансари досточтимый
Наставлял на стезе, благом истин хранимой:

«Кто поет и играет на сазе при этом
И слагает напевы по вольным приметам,

Но в напевах его мысль о боге жива,
Знай, о муж истой веры, сих песен слова

Много лучше, чем пенье небрежным укладом
И тверженье корана заученным ладом.

3250 Если есть в этом пении смысл сокровенный,
Это лучше огрехов в молитве смиренной!»

38

**МОЛЬБА О ПРОЩЕНИИ СВОИХ ПРЕГРЕШЕНИЙ
И ПРОСЬБА О ВСЕПРОЩЕНИИ ГРЕХОВ**

О творец, всем небывшим дар жизни пославший,
Милосердием суть бытия даровавший!

Нет предела и края господним щедротам,
Благ, свершенных тобою, не выразить счетом.

Все, что я бы тебе в похвалу ни сказал,
Как ни тщился б, а мало и втуне сказал.

Что там я, если столько мужей благоверья
Много лет в похвалу твою двигали перья,

3255 И старались воздать справедливость вначале,
И в конце концов немощь свою признавали!

Если ж духом смятенья Фани одержим,
Здесь вознес похвалу совершенствам твоим,

Осени его грех милосердною сенью
И оплошные строки предай истребленью!

Мне довольно и чести писать это слово, —
О тебе я писал и не ведал иного!

Пел я много ли, мало — а все про тебя,
Быль ли, небыль звучала — а все про тебя!

3260 Сколько тайн мне предстало твоих без покрова, —
Я о них птичьей речью слагал это слово.*

И теперь, птичьей речью взывая с мольбою,
Как подбитая птица, я слаб пред тобою.

Это все — от того, что у птиц всех пород
Песнь различна и общий напев не ведет.

В соловьином ладу много тысяч различий,
У ворон — беспредельно различие кличей.

Птичья песнь не всегда благодатна бывает,
Не всегда птичье пенье приятно бывает.

3265 Я по птичьим напевам слагал свою речь, —
В общей песне единственный лад не сберечь!

Попугай и скворец — оба славятся речью,
Но различия свойственны их красноречью.

Зазвучал их рассказ — и различие выдал:
Схож один с божеством, а другой — словно идол.

В этом — святость, а тот — отрицаньем влеком,
Светоч веры — в одном, тьма безверья — в другом.

До безверья и веры Фани что за дело?
Все, что он говорил, о тебе лишь радело.

3270 Будь его прегрешеньям заслоном-защитой
Вплоть до чаши, в пиру отрешенья испитой.

А судил ты ему отрешенья глоток,
Дай ему ты и вечность — блаженства залог!

**ВОСХВАЛЕНИЕ ШЕЙХА И ПОВЕСТВОВАНИЕ
О СВОЕЙ ПОКОРНОСТИ ЕМУ ***

Вот, Фани, заложил ты строенье на диво
И поведал про птичьи реченья на диво.

Но пророк Сулейман первый понял дорогу,
Что ведет к птичьей речи и птичьему слогу.

От него перенявший ту мудрость Асаф
Никому не вручил сей потайный устав.*

3275 И от них то уменье другим не досталось,
Не досталось — не знали и самую малость!

Долго — тысячи лет небосвод быстроходный
Круг за кругом стезею свершал очередной,

И прекрасная птица явила свой лик,
Скор полет ее, скоры и ум и язык.

То — предвечная птица над Кафом парила,
Ей всептичий язык отрешенье открыло.*

То — вершина величия, столп совершенства,
Светоч истины, в сердце зажегший главенство,

3280 Дух, провидящий в истине благодный свет,
Мудрецам даровавший великий завет.

Это чудо мужей постиженья недаром
На торгах просвещения звали Аттаром.

И когда он запел в кущах сада земного,
В поучение птицам звучало то слово.

В птичьей речи он славен был знаньем таким,
Что Асаф с Сулейманом померкнут пред ним.

Хоть и знали они птичьи речи на деле,
Но другим передать этих благ не сумели.

- 3285 А когда бог ему дар реченья поведал,
«Речи птиц» миру он в откровенье поведал.
Сих речений язык до конца он постиг,
Изложение таинств творца он постиг.
И, реченья творя до конца от начала,
Он сокровищ бесценных рассыпал немало.
Он карманы времен понабил жемчугами,
Люди века его наслаждались плодами.
Был дарован сокровищем тем талисман,
Даже каждому нищему жемчуг был дан.
- 3290 Словно солнце узор его, не было краше,
Как Джемшид, извлекал он напевы из чаши.*
Каждый жаждущий пил тот нектар то и дело,
И от сладости речь его словно немела.
Птичьей речью слова научил он слагать, —
С попугаем сравнялись простые и знать.
Люди речи персидской словам его вняли
И постигли слова в их сокрытом начале.
Только люди из тюркского рода простого,
У которых понятливость очень толкова,
- 3295 Пребывали лишенными всех этих благ,
Сути птичьих речей не внимая никак.*
Птицы ведомы всюду, где род человеческий,
Но открыты не всем тайны птичьих наречий.
Я же в лавках Аттара смиренным обетом
Брал и сласти и сахар зимою и летом.*
В этих лавках я был попугаю под стать:
Мне дано было сахар легко разгрызать.
Птичьей речью ко мне обращался он с зовом,
Отвечал я ему попугаевым словом.

- 3300 В мое сердце с высот всеблагого предела
Птица духа его пресвятого слетела.
- Научил он вникать в птичьи речи меня,
Сделал он знатоком тех наречий меня.
- И когда в тех наречьях стал сведущ мой разум,
Тюркской речью повел я рассказ за рассказом.*
- Пел я песни по-тюркски — напевом певучим,
Опьяняясь, как птица, своим же созвучьем.
- Не простою я птицею пел — соловьем,
Сотни стонов неслись в каждом ладе моем.
- 3305 Пел я песни, стаяя от страсти по розе,
И стонал я, рыдая от страсти по розе.
- Я — такой соловей, что среди тысяч рыданий
Пел дастан, преисполненный звучных стенаний.
- Оглашал я пьянящею песней цветник,
И напев мой такого звучанья достиг,
- Что ему даже птицы, кричащие прытко,
Не содеят ни стоном, ни криком убытка.
- Духом шейха дана мне подмога-награда —
Соловьиный напев неизбывного лада.*
- 3310 Кто такое сравнение примет в расчет,
С птицей Кикнус он сходство большое найдет.*

ПРИСЛОВИЕ

Птица Кикнус была необычная птица,
В Индустане привыкшая жить и гнездиться.

И сложеньем могуча, и внешности редкой,
Отличалась она пестроперой расцветкой.

Клюв такой, что не сыщешь чудней, у нее,
И на нем много щелок-щелей у нее.

Песнь ее — для души и для сердца улада,
В каждой щели напевы — особого лада.

3315 Как из этих щелей понесутся стенанья —
Сразу внемлющий им упадет без сознания.

Ей четы среди птиц всех пород не найти,
В птичьих стаях подобных красот не найти.

Ей меж зарослей леса привычно гнездиться,
И она на деревьях обычно гнездится.

Как-то раз Фисагурс брел там, словно прохожий,
И достиг его слуха звук песни пригожей.*

И, познав сей богатый напевами звук,
Основал он закон мусикийских наук.*

3320 Долог был ее век в тех лесах запропащих,
Жизнь вела она, хворост ища в этих чашах.

И вот этой добычей — сухой ли, сырою —
Она строила сноп — превеликой горою.

И в конце своей жизни в жилище своем,
Под разросшимся в долгие годы снопом

Птица песню слагала — красиво, напевом,
И тоскливым и чудным на диво напевом.

Пела так, что и птицы и звери из чащи
Собирались, слышав тот голос щемящий.

3325 И для слушавших песня была так горька,
Что сражала их насмерть кручина-тоска.

А когда затихали печальные звуки,
Запевала она стоном огненной муки.

И тянуло к снопу язычищи то пламя,
И сжигало гнездо и жилище то пламя.

Жаркий стяг вился к небу, горяч и высок,
Словно молния с высей ударила в стог.

Вместе с прутьями птица сгорала в том жаре,
Превращалась она в груды огненной гари.

3330 Ветви, тело той птицы в золу превратились,
Стали грудой частиц и в золу превратились.

Груды пепла с горой были схожи на вид,
А под ними был маленький птенчик сокрыт!

Пепел вдруг всколыхнулся, и птенчик тот вылез,
И тотчас его крылья красой засветились.

И мгновенно, над лесом испарив без заминки,
Полетел он и начал собирать хворостинки.

Он собирал их, других и не ведая дел,
И при этом пленительным голосом пел.

3335 А когда его срок подступился скончаньем,
Все свершил он в подобье отцовским деяньям.

Та вот, первая, птица на шейха похожа,
Он провел весь свой век в песнопениях тоже.

Много песен слагал он, так сладко их пев,
Что и птиц и зверей привлекал тот напев.

И губило всех слушавших пламенным стоном,
И певец сам сгорел — стал до пепла спаленным.

А в птенце, что, как уголь, из пепла явился,
Саламандрой, что в жаре окрепла, явился, —

3340 Все, что было той птице и в славу и в честь,
В нем за нею вослед проявилось, как есть.

Все, что смог он собрать своим песням в угоду,
Он, когда его жизнь подступила к исходу,

В песнь вложил — о мирском цветнике и о птицах,
Да не только о них — о зверях разнолицых.

Он своими устами сто песен пропел —
Все о тайнах господних свершений и дел.

И его опалило благое то пламя,
И его и внимавших сожгло это пламя.

3345 Нет! Не смел бы такому отцу быть я сыном:
Я рабом был, он — шахом, привычным к вершинам!

Жарким вздохом он первый то пламя зажег,
Он весь мир опалить этим пламенем мог!

После шейха никто награжден не был даром
Жечь, как я, всю вселенную пламенем ярим.

Птичьей речью я жег — вся вселенная слеpla,
Я познал, как себя и других жечь до пепла!

Все, что жизнь увидала в свершеньях отца,
Было роком дано мне понять до конца.

3350 И людей и себя жег я словом палящим —
Птичьей речью, души моей зовом палящим.

И хотелось бы мне, чтобы бренное слово
Вечно всех опалало бы — снова и снова!

40

МОЛЬБА ОБ ОДОЛЕНИИ ПУТИ ИСКАНИЙ

О взыскуемый всею природою сущей,
Всех влекомых к любви своей сутью влекущий!

В двух мирах ты — созданьями всеми искомый,
Не стремишься к тебе лишь пороком влекомый.

Вне тебя даже сонмищу ангельских свит
Путь исканий пребудет навеки закрыт.

3355 Вне тебя и стремление к райским утехам
В постижении истины будет огрехом.

Сделай так, чтобы дух мой, тобою влекомый,
Одолел бы все муки любовной истомой.

Ты мне сладость исканий в отраду пошли,
И свершенье желаний в награду пошли!

Все, что чуждо тебе, изыми из души мне,
О тебе об одном в сердце память впиши мне!

ПРИСЛОВИЕ

Брел к Каабе мюрид, как и должно мюридам,
И в Бистаме замечен он был Баязидом.

3360 И беседую с шейхом он был удостоен,
И к Каабе пошел он, душой успокоен.

И когда посетил он взыскуемый дол,
Возвращаясь, он снова к Бистаму пришел.

И явил этот праведник шейху смиренность,
И муршид его принял к себе в услуженье.

«Слушай, путник, — муршид обратил к нему слово, —
Ты искал единенья у дола святого.

Что — обитель господня, каков ее вид?»
И когда произнес эти речи муршид,

3365 Тот сказал: «Дом, что видел я, статью высокий,
Только нет в нем хозяина, дом — одинокий!»

И ответил паломнику шейх достославный:
«Во взыском сути не понял ты главной!»

Был владелец чертога с тобою в пути,
Без него ты и шага не смог бы пройти!

Вел тебя он к обители той благодатной,
Он же вывел тебя и на путь твой обратный.

Нет в тебе разумения этого блага, —
Хоть искал ты, а был нерадивым, бедняга!»

3370 Просвети в сих исканьях, о боже, меня,
Охрани от неведенья строже меня!

Кто мне спутником будет в моем устремленье —
Дай о нем мне понятие, пошли разуменье!

41

МОЛЬБА ОБ ОДОЛЕНИИ ПУТИ ЛЮБВИ

О творец, ты любовью сердца освещаешь,
Терны муки во цвет багреца превращаешь.

Свет даруешь любовью ты солнцу с луною,
Чтоб сиять им и днем и порою ночью.

Жаром молний любви дал ты душам огонь, —
Всем, кто счастлив, кто бедствием рушим, — огонь!

³³⁷⁵ Свет любви твоей впору лишь звездным сияньям,
В сокровенном ты блещешь жемчужным сверканьем.

Ты душе моей свет дай звездою блестящей,
В сердце светоч вложи, словно жемчуг, светящий.

Винной влагой любви сердце мне опьяни,
В поклоненье вину да пройдут его дни!

Дар беспамятства в том опьяненье пошли мне,
А расстанусь с умом — единенье пошли мне!

ПРИСЛОВИЕ

Так случилось, что Кайса любовь истомила,
И в любви его разум безумьем сразило.*

³³⁸⁰ Он любовью к Лейли воспылал вдохновенной,
Будто ей поклонялся он в вере смиренной.

И безумца совсем поглотила любовь,
Разжигала огонь его пыла любовь.

«Как зовут тебя, — кто-то спросил, — горемыка?»
Он ответил: «Лейли!» Тот сказал: «Докажи-ка!»

И сказал он: «Лейли — моя суть и отрада,
И других доказательств, наверно, не надо.

Ты — в сомненье, а я это с верой сказал!»
Да, такой вот любви — сотни тысяч похвал!

3385 Жаром жгучей любви опали мою душу,
Единеньем в любви надели мою душу.

Поглощенность любовью да сделай мне долей, —
Да спастись мне навек от тенет своеволий!

И Фани той любовью ты в небыль развей,
Воскреси его к жизни любовью своей!

42

МОЛЬБА ОБ ОДОЛЕНИИ ПУТИ ПОЗНАНИЯ

О создавший людей — кладезь ценный познанья,
Ты велел их сердцам быть вселенной познанья.

И кому ты познанье уделом назначил,
Звать того мужем мудрым и смелым назначил.

3390 Но и тем, кто в познанье прославиться смог,
Ты различную участь и долю предрек.

Каждый путник свой путь по уменью свершает,
К сути в меру ума приближенье свершает.

Ты дорог без числа сотворил в сей пустыне,
Да и путникам счета там нет и в помине.

Осветил ты познанием путь им вперед:
Кто пойдет по нему, тот тебя обретет.

Ты скитальцу Фани дай пройти той дорогой,
Единенье пошли его доле убогой!

ПРИСЛОВИЕ

3395 Некий путник предстал перед шахом державным.
Шах скитальца узрел на пути его славном

И сказал: «Ты присядь, отдохни здесь свободно,
Хочешь — сделаю, что тебе будет угодно?»

Тот ответил: «С тех пор, как я господу чту,
Лишь от чуждого богу я знал маету.

Что в обители бренности вверено нуждам —
Ко всему да пребуду глухим я и чуждым.

Все, что нужно, даруется только от бога,
Всей потребе твоей только он и подмога!»

3400 О творец, все, что праведник в сердце имел, —
И Фани дай такое познание в удел.

От неведенья к сути направь его дланью,
Да откроются сам он и ты его знанью!

43

МОЛЬБА ОБ ОДОЛЕНИИ ПУТИ БЕЗРАЗЛИЧИЯ

Ты — в чертоге, что ста небосводов просторней,
Выше тысяч Сатурнов в обители горней!

Пред тобой все ничтожество — звезды ли, небо ль,
Вся их суть пред тобой превращается в небыль!

Погуби всю вселенную, прахом развей —
Не убудет ни на волос в сути твоей.

3405 Что за чудо такого величья приметы?

О аллах, это все — безразличья приметы!

Муравей или лев пред твоей благодатью —
В были, в небыли — все одинаковы статью.

Я — не лев, я — ничтожный, хромой муравей,
Но и он посрамлен будет хворью моей!

Безразличие к соблазну мне сделай заслоном,
Отврати от сует и внемли моим стонам!

ПРИСЛОВИЕ

Вот построил Намруд огневое горнило,
Чтобы пламенным жаром спалить в нем Халила.

3410 Горы дров нанесли той печи на потребу,
Запалили, и пламя взвилось прямо к небу.

И повергли Халила в пылавшую печь,
Чтоб любимца господня во пламени сжечь.

Бог велел в тот же миг подоспеть Джебраилу,
«О Халил! — он сказал, подошедши к горнилу, —

Отвечай мне — какой бы отрады желал ты,
В дар и в милость какой бы награды желал ты?

Что ни скажешь, — я слово даю, — совершу,
Пожелаешь — я прихоть твою совершу!»

3415 Тот ответил: «Кто пламя назначил мне в долю,
Он нужду мою ведает, знает и волю.

В этот миг у меня нет такого желанья,
Что бы стал я просить у тебя в воздаянье!»

О творец, будь же помыслом всех моих дел,
Безразличье к суетам даруй мне в удел!

44

МОЛЬБА ОБ ОДОЛЕНИИ ПУТИ СМЯТЕНИЯ

Перед сутью твоею в смятении, разум
В дол скитаний отторгнут смятенным наказом.

Все, что чуждо тебе, смятено пред тобою,
И всему изумленье дано пред тобою.

3420 Никнет разум, смятенный твоим существом, —
Каждой сутью, вмещенной твоим существом.

Паутинка — и та в сотворенной вселенной —
Словно петля, губящая разум смятенный.

Ум мужей многомудрых пред чудом творенья,
Перед всем в этом мире исполнен смятенья.

Дай мне руку у этой смятенной межи,
Среди троп изумленья мне путь укажи.

Не отринь меня странником в дол изумленья,
Увлеки за собою в чертог единенья!

ПРИСЛОВИЕ

3425 Жил один горемыка в печали глубокой,
И пленен был любовью он к деве жестокой.

Сколько он ни горел жаром скорбного пыла,
А блаженства и счастья судьба не сулила.

Обессилен печалью разлуки он был,
И, в мечтах разuverившись, в муке он был.

И когда в нем печаль возросла без предела,
Поразила жестокая хворь его тело.

Его сердце не чаяло счастья с любимой,
Душу жег ему горем огонь негасимый.

3430 И сказал он: «Творец, я лелею мечту,
Чтобы мой кипарис, чтобы гурию ту

Здесь, в моем изголовье, увидеть бы снова
И сказать болью сердца ей только два слова!»

И друзья, снизойдя к его муке жестокой,
Осудили бездушные злюки жестокой.

И ее проводили к страдальцу тому,
Словно жизнь и надежду вернули ему.

И красотка к нему подступила сурово,
И больному такое промолвила слово:

3435 Говори, мол, что в сердце твоём, да короче!
И вперил в её лик он смятенные очи,
И в смятении речь онемела его,
И совсем обессилело тело его.
И в смятенье утратил и ум он и разум,
И твердивший про горе безмолвен стал разом.
А очнулся он — видит: уж нету подруги,
И совсем извели его тело недуги.
И, смятен и безмолвен, несчастный больной
Поручил свою душу юдоли иной.

45

МОЛЬБА ОБ ОДОЛЕНИИ ПУТИ ЕДИНЕНИЯ

3440 Суть твоя в непорочном единстве блаженна,
Речь мужей единенья об этом — священна.
Всем, кому ты в судьбу единенье назначил,
Им ты благостный рок отрешенья назначил.
И кого ты из пут своелюбия спас,
Тем закон единенья нарек ты в наказ.
А кого отрешил ты от благ единенья,
Тем безверье судил ты и мрак помраченья.
И кому к единению путь указал ты,
Уберег их от зла ты, им суть указал ты.
3445 Ты от уз своелюбья меня огради,
К единенью с тобой, о творец, приведи!
Не оставь своелюбья во мне даже малость,
Чтоб преград к единенью с тобой не осталось!

ПРИСЛОВИЕ

Шах Махмуд, страстью мучимый темною ночью,
Не стерпел — что Аяз, мол, — взгляну-ка воочью.*

Тот не спал, но глаза его были прикрыты,
Он лежал, будто вправду дремотой повитый,

С края ложа пристроив тюфяк в головах,
Возлежал он, когда подошел к нему шах.

3450 Шах смотрел на него, красотою влекомый,
И старался он справиться с жаркой истомой.

Но смотрел он, и страсть в нем сильней разгоралась,
И любовь его жаром огней разгоралась.

Он к ногам луноликого тут же прилег
И со страстью смотрел на ступни его ног.

И к ногам его шах прикоснулся ладонью —
Тот не двинулся, будто не слышал спросонья.

Шах подумал: «Не спит он, я сна не нарушу», —
И сказал он: «О сжегший печалью мне душу!

3455 Ты ведь понял, сколь жгуч мой мучительный пыл, —
Почему же таким ты безжалостным был?

Ты не вздрогнул, не сел и не скинул покрова,
Благосклонность явил, но не молвил ни слова».

И сказал розоликий: «О шах мой, помилуй,
Разве был во мне след моей сути — хоть хилый?

Кто дает разрешение, в том есть его суть,
А в меня в этот миг был заказан ей путь.

Шах был сущим, но не было сути Аяза,
От влекомого, немощный, ждал я наказа.

3460 Кем порыв к единенью владеет столь рьяно,
 Для того нет Аяза вне сути султана!
 Кто закон единенья познал навсегда,
 «Я» и «ты» — этих суетей в нем нет и следа!»*

46

МОЛЬБА ОБ ОДОЛЕНИИ ПУТИ ОТРЕШЕНИЯ

О мужам отрешенья явленный зиждитель!
 Единеньем ты ввел их в благую обитель,
 Ибо вечность обрести — то дано от тебя им,
 Им удел отрешенья тобой посылаем.
 Кто себя, свою суть в отрешенье не вверг,
 Для того самый смысл отрешенья померк.
 3465 И тогда им не жаждать вовек единенья —
 Нет в таком отрешении в вечность стремленья.
 Дай, господь, отрешенье Фани в воздаянье,
 Чтобы вечности клад он обрел в достоянье!
 Ты в себе уничтожь его бренную суть,
 Чтобы, сгнув, обрел он нетленную суть.*
 В этой найденной сути ему — завершенье,
 Тут и дело с концом: здесь — с тобой единенье!

ПРИСЛОВИЕ

Некий доблестный муж перед богом молился,
 Тих и благ, он в смиренье убогом молился.
 3470 «Твоей сути, о боже, лишь вечность пристала,
 Бренной небыли в сути твоей не бывало!
 К твоей сути незыблема поступь моя, —
 Удостой меня участи небытия,

Чтобы в ней и следа бытия не бывало
И единая цель единенья сияла!

Пусть не ищут меня в этом бренном приюте,
Да узрят меня вечно немеркнувшей суги.

«Я» и «ты» там исчезнут, себя не храня, —
Да пребудешь там ты, да не станет меня!

3475 «Я» и «ты» да хранимы единою сенью,
Да пребуду в тебе я, придя к единенью!

47

**О ПРИБЛИЖЕНИИ СВОИХ ПОМЫСЛОВ
К СОЗДАНИЮ ЭТОЙ КНИГИ**

Так приходит на память мне быль моей доли —
Времена малолетства, учение в школе.

Заморенные дети с измученным взглядом
Там твердили уроки заученным ладом.

Их совсем изнуряли и тяжкий урок
И тверженье Корана заученных строк.

И учитель, желая проверить их навык,
Заставлял их стихи повторять без поправок.

3480 Там читали и прозу и строки дастана,
Тот начнет «Гулистан», этот — притчи «Бустана».*

А во мне страсть жила — всех желаний сильней:
«Речи птиц» были милы природе моей.*

Было впрок моей детской душе повторенье,
И познал я пленительность этого чтенья.

И душа моя с теми речами дружила,
И к другим сочиненьям не ведала пыла.

Те рассказы читать стал обычай мне люб,
Был таинственный строй речи птичьей мне люб.

3485 Было этим словам существо мое радо,
И хотел я постичь, в чем их смысл и отрада.

И росла та услада во мне без предела,
А сказать о ней — речь моя словно немела.

И приспела на помощь ко мне благодать,
И пленила все думы мои та тетрадь.

Я чуждался людей, моим тихим досугам
Стала книга единственным преданным другом.

И беседы людской выраженья и звуки
Моему существу были горестней муки.

3490 Одолела любовью та сила меня,
Эта страсть до конца поглотила меня.

И сказал я: «Открыть бы мне дверь отрешенья
И бежать от людей, что чужды разуменья!»

Крик пошел меж детей, и встревожились все там,
И родители тоже узнали об этом.

Страх объял их: «Невежда, влекомый к беспутью!
Все слова — что огонь, только сыр еще сутью!»

Как бы хвори безумия с ним не случилось!
Вдруг судьба отведет от него свою милость!»

3495 И той книги меня без пощады лишили,
Мое сердце любимой услады лишили.

«Речи птиц» запретили мне знать с этих пор,
И запрещен был даже о них разговор.

И минула времен многодневная свита,
И пристрастье мое уже было забыто.

Но хранилась тех слов в моей памяти тайна,
И без устали я повторял их по́тайно.

Я не мог речь иную постичь и слова,
Другом сердца мне были лишь птичьи слова.

- 3500 Знамя тюркских стихов я подъял над собою,
Повеленьем страну покорил я без боя!*
- Пять сокровищ бесценных, диванов — четыре
Довелось мне безбедно создать в этом мире.*
- Если стал бы писать мои строки писец,
Он сто тысяч двестиший бы счел под конец.
- И стихи создавал я, и создал немало,
Но мечта неотступно меня занимала:
- Дал бы бог сей заветной тетради подмогу,
Чтобы к ней пересказ мне создать понемногу.*
- 3505 Но слова были трудны, я немощен был,
И перу не умел я дать скорость и пыл.
- И увидел я вдруг: жизнь бежит миг от мига,
Я умру, и не будет написана книга.
- И заветную мысль в мир иной унесу я,
И развеется жар моих помыслов всеу.
- Этих помыслов пыл я всем сердцем берег,
Но свершению их свой назначен был срок.
- И когда мне уже шестьдесят подступало,
Птичьей речи пером положил я начало.*
- 3510 К духу шейха припал я с мольбой о подмоге,
И, услышав, он внял просьбе той о подмоге.*
- Он в ночных моих бденьях был другом моим,
Вдохновения пыл мне дарован был им.
- Бег пера направлял я в ночи, средь затиший,
В ночь слагал пятьдесят или сорок двестиший.
- А когда не писал — я не ведал покоя,
Но не собственной волею двигал перо я.
- Духом шейха была мне подмога дана,
В малый срок все сумел завершить я сполна.

3515 Но слова были трудны, а смысла в них мало,
И укорами совесть меня изнуряла.

И от шейха мне помощь благая приспела:
Бесталанный, свершил я желанное дело!

Так искатель жемчужин средь мук и невзгод,
Дружен с морем, в бездонных глубинах плывет.*

Если жемчуг добыть и не будет удачи,
Он хоть прутьев добудет — в них нет недостачи.

А подсушит их — глядь, и дровишек добудет, —
Все — хоть свет, если жара да дыма не будет!

3520 Не пришлось мне в том море жемчужин достать,
Только прутьев добыл я — и то благодать!

Что ж поделать — то было мне данною долей,
Я в недоле спознался с желанною долей!

Людам мира ведь дал сам поэт достославный
Блага недр и морей своей волей державной.*

Сделать больше него — мне совсем не под стать, —
Мне довольно и щедрость его описать!

И хотелось бы мне, чтобы в сердце любого
Жарким пламенем вспыхнуло каждое слово.

3525 Да прозрит он дыхание шейха в том ладе,
Да найдет он свершенье желанной усладе!

А придется ему и меня помянуть —
Пусть не ищет в едином двоякую суть! *

ПРИСЛОВИЕ

Некто ищущий истину сердцу в отраду,
Бремя тягот неся, тихо плелся по граду.

Видит — в узком проулке стена обвалилась
И столпился народ — разузнать, что случилось.

Раньше был в этой улице людям проход,
Где ходить, о творец, станет ныне народ?

3530 Кто построит с надежной основою стену,
Чья забота построить здесь новую стену?

И в проулке народу собралось так много,
Что совсем загорожена стала дорога.

И когда суматоха пошла меж зевак,
К той толпе подошел сей взыскующий благ.

И увидел он это, и впал в иступленье,
Стал кричать и стенать он, свершая раденье.

И народ удивлялся, что этот несчастный
Не ко времени волю дал пылкости страстной.

3535 И спросили тогда о деяниях сих
У скитальца степи упований благих.

И сказал он: «Узрев это сборище ныне,
Я не ведал еще ничего о причине.

Но сюда подойдя, — мол, куда себя дену, —
Я увидел вот эту упавшую стену.

Я и раньше бывал здесь и видел как есть,
Что стена уж давно собиралась осесть.

Вот ведь благо какое даровано стенам —
Взять да рухнуть в согласии с избранным креном!

3540 Я же гибну в терзанье своем непрестанном
И от блага далек, разлученный с желанным.

Вот явила лишь признак желанья стена,
И в недоле с желанным спозналась она!

Это значит — творец, мне мечту ниспославший,
Да сведет меня с целью, желанною ставшей.

Если я сокровенную думу лелею,
Да пошлет мне творец единение с нею.

Даст мне друг мой желанный свою благодать,
Чтобы смог я благим и безропотным стать!»*

48

**ОПРАВДАНИЕ ЗАМЕНЫ
СВОЕГО ТАХАЛЛУСА ДЛЯ ЭТОЙ КНИГИ ***

3545 С малых лет уготовано было мне роком
Устремляться к стихам в помышление высоком.

И сложенью стихов положил я начало,
И напевность их тюркскую речью звучала.

Если ж дело творят, уж положено так:
У создавшего что-либо должен быть знак.

Это — подпись его, доказательство права,
Будет это печать ли, клеймо ли, протрава.

Строй стихов, что начертан с искусством и вкусом,
Завершается знаком творца — тахаллусом.

3550 И отмечены знаком такой же четы
У властителей тайн их творений листы.

Так и шейх Саади с Низами узнаются,
Так Хосров Дехлеви и Джамии узнаются.*

Стал по-тюркски писать я строку за строкою,
Создавая стихи и душой и рукою.

Как из облака, сыпались перлы мои,
И стихам моим послан был знак «Навои».*

Стали явью мечты мои в кущах вселенной,
И внимавшим звучал их напев вдохновенный.

3555 Но стремил я перо и к персидскому слову,
И различным стихам дал и строй и основу.*

Многих помыслов благо прияли они,
И была им дарована мета «Фани».

А когда «Язык птиц» себе принял в удел я,
И с чудесными птицами вместе взлетел я,

Здесь уместнее было б, в согласье с их пеньем,
Дать припев «Навои» сим напевным твореньям.*

Птичьим песням сродни был мой грустный запев, —
Так поют они, песнею грустной запев.

3560 Тюркский строй был основой повести этой,
И тавро «Навои» быть должно бы ей метой.*

Но да ведает внемлющий смысл и основу,
Почему знак «Фани» дал я этому слову.

Главный помысел книги — исток и возврат,
Устремленье к благому началу назад.

Здесь конца не достигнешь, не став отрешенным,*
Потому — знак «Фани» на труде завершеном.

Да к тому же и шейх, в помышленьях высокий,
Птичьей речью в тетрадь занося свои строки,

3565 Дальним странствиям птичьим почин положил,
Миновать им семь трудных долин положил.

И, велев претерпеть им печаль и лишенья,
Им назначил пристанищем дол Отрешенья.

Меж собой обе эти причины согласны
И равно к существу тахаллуса причастны.

Я «Фани» тахаллусом и знаком избрал,
И на том основанье двояком избрал.

Кто, причину пытая, расспросит об этом,
Эта речь ему будет надежным ответом.

3570 Но никто не свершил бы подобного дела,
Кабы время спокойствием не порадело.

Но покоя вовеки не жди от времен,
Если шах справедливостью не умудрен.

**МОЛИТВА О ПОВЕЛИТЕЛЕ СТЕЗИ ИСЛАМА
И О МИЛОСТИ К НЕМУ ***

Кто спокойствию мира радел с прилежаньем,
Благодарен народ его щедрым даяньям.

Да восславится мощь его благоговейно —
Повелителя мира Султана Хусейна!*

Сколько я для него ни сложил бы похвал,
Сколько б славы щедротам его ни воздал, —

3575 Сотни тысяч мне равных в писанье собратий
И за тысячу лет рукописных занятий

Не сказали о нем бы и тысячной доли,
Да куда там — стотысячной части, — не боле!

Лучше я не хвалу, а молитву сложу,
Птичьей речью про все остальное скажу.

Дабы в кущах времен птица счастья парила,
Чья одна только сень — благодатная сила.*

Пусть в высотах правленья ей будет дорога,
Пусть гнездом ее станут высоты чертога.

3580 И да будет чертог ее славой храним,
А она — словно сень благодати над ним.

Сотням стай в цветниках ее благоправленья
Да не знать от каменьев беды сокрушенья!

Да пребудет и власть ее вечные лета,
Да приемлют ту власть все создания света!

Да падут перед силою сонмы врагов,
А народам да будут и милость и кров!

**РАССКАЗ О ВРЕМЕНИ СОЗДАНИЯ ЭТИХ СТИХОВ,
МОЛЬБА И ПРОСЬБА О ПРОЩЕНИИ**

В одиночестве, острым пером изготоясь,
Стал писать я вот эту чудесную повесть.

3585 С той поры, как из Мекки глава всех пророков
На Медину пошел, — вот от сих самых сроков,*

Как в людские сердца пал сей огненный свет,
Девятьсот да четыре исполнилось лет.*

В этот год я и начал вот это свершенье,
Тот же год был и сроком его завершенья.

Две луны миновало от срока начатья,
Как реченное выше затеял писать я.*

Каждой ночью, покинув все тяготы дел,
В меру сил я о повести этой радел.

3590 И пришло завершение мало-помалу,
А конец — это знак возвращенья к началу.*

О творец! Ты красу, чей удел — восхищенье,
И с которой ты мне даровал единенье,

Сделай вечно любезной для взоров людей,
Обрати к ней и сердце и норы людей!

И хотя много тайн в ее смысле невнятном,
Сделай птичий язык ее людям понятным.

Кто найдет в ней исход заповедным стремленьям,
Дай тому и Фани не обидеть моленьем.

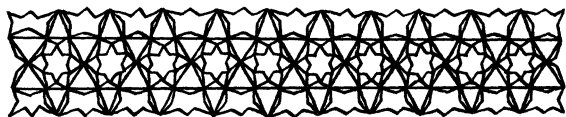
3595 И да примешь молитву его ты всегда,
Пусть за нас за двоих в нем не будет стыда!*

Если мне избежать не случилось огреха,
А в пере моем были изъян иль помеха,
Будь, творец, милосерд — да пошлешь мне прощенье,
А в созданье моем уничтожь — мне в прощенье —
Все мои прегрешенья в словах и делах, —
Да помилует нас всемогущий аллах!

ПРИЛОЖЕНИЯ

А. Н. Малехова

ПОЭМА АЛИШЕРА НАВОИ «ЯЗЫК ПТИЦ»

Творчество великого узбекского поэта Алишера Навои (1441—1501) — яркая страница в истории узбекской литературы, одной из богатейших литератур тюркоязычного мира. Он явился основоположником классической узбекской поэзии и узбекского литературного языка. В условиях безграничного господства и непререкаемого авторитета великой персидско-таджикской литературы и языка фарси, на котором создавалась эта литература, — господства, распространявшегося и на территории с тюркоязычным населением, Алишер Навои осознал и обосновал права своего родного языка, называвшегося в его время тюрки, на создание собственной поэзии. Начав литературную деятельность стихами на языке фарси, Навои в дальнейшем впервые в истории тюркоязычных литератур создал на родном языке цикл из пяти поэм — «Пятерицу» на традиционные сюжеты о Лейли и Меджнуне, Фархаде и Ширин и др. (1483—1485), продолжив великие традиции этого жанра в персидско-таджикской литературе, заложенные «Пятерицами» Низами (1141—1209) и Эмира Хосрова Дехлеви (1253—1325). В конце жизни Навои напи-

сал и теоретический трактат «Спор двух языков», в котором показал богатства родного языка, не уступающие высоким достоинствам языка фарси.

К творческому подвигу своей жизни Навои готовился с самых ранних лет. Еще в детстве он горячо увлекся поэмой выдающегося персидско-таджикского поэта суфийского направления Фарид-ад-дина Аттара (род. ок. 1119 — год смерти неизв.) «Беседы птиц» (другой перевод — «Речи птиц») и уже тогда задумал создать на родном языке подражание этой поэме. Ему удалось осуществить это лишь в последние годы жизни (1499), когда он написал поэму «Язык птиц».

Творчество Навои изучено еще далеко не достаточно. Изученность его творчества, как и творчества многих других классиков восточных литератур, не может идти ни в какое сравнение с изученностью произведений классиков западных литератур — Шекспира, Данте, Байрона, Мольера и т. д.

Отнесение Навои к ряду классиков мировой литературы нуждается в аргументированных оценках. Взгляд на Навои как на подражателя и эпигона персидско-таджикских поэтов¹ справедливо отвергнут наукой, но те общие знания о творчестве Навои, — поэта огромного дарования, — которые получили распространение в науке, требуют расшифровки и детализации. В этом плане изучение поэмы «Язык птиц» дает много новых знаний, подтверждающих величие Навои как поэта мирового значения.

¹ Бартольд В. В. Соч. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 1968. С. 608; Бартольд В. В. Соч. Т. VI. Работы по истории ислама и Арабского халифата. М., 1966. С. 245.

1

Поэма «Язык птиц» написана в традиции *назира*, получившей в средневековых литературах Ближнего Востока широкое распространение.² *Назира* — это произведение, создаваемое в виде ответа-подражания по образцу какого-либо известного и популярного произведения другого автора. Создатель ответа-подражания сохранял в своем произведении основную канву сюжета, образы главных героев, стихотворный размер и характер рифмовки источника-образца.³ Объектом подражания для Навои явилась поэма персидско-таджикского поэта Фарид-ад-дина Аттара «Беседы птиц».

Распространенность и живучесть этого метода определялась всем комплексом средневекового восприятия действительности, при котором сама идея изменяющейся действительности не находила опоры в сознании человека. Основные социальные установления и институты, а также идеологические, надстроечные категории феодального общества всемерно способствовали поддержанию представлений о незыблемой прочности и постоянстве окружающего мира во всех его проявлениях — от космических иллюзий раз и навсегда созданной Вселенной до

² Из существующих определений *назира* (жанр, метод, форма и т. д.) наиболее приемлемым представляется определение этой разновидности литературных произведений как своеобразного метода (А. Н. Болдырев). См.: Краткая история литератур Ирана, Афганистана и Турции: Курс лекций. Л., 1971. С. 39—40.

³ История персидской и таджикской литературы / Под ред. Яна Рипки. М., 1970. С. 107.

мельчайших звеньев социального устройства, отражающих «вечные» отношения господства и подчинения, всемогущества власти и ничтожности опекаемых ею и т. д.⁴

Назира и представляет собой такой литературный метод, в котором проявилась, хотя и в косвенном и отраженном преломлении, идеология твердости и предустановленности сущего, допускавших лишь частичную свободу действий в рамках жестких уложений церемониального этикета. Известна всеохватывающая регламентированность различных жанров поэзии в литературах, связанных с философией суфизма, — газелей, касыд и др.

Для литературных произведений, создававшихся в русле средневековой эстетики «подобного», характерно не искание новых тем и единственных, вызываемых к жизни для данного случая, образных построений, а комбинаторное соединение привычных блоков и узлов. При этом степень художественной ценности создаваемого зависела от умения автора претворять привычное и принятое вообще в такие очертания, которые удовлетворили бы потребность читающих и слушающих в частичном обновлении уже усвоенного и впитанного данной средой в качестве ее духовного достояния.

Объективная оценка метода назира, как и других средневековых жанров литературы, должна исходить из понимания эстетической ценности данного метода для своего времени,⁵ при этом важно акцентировать

⁴ Гачев Г. Д. Содержательность художественных форм: Эпос. Лирика. Театр. М., 1968. С. 38.

⁵ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967. С. 142.

не отсталость и косность метода назира, удерживающего читателей в круге привычных представлений и ассоциаций, а его художественность и емкость, его эстетически существенно воздействовавшее на читателя начало, а также как область приложения творческих усилий, позволявших большому мастеру добиваться значительных результатов.

Эпоха Навои застаёт метод назира уже в канонизированном виде. В становлении канонизированных устоев данного метода выдающаяся роль принадлежит крупнейшим последователям Низами в сочинении «Хамсэ» Эмиру Хосрову и Абдаррахману Джамии (1414—1492) — старшему современнику и наставнику Алишера Навои.⁶

При оценке метода назира следует считаться с тем эстетическим его фоном, который ярко охарактеризовал Е. Э. Бертельс: «Здесь мы становимся лицом к лицу с тем фактом, что оценка художественного слова на Востоке совершенно не совпадает с нашими требованиями. У восточного автора на переднем плане стоит культура слова, ради одного удачного сравнения, одной блестящей метафоры он вводит в тему новые эпизоды, поворачивает сюжет в ту или иную сторону. Требование художественного слова оказывает энергичное влияние на конструкцию самого сюжета. Сюжет — это лишь основа, канва, по которой поэт вышивает свои пестрые узоры. Если мы желаем надлежащим образом оценить его творчество, мы должны исходить из этого узора, должны считаться с этим основным фактом всей литературной жизни стран ислама. В противном случае наша

⁶ Литература Востока в средние века. М., 1970. Ч. II. С. 167.

оценка всегда будет носить произвольный характер, никакой объективной ценности она иметь не будет».⁷

Ниже, при анализе композиции поэмы, будет предпринята попытка показать гениальное художественное мастерство Навои, проявившееся в создании именно этой поэмы. Здесь же важно рассмотреть отношение Навои к методу назира и вопросы, связанные с определением степени творческой свободы Навои в рамках использованного им метода.

Если говорить о сознательном жанротворчестве (теоретически можно себе представить и намеренное создание какого-либо жанра), любой художник слова, даже и возвышающийся над средним уровнем литературы своего времени, создает произведения в принятых данной литературой жанрах. Любой жанр вполне предоставляет литератору возможности для индивидуального и неповторимого творчества. При этом наиболее выдающиеся произведения литературы, будучи созданными в каком-либо определенном жанре, двояко воздействуют на самый жанр, двояким образом взаимодействуют с ним: с одной стороны, они создают новую художественную ценность, подтверждающую существование и жизненность данного жанра в его сформировавшемся к определенному времени виде, а с другой — обогащают самый жанр и открывают для последующих поколений новые возможности в рамках старого жанра. История литературы знает многочисленные примеры нового художественного осмысления повторяющихся сюжетных мотивов и создания оригинальных худо-

⁷ Бертельс Е. Э. Суфизм и суфийская литература // Избранные труды. М., 1965. Т. 4. С. 378.

жественных произведений с применением неоригинальных сюжетных ходов и коллизий. Примеры общеизвестны: «Дон-Жуан», «Фауст» и т. д.

Художественная задача, самостоятельная и неповторимая вне всяких сомнений, была воплощена Навои в рамках привычного жанра с необычайно высокой степенью творческой свободы, и результатом этого явилось удивительное художественное произведение, значительностью которого для своей эпохи определяется и его особое место в творчестве Навои, и его жизненность как факта мировой литературы.

Оригинальный замысел Навои в поэме «Язык птиц» представляется в следующих очертаниях.

Навои создает занимательное повествование о странствиях птиц, обретающих в итоге истину в самих себе. Это — внешняя линия повествования, рассчитанная на массового, рядового читателя. Но одновременно поэт создает и сложный подтекст или «затекст», лишь частично приоткрываемый во внешней линии рассказа. Это — автобиографические моменты, отчасти прямым образом изложенные в конце поэмы, а в большей своей — так сказать, исповедальной — части затянутые покровом «птичьей речи» иносказания.

Поэма Навои — не только итог жизни по чисто формальным приметам (произведение создано в последние годы жизни поэта), но и своеобразный отчет о своей жизни, о своем творчестве. Это осмысление свершенного им и зрелое понимание значительности своих творческих деяний, это — рассказ о собственных странствиях по дорогам жизни и об обретении в себе, в своих делах высшей человеческой радости — радости одоления мелких соблазнов суетности твор-

ческим созиданием нетленного, это — торжество утверждения «всевременного» над повседневным.⁸

Объективно вся поэма выступает как исповедь поэта, повествующая, что истинное счастье он обрел не вне себя самого, не в том, что окружало его в жизни, знавшей и взлеты, и низвержения, а в самом себе, в своей созидательной творческой деятельности.

Таким образом, если учитывать очерченную выше двойственность замысла поэмы, то можно утверждать, что по отношению к канонам и установлениям метода *назира* Навои проявил ту степень творческой свободы, которая возможна только для поэта высшего ранга. При этом творческая раскованность Навои характеризуется как бы двумя свободами — внешней и внутренней, и вес второй из них наиболее существен.⁹

Внешнюю свободу Навои убедительно показал Е. Э. Бертельс: поэт смело преобразует структуру поэмы Аттара в новую структуру, вносит свои оценочные суждения относительно тех или иных героев, заменяет сюжеты в более чем 80 % притч, наполняет повествование своей, присущей только ему интонацией.¹⁰

Но еще более значительна внутренняя свобода

⁸ О творческом подвиге жизни Навои см.: *Бертельс Е. Э.* Навои: Опыт творческой биографии. М.; Л., 1948. С. 159—218; *Рустамов Э. Р.* Страницы из биографии Алишера Навои // Краткие сообщения Института народов Азии. М., 1963. Т. 63. С. 80—86.

⁹ О соотношении литературной традиции и творчества Навои см.: *Жирмунский В. М.* Алишер Навои и проблема Ренессанса в восточных литературах // Ученые записки Ленингр. гос. ун-та. № 299. Серия филологических наук. 1961. Вып. 59. С. 86—97.

¹⁰ См.: *Бертельс Е. Э.* Суфизм... С. 417.

Навои, создавшего неповторимое произведение-исповедь с оригинальнейшей композицией, наполненное новым содержанием, ни в каких своих слагаемых не присутствовавшим в источнике его подражания — поэме Аттара.

В дальнейшем предпринимается попытка показать, в каком виде в «Языке птиц» предстает единство произведения, т. е. тот «образно-семантический контекст», в котором «функционируют, устанавливаются и дифференцируются все другие единицы художественного выражения».¹¹

2

Внешний сюжет поэмы — путешествие-странствие птиц — имеет своим источником не только поэму Аттара. Уже в X—XII вв. были созданы произведения, основу сюжетного построения которых составляет мотив странствований в целях постижения высокого идеала. Впервые в дошедших до нас произведениях эта тема появляется в сочинении «Хайи, сын Якзана» Абу Али ибн Сина (ум. в 1037), известного в Европе под именем Авиценны. В этом произведении автор, ведомый старцем-наставником, познает в странствиях суть встречающихся ему в пути различных миров. В образе старца-наставника, духовного руководителя воплощена философская абстракция — «разумная душа», приобщившаяся к знанию истинных, высших сущностей и обладающая способностью передавать свою мудрость вступившим на путь познания. Цель путешествия — страна, где

¹¹ *Виноградов В. В.* О теории художественной речи. М., 1971. С. 11.

господствует вечный разум, вечная всеобъемлющая мудрость, озаряющая ослепительно ярким светом подвластное ей царство.

Генетически с этим сочинением Абу Али ибн Сина связано известное и очень популярное в свое время произведение Санаи (род. ок. 1048) «Странствие рабов божьих к месту возврата», в котором путешественники — это собирательный образ человечества («рабы божьи», «рабы господни»), преодолевающего препятствия на пути к трансцендентальной сущности — потустороннему миру. В потустороннем мире души людей возвращаются к своему первоисточнику — мировой душе. Каждый человек представляет собой часть мировой души, утрачиваемую и обретаемую последней в вечном круговороте обновления. Итог и цель странствия — познание высшей, воплощенной в божественной сути, истины, постижение сущности, открывающейся лишь тем, кто «возвращается» к ней. Путников, в число которых входит и сам поэт-автор, сопровождает мудрый наставник, радатель за страждущих и взыскующих истины — Лучезарный старец. В образе Лучезарного старца аллегорически воплощено понятие разумной души — света, светлого начала всего сущего, посредством слияния с которым можно вступить на путь прямого единения с божественной сущью. В структуре этой поэмы Е. Э. Бертельс видит точное подобие «Божественной комедии». Он же отмечает и поразительное сходство отдельных описаний Санаи с бессмертным произведением Данте.¹²

¹² Бертельс Е. Э. Суфизм. . . С. 323. Ян Рипка усматривает сходство с «Божественной комедией» Данте и в другом персидском сочинении о странствиях — поэме, приписывае-

Эти сочинения послужили источником для поэмы Аттара «Беседы птиц», созданной в 1175 г. Несомненная близость сюжетных коллизий и популярность поэмы Санаи, по-видимому, однозначно свидетельствуют об этом. Однако у Аттара был и другой источник — прозаическое произведение Мухаммада Газзали (1059—1111) «Птичьи послания», отдельные мотивы которого Аттар использовал, дополнив их рассуждениями в духе известного трактата «Братья чистоты».¹³

В поэме Аттара птицы пускаются в странствие в поисках своего повелителя Симурга. В образе птиц автором представлены суфии, стремящиеся к постижению божественной истины. Основа сюжета и его внешне эффектный кульминационный момент заключены в том, что птицы, ищущие истину вне самих себя, познают ее в себе (си мург=тридцать птиц).

Аллегорическое использование образов птиц было широко распространено в суфийской литературе. Впервые упоминание птиц и аллегорическое объяснение их свойств и различий отмечено в комментарии к Корану, составленном Абу Абд ар-Рахманом Сулами (ум. 1021). Автор следующим образом комментирует коранический текст (II, 262): «Говорят, что были павлин, утка, ворона и петух. Смысл этого в том, что павлин из всех птиц больше всего схож с украшением этого мира, а ворона — самая жадная

мой Абу Хамиду Аухаддину Кирмани (ум. 1298), «Светильник души». В этом сочинении в аллегорической форме описано странствие героев по фантастическим городам и неведомым пределам (См.: История персидской и таджикской литературы. С. 245).

¹³ История персидской и таджикской литературы. С. 232—233.

из всех птиц, а утка — самая ненасытная в поисках пищи, а петух — самых похотливый. Он (т. е. Аллах) говорит: „Отврати свой взор от украшений мира сего и важничанья ими, и от жадности в поисках доли твоей, и от удовлетворений похоти, чтобы достигнуть тебе подлинного совершенства в вере. И когда ты освободишь душу твою от этих свойств, то украсишь ее моим атрибутом в день воскресения мертвых!“»¹⁴

Образы птиц имеются и в других произведениях Аттара, например в «Булбуль-наме» («Сказание о соловье»).¹⁵ Птицы, представленные у Аттара в поэме «Беседы птиц» (удод, попугай, сокол, кречет, соловей, павлин, фазан и др.), часто встречаются в персидской поэзии. Известны два подражания поэме Аттара — поэма с тем же названием, что и у Аттара, написанная в 1317 г. на османском (старотурецком) языке Ахмедом Гульшехри,¹⁶ и «Язык птиц» Навои. Поэма Навои является и первым известным нам произведением на староузбекском языке, в основу сюжета которого положен мотив странствия.

3

Сюжет поэмы Навои в его внешней линии не отличается от сюжета поэмы Аттара. Основную канву сюжета поэмы Навои представляет собой повествование о странствиях птиц в поисках сказочного повелителя всех птиц земли — Симурга. Претерпев

¹⁴ Бертельс Е. Э. Суфизм. . . С. 76.

¹⁵ Там же. С. 340—353.

¹⁶ *Bombaci Alessio*. Storia della letteratura turca. Milano; Napoli, 1956. S. 290—299; *Uraz Murad*. Türk edip ve şairleri. Istanbul, 1939. Cilt I. S. 119.

в пути множество различных невзгод и лишений, птицы узнают, что никакого Симурга в сущности нет: тридцати уцелевшим в тяготах пути птицам дано познать, что они сами и есть Симург (перс. «си» — тридцать, «мург» — птица).¹⁷

Из всего текста поэмы — пятидесяти ее глав — к странствию птиц имеют отношение главы 10—37, а развитие сюжета о самом странствии птиц, т. е. об их движении к цели, осуществляется всего лишь в восьми отрывках: глава 10 — Сборище птиц и споры их о главенстве и подчинении; начало главы 18 — О том, как птицы проявили рвение, чтобы отправиться в путь, и о том, как у некоторых из них из-за тяжести испытаний проявилось бессилие перед этим намерением; глава 22 — О том, как птицы кинули жребий, кому быть вожатым, и о том, как жребий выпал Удоду; глава 23 — О том, как птицы прилетают к долине и их охватывает оцепенение, и о том, как одна птица задает Удоду вопрос; глава 24 — О том, как птицы спросили Удода об испытаниях, сулимых этой долиной, и о том, как он ответил им; глава 35 — О том, как птицы у предела долины Отрешения узнают о стране Вечности; глава 36 — О том, как птицы, отчаявшись в Отрешении, обретают силы в наставлении Удода; глава 37 — О том, как птицы, постигнув Отрешение, достигают единения с Вечностью.

Рассмотрим кратко содержание этих частей

¹⁷ О сюжете поэмы «Язык птиц» см.: *Бертельс Е. Э.* Навои. С. 238—244; *Бертельс Е. Э.* Суфизм... С. 278—420; *Захидов В.* Мир идей и образов Навои. Ташкент, 1961. С. 278—290; *Иванов С. Н.* Поэма Алишера Навои «Язык птиц»: Опыт переводческого истолкования // *Мастерство перевода. Сборник 10.* 1974. М., 1975. С. 135—159.

поэмы. Глава 10 содержит 17 бейтов. Птицы разных садов и лесов, пустынь, морей и озер собрались на просторном лугу, чтобы, позабавившись играми и пением, вновь взмыть в небеса. Однако в пестром сборище возникает переполох: птицам неведомы «чин и порядок», неведомы им и законы местничества. Недостойные теснят достойных птиц: сорочьи оравы расталкивают степенных попугаев, грубые вороньи ссоры угрожают нежным соловьям, разная птичья мелочь норовит сесть выше соколов, простой гусь кичливо вышагивает перед присмирившими красавцами-павлинами, благородные птицы обижены сварливыми стаями бойких и нахальных пичужек, сероперые неказистые птахи не признают главенства «венценосных повелителей». Ссоры возникают и среди благородных птиц, не умеющих взять в повиновение «птичий сброд». Разуверившиеся в возможности установления порядка птицы приходят к решению, что им необходим авторитетный для всех повелитель, но и властелина им до времени найти не удается: отрывок завершается картиной всеобщего отчаяния.

В начале главы 18 (37 бейтов) повествуется о том, как птицы, вдохновленные рассказом Удода о Симурге (главы 11—16) и его призывами, персонально обращенными к разным птицам (глава 17), осознают свою греховность и свое невежество и изъявляют готовность пуститься в путь, сулящий им постижение высших истин. Птицы являют знак покорности Удоду — своему признанному венценосному вожаку и отправляются в странствие. Они летят над просторами жгучих пустынь, претерпевают неисчислимое количество бед и невзгод, тоскуя по родным гнездовьям, где они блаженно резвились

на воле. Многие птицы цепенеют от бессилья, ропщут на тяготы пути, некоторые из них отказываются от дальнейших странствий и испытаний и просят Удоду разрешить им отдохнуть. Они взывают к Удоду «не неволить их властью». Удод соглашается дать птицам отдых и разрешает им высказать свои сомнения.

Глава 22 (26 бейтов) содержит рассказ о том, как после отговорок птиц и порицаний, высказанных им Удодом, и разъяснений Удоды о сущности Симурга птицы вновь воспламеняются рвением и снова летят дальше, одолевая все новые преграды. Большое число птиц опять отстает от стаи и отказывается от намеченной цели. Оставшиеся птицы решают, что власть над стаей должна быть более сильной, а порядок в ней — более надежным. Они понимают, что их венценосный глава должен быть облечен особой властью, и прибегают к жребию. И хотя все птицы участвуют в жеребьевке, выбор по жребию вновь выпадает на Удоду, который оговаривает свое право «сильной власти». Птицы присягают на верность Удоду и готовы исполнять все его повеления.

Начало главы 23 (10 бейтов) повествует о том, как птицы прилетают в бесплодную пустынную долину, где их охватывает ужас при виде ее неодолимых расстояний. На вопрос птиц о причинах безжизненности представших перед ними земель Удод отвечает, что это — возмездие былой цветущей державе за пустые раздоры, которым предавались ее люди, и за греховность ее шаха, забывшего о своем долге.

В 27 бейтах главы 24 говорится об испуге птиц перед испытаниями, которыми грозит открывшаяся им в пути долина. Птицы просят Удоду

повелеть задержаться в этой долине, чтобы дать им возможность обратиться к нему с вопросами и выслушать его ответы. Удод соглашается, и птицы приступают к вопросам.

Глава 35 (69 бейтов) следует за пространной частью, содержащей вопросы птиц и ответы Удоды. В ней повествуется о том, как после многочисленных новых тягот и препятствий, из-за которых от стаи отставали все новые и новые птицы, оставшимся странникам (их было всего тридцать) предстала чудесная земля. В этом пределе птицам открываются невиданные красоты, но вместе с ними и неодолимые страхи и препятствия. Испуг и отчаяние овладевают стаей. Птицам является Лучезарный старец (суфийский образ «разумной души»), который порицает их за сомнения и безверие, и странники застывают в бессилии, сознавая свое ничтожество и величие конечной цели — близкой, но, как и прежде, трудно достижимой.

В главе 36 (17 бейтов) рассказывается о том, как Удод, видя отчаяние птиц, воодушевляет их на дальнейший путь, и о том, как птицы вновь изъявляют покорность Удоду и решимость одолеть оставшуюся часть пути.

Глава 37, состоящая из 62 бейтов, повествует о том, как птицы, одолев много новых испытаний, прилетают в страну, наполненную неземным светом. Здесь в светлой глади вод им является их собственное отражение — отражение тридцати («си») птиц («мург»). Завершается фрагмент авторским восхвалением незыблемой веры человека в свою божественную сущность и в свое высшее призвание, а также похвалю предшественнику в разработке сюжета — Аттару.

Краткое изложение тех частей поэмы, которые «двигают» повествование, показывает, что само действие разворачивается эпически неторопливо и в значительной степени однообразно; первый этап пути: сомнения птиц — наставления Удада — отказ птиц, проявляющих малодушие, от странствия; следующий этап пути: новые сомнения и так далее. До конечной цели — единения с Вечностью — проходит шесть таких циклов (начальные этапы странствий описаны в главах 18, 22, 23, 35, 36).

Динамика повествования проявляется здесь в двух разновидностях — в продвижении самого полета птиц и в нарастании сомнений, сопровождаемом отпадением от стаи тех птиц, которыми овладевают отчаяние, неуверенность и малодушие.

Индивидуализации героев — отдельных участников странствия — в поэме нет, есть лишь элементы индивидуализации, но и они даны в статике: в тех частях повествования, которые не связаны непосредственно с полетом. При этом если в начальной части поэмы представлены конкретные образы птиц (попугай, павлин, соловей, горлица, куропатка, фазан, турач, голубь, сокол, кречет, ястреб, беркут, филин, хумаюн, селезень), то в средней части поэмы птицы не названы и индивидуализированы только в их речи — по вопросам, задаваемым ими Удаду.

Таким образом, обобщающие части поэмы, где дано движение повествования, перемежаются фрагментами, которые наполнены элементами индивидуализации и конкретизации действующих в повествовании персонажей.

Рассмотрим эти промежуточные части поэмы. Между описаниями сборища птиц (глава 10) и на-

чала странствия (глава 18) располагаются сравнительно короткие фрагменты, содержанием которых являются рассказы Удоды о Симурге, и части, содержащие общее обращение Удоды к птицам и индивидуальные обращения к попугаю, павлину, соловью, горлице, куропатке, фазану, турачу, голубю, соколу, кречету (десять обращений по 7 бейтов в каждом).

Рассказы Удоды о Симурге предстают в следующем виде.

Глава 11 (15 бейтов) — Симург — властитель птиц всего мироздания. Он незрим, неведом, но вездесущ. И хотя он и непостижим, тем не менее отказ от стремления постигнуть его — хуже смерти.

Глава 12 (20 бейтов) — Птицы воздают хвалу Удоду — сподвижнику премудрого Сулеймана и просят его помощи в постижении Симурга.

Глава 13 (50 бейтов) — Удод рассказывает о величии Симурга и о суровых испытаниях, предстоящих тем, кто дерзает познать Симурга.

Глава 15 (26 бейтов) — Удод повествует птицам о сказочной стране красоты и благоденствия, где Симург явился миру.

Глава 16 (10 бейтов) — Птицы выражают решимость одолеть все испытания под водительством Удоды.

Глава 17 — Обращения Удоды к собирающимся в странствие представляют собой призывы к перечисленным выше птицам, тонко индивидуализированные в зависимости от свойств адресата. Здесь охарактеризованы сладкогласный и нарядный попугай, величественный и прекрасный павлин, влюбленный в розу нежный соловей, объятая страстью горлица, неутомимая в заботах и труде куропатка,

изящный и грациозный фазан, стройный и красивый турач, баловень и прихлебатель голубь, гордый сподвижник властителей в их охотничьих забавах — сокол, могучий венценосный кречет.

Между описаниями начала пути (глава 18) и стоянки в долине, где птицы по жребию избирают себе главою Удада (глава 22), расположены части, изображающие отговорки птиц, отказывающихся от продолжения странствия, сопровождаемые ответами Удада и притчами-иллюстрациями; вопрос птиц о том, как они связаны с Симургом; ответ Удада о связи птиц с Симургом; притчи о чистоте сердца, необходимой тем, кто стремится к единению с Симургом, и об Искандере, сумевшем в нужный момент утаить свою державную сущность; вопрос птиц о предстоящем пути и ответ Удада; пространный вставной рассказ (притча) о шейхе Санане (514 бейтов).

Между рассказом о том, как птицы решили обратиться к Удаду с вопросом об испытаниях, предстоящих им (глава 24), и повествованием о том, как птицы у предела долины Отрешения узнают о стране Вечности (глава 35), расположена та часть поэмы, где птицы поочередно задают Удаду вопросы и выслушивают его ответы, которые сопровождаются притчами. Таких троичных циклов (вопрос — ответ — притча) — 21. Затем следует вопрос и ответ о семи Долинах и описания Долин, снова иллюстрированные притчами (главы 26—34).

Таковы контуры центральной части поэмы — самого повествования о странствии птиц и перемежающих это странствие «остановках», уводящих как бы в сторону от основного сюжетного движения. Эту среднюю часть обрамляют начало (главы 1—9) и окончание (главы 38—50).

Начальный раздел поэмы содержит «обязательные» фрагменты: восхваление творца, моление о господней милости, хвалу пророку и описание мираджа — восхождения (вознесения) пророка на небеса, восхваления четырех избранных — четырех так называемых правоверных халифов и притчи о них, хвалу предшественнику — Фарид-ад-дину Аттару.

Завершающая часть поэмы содержит мольбу о прощении грехов, восхваление Аттара, сопровождаемое притчей, мольбы об одолении семи Долин и присловия к ним. Последние пять фрагментов автобиографичны и исповедальны.

Нельзя не видеть, что композиционный каркас поэмы построен очень продуманно и прочно: разделы «Языка птиц», отражающие движение сюжета, и дидактические части, прерывающие сюжетную линию поэмы, буквально «входят», «проникают» друг в друга.

4

Принципиальный интерес представляет вопрос об отношении внешней линии сюжета к суфизму.

У нас нет оснований видеть в Навои правоверного суфия. Мнение Е. Э. Бертельса о, так сказать, косвенной причастности Навои к суфизму нужно признать безусловно правильным.¹⁸ Об этом же свидетельствует и исследование М. Арипова.¹⁹ Ниже будет показано, что в поэме «Язык птиц» Навои

¹⁸ Бертельс Е. Э. Суфизм. . . С. 418—419.

¹⁹ Арипов М. Философские и эстетические воззрения Навои. Автореф. канд. дис. Л., 1971.

решал очень важную для себя задачу, не имеющую отношения к собственно суфийским идеалам. При выяснении внутреннего смысла сюжета необходимо иметь в виду два весьма существенных обстоятельства.

Во-первых, следует учитывать, что вся тюркоязычная и ираноязычная поэзия среднеазиатских народов испытала сильнейшее влияние суфийской философии.²⁰ Однако не во всяком произведении, написанном на суфийской основе, уместно видеть автора-суфия, так как традиционная образная система усваивалась поэтами и осмыслялась ими не только и не столько в философском плане, сколько в собственно литературном аспекте — как принятый этикет.

Во-вторых, как известно, сюжет поэмы во времена Навои строился на каком-либо литературном прообразе.²¹ Так что суфийская канва сюжета сама по себе еще ничего не говорит о глубине суфийских верований автора.

Сюжет поэмы, конечно же, опирается на суфийские представления.²² Основные идеи суфизма — убеждение в возможности единения с богом, с высшими сутями и учение о достижении этого единения посредством растворения своего «я» в боге и в любви к нему. На фоне этой идеи странствие птиц предстает как аллегорический рассказ о постепенном приобщении наиболее стойких духом «стран-

²⁰ Суфийская символика породила в поэзии разветвленную систему образов, опирающихся на суфийское миропонимание и на те или иные представления суфизма.

²¹ См. наст. изд. С. 269—273.

²² *Бертельс Е. Э.* Навои. С. 240—241.

ников» к тем высшим ценностям, которые уготованы суфиям, отрехшимся от своего «я» — от мирских соблазнов, от своезравия, своеволия, своелюбия.

Рассмотрим в этом аспекте те отрывки поэмы, которые выше были определены как фрагменты, двигающие повествование.

Глава 10. В плане суфийских представлений сборище птиц и споры их о «главенстве и подчинении» отражают собою суфийский образ мирской суеты, сумятицы и суматохи житейского базара, где нет и не может быть порядка, так как каждый руководствуется мелочными интересами и побуждениями своего «я», корыстолюбивого, тщеславного, падкого на соблазны.

Глава 18. Это — первый этап возвышения над суетами жизни: птицы осознают свою греховность и готовы отправиться в путь, которым даруется им отчуждение от призрачных мирских удовольствий. Но здесь же, после некоторого времени, проведенного в пути, происходит и первый отсеб малодушных. В этом отрывке Удод предстает как наставник идущих по «истинному пути».

Вся глава 22, повествующая о новом уменьшении числа странников, представляет собой похвалу сильной власти наставника (Удоды) над своими подопечными — суфиями, взыскующими бога.

В краткой главе 23, рассказывающей о пустынной долине, с особой силой звучит образ суетности, покаранной за греховное забвение вечных ценностей.

Глава 24. Птицы-суфии припадают к наставнику-Удоду с просьбой растолковать им смысл дальнейшего пути, т. е. наиболее трудных этапов движения к истине.

В главе 35 показаны новые (и все более страш-

ные) тяготы, ожидающие путника-суфия на его пути. Одновременно с трудностями странникам-суфиям, одолевающим тяготы препятствий, открываются и сокрытые от суетного мира красоты.

Глава 36 — рассказ о новой, т. е. на новом этапе, покорности взыскующих истины своему наставнику.

В главе 37 странники постигают истину в себе самих: им предстает страна неизъяснимой красоты.

5

Несюжетная часть «Языка птиц», т. е. часть, не двигающая повествования и соответственно не связанная с динамикой самого странствия, выполняет особую задачу — задачу дидактического, назидательного, поучающего восхваления авторских идеалов. В свете сказанного выше о главенствующем положении суфийской философии и о силе ее влияния неудивительно, что авторские идеалы также формулируются в суфийских понятиях, хотя и имеют сильную общечеловеческую окраску.

Жанр дидактической поэмы, возникнув уже в первой половине X в., «не получил тогда широкого распространения и только спустя столетие был возрожден, чтобы получить свое окончательное оформление под пером Насир-и Хосрова. Значительно раньше началось в тиши келий суфиев увязывание проповедей с притчами и анекдотами из жизни знаменитых шейхов и т. п. Проповедники создают своеобразный стиль — обильно рифмованную прозу, которая должна была усилить воздействие их увещаний на слушателей. Оба эти направления соединяются в конце XI в., и так возникает суфийская дидактическая поэма, создателем которой, насколько

мы можем судить, следует считать Санаи (ум. 1141)». ²³ Продолжили и развили этот жанр, доведя его до высокого совершенства к середине XV в., Аттар, Руми, Джамии. ²⁴

Дидактические поэмы пользовались большой популярностью на Ближнем Востоке. Они создавались как своеобразный свод моральных и нравственных канонов, регламентирующих жизнь общества и личности. Часто сюжетная канва строилась вокруг образа справедливого и идеального во всех отношениях правителя. В подобных образах находил отражение протест против крайностей феодального деспотизма. В поэмах этого типа значительный интерес представляли авторские отступления и размышления о сущности человеческого бытия и человека. ²⁵

«Язык птиц» нельзя относить к жанру дидактической поэмы как таковому. Основной пафос поэмы — в том глубинном авторском замысле, о котором будет сказано дальше. Но дидактические моменты составляют собой существенное слагаемое общего хода повествования. Возможно, что для современного самому Навои «широкого читателя» дидактические моменты представляли решающий интерес. Нельзя не видеть, что внешняя занимательность повествования поддерживается в основном назидательными притчами. «Развитие сюжета отличается эпической сдержанностью, оно постоянно „перебивается“ вставными притчами и присловиями, но этим

²³ Бертельс Е. Э. Суфизм. . . С. 73.

²⁴ Ср.: Никитина В. Б. К проблеме становления дидактических жанров в таджикско-персидском письменном творчестве // Иранская филология. Л., 1964. С. 111—120.

²⁵ Валитова А. А. Типология восточной поэмы // Советская тюркология. 1973. № 4. С. 38.

и достигается чудо художественного синтеза: притчи и присловия, в большинстве своем являющиеся жанровыми зарисовками, непосредственно не связанными с сюжетом, не разобщают, а объединяют отдельные части поэмы и создают неповторимый „контрапункт“ и ритм произведения». ²⁶

Если вывести из числа притч огромный по размеру (514 бейтов) вставной рассказ о шейхе Санане (о нем будет сказано особо), то в средней (т. е. за вычетом введения и заключения) части поэмы есть три дидактических волны: а) притчи, сопровождающие ответы Удода на отговорки птиц, б) притчи, сопровождающие ответы Удода на вопросы птиц, в) притчи, иллюстрирующие описания Долин.

Как мы увидим дальше, в содержании этих притч, вернее в наборе их тематики и в последовательности их появления в корпусе поэмы, есть своя гармония. Но еще до обращения к этим фактам необходимо отметить, что в пределах каждой дидактической «волны», каждого дидактического цикла наблюдается определенная заданность повторяемости притч: в первом и втором циклах — через два отрывка на третий, в третьем цикле — через один отрывок. При этом обращает на себя внимание и тот факт, что соотношение количества притч по трем циклам приблизительно выражается пропорцией 2 : 3 : 1.

Рассмотрим тематику притч по циклам.

В первом цикле притчи посвящены осуждению разных пороков: притворства, суетности, суесловия,

²⁶ Иванов С. Н. Поэма Алишера Навои «Язык птиц». С. 139.

нерадивости, безделья, жульничества, испорченности нрава, хвастовства и самозванства, обжорства и лени, алчности, прихлебательства, корыстолюбия.

Интересно, что в этом цикле есть скрытая и не различаемая при непосредственном чтении, но тем не менее явно замышленная и претворенная автором структура, которую схематически можно изобразить в следующем виде:

6 притч	1 притча	6 притч
бейты 599—754	бейты 769—785	бейты 804—941

Только в срединной притче дано сопоставление и противоположение двух героев с положительными (Мукбиль) и отрицательными (Мудбир) свойствами.²⁷ Шесть притч, идущих до центральной притчи, в своей тематике дают постепенное нарастание отрицательных свойств: притворство — суетность — суетловие — нерадивость — безделье — жульничество. Следовательно, на фоне этих шести притч центральная притча предстает как обобщение шести предыдущих: в ней показан плачевный итог приверженности к осуждаемым порокам. В шести притчах, следующих за центральной притчей, осуждаются пороки, выявляющие большую, нежели в предыдущем цикле, «испорченность» (и опять как бы с нарастанием степени качества): жадность — хвастовство — лень и обжорство — алчность — прихлебательство — корыстолюбие.

Второй цикл притч, которые являются иллюстрациями к ответам Удода на вопросы птиц, тоже

²⁷ Притча о Мукбиле и Мудбире в «Языке птиц» повторяет в основных своих чертах аналогичную притчу в поэме Навои «Семь планет».

имеет свою структуру. Здесь — 21 притча, и, как и в предыдущем цикле, срединная притча (в данном случае она по порядку одиннадцатая, бейты 2074—2086) является как бы кульминацией цикла: именно после нее происходит смена вопросов птиц с «отрицательных» на «положительные».

Цикл обрамляется притчами, рассказываемыми в ответ на вопросы общего характера: впереди две притчи — на вопрос, в чем состоит отличие избранника от простых смертных, и на вопрос, может ли посягнуть на великое слабый и немощный; в конце есть три притчи, сообщаемые в ответ на вопросы обобщающего плана: о том, как сохранить в душе уже достигнутую радость единения, о том, что надлежит еще просить при достижении единения, и о том, какой дар следует приготовить для взыскуемого «шаха».

Между двумя начальными притчами и кульминационной притчей располагаются притчи-ответы на вопросы об отрицательных свойствах, между кульминацией и тремя завершающими цикл притчами расположены притчи-ответы на вопросы о положительных качествах.

Вопросы об отрицательных свойствах следующие: дано ли осилить путь постижения а) порочному, б) переменчивому и непостоянному, в) строптивому, г) искушаемому дьяволом, д) сребролюбцу, е) самодовольному, ж) погрязшему в плотской любви, з) страшящемуся смерти, и) унылому печальнику.

Вопросы о положительных качествах следующие: дано ли осилить путь постижения: а) послушному, б) непорочному, в) усердному, г) справедливому, д) смелому и дерзостному, е) отрешенному от суетного и независимому, ж) совершенному.

Третий цикл притч связан с описанием семи Долин. Каждая притча здесь характеризует то качество или свойство, которое показано в описании той или иной Долины: Искания, Любовь, Познание, Безразличие, Единение, Смятение, Отрешение.

Кульминацией всей дидактической линии поэмы является рассказ о шейхе Санане (глава 21).

Далее будут рассмотрены содержательные и художественные особенности притч и рассказа о шейхе Санане. Здесь же важно было очертить внешние контуры композиции, которые могут быть осмыслены еще и в специфическом аспекте в связи с «внутренней» композицией поэмы и с ее внутренней структурой.

Несомненно, что «внутренний мир произведения словесного искусства... обладает известной художественной ценностью. Отдельные элементы отраженной действительности соединяются друг с другом в этом внутреннем мире в некоей определенной системе, художественном единстве».²⁸ Поэтому отдельные элементы сюжета, композиции, внутренней и скрытой заданности могут быть оценены лишь на фоне целого и в связи с самим характером этой целостности.

6

Внутренняя композиция и соответственно внутренняя структура поэмы определяются лирическими, автобиографическими и исповедальными моментами,

²⁸ Лихачев Д. С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 76.

внешним средоточием которых является заключительная часть.

Чисто внешняя канва этой части проста. Уже в главе 37, где основной сюжет достигает своей кульминации и завершения, т. е. в повествовании о том, как птицы познают Симурга в себе, есть мотивы традиционного покаяния (бейты 3215—3220). Но, так сказать, «специально» лирическая часть поэмы — это главы 38—50. Глава 38 содержит мольбу автора о прощении его прегрешений (21 бейт), глава 39 — восхваление Аттара (39 бейтов) и присловие о птице Кикнус (Феникс), вечно возрождающейся из пепла (41 бейт), главы 40—46 — мольбы об одолении семи Долин с присловиями к ним. Глава 47 — центральный фрагмент этой части (51 бейт). В нем рассказывается о том, как в свои школьные годы Навои самозабвенно полюбил поэму Аттара, как он пронес это свое увлечение через всю жизнь. Навои пишет здесь, что в течение всего его жизненного пути, когда он создавал свои многочисленные произведения, он лелеял мечту создать тюркский пересказ поэмы Аттара, приступить к которому он смог только в свой шестидесятый год. Поэма, пишет Навои, была завершена быстро (бейт 3514). В конце отрывка Навои сравнивает себя с ловцом жемчуга, который и при неудачной ловле все же что-нибудь да раздобывает — щепок, прутьев и т. п. За этим фрагментом следует присловие о стене, которая упала «в согласии с избранным креном».

Глава 48 (27 бейтов) содержит объяснение тахаллуса «Фани» («Отрешенный»), которым Навои подписывает поэму, глава 49 (12 бейтов) — обязательное восхваление правящего монарха, глава 50

(15 бейтов) — рассказ о времени написания поэмы и заключительные слова традиционного обращения к аллаху.

В конце поэмы, объясняя причины, побудившие его подписать поэму тахаллусом «Фани» («Отрешенный»), Навои произносит слова, являющиеся как бы ключом к пониманию всей поэмы (бейты 3561—3562)

Но да ведает внемлющий смысл и основу,
Почему знак «Фани» дал я этому слову.

Главный помысел книги — исток и возврат,
Устремленье к благому началу назад.

Чисто внешняя линия этого возврата ясна: Навои вспоминает детство и свои первые поэтические впечатления. Но здесь же, несомненно, есть и второй план: возврат к истокам собственного поэтического творчества. Навои несколько раз напоминает о своей роли первооткрывателя больших жанров тюркской поэзии (бейты 3293—3295, 3302—3303, 3500—3503). Аналогичные мотивы есть, как известно, в поэмах «Пятерицы»,²⁹ но в поэме «Язык птиц» они предстают явно в ином и новом качестве.

Совокупность многих данных — и тех, о которых уже говорилось, и тех, о которых пойдет речь дальше, позволяют думать, что поэма «Язык птиц» и была задумана как исповедь поэта о всей его жизни, как произведение, подводящее итог всем свершениям и трудам. Если учесть, что менее чем

²⁹ См.: Малов С. Е. Мир Алишера Навои в истории тюркских литератур и языков Средней и Центральной Азии // Известия АН СССР. Отд. лит-ры и языка. 1947. Т. 6. Вып. 6. С. 475—480.

через полтора года после завершения поэмы Навои скончался, то можно полагать, что у него могли быть и чисто физические причины для подведения итогов своего жизненного пути.

В поэме есть авторская оценка всего творчества, зрелое понимание своего значения (бейты 3307—3308):³⁰

Оглашал я пьянящую песней цветник,
И напев мой такого звучанья достиг,
Что ему даже птицы, кричащие прытко,
Не содеят ни стоном, ни криком убытка.

Но исповедальные и лирические мотивы содержатся в «Языке птиц» не только в виде прямых высказываний подобного рода — они пронизывают всю поэму и составляют основное, сквозное ее действие.

Для того чтобы утвердиться в этом последнем мнении, необходимо принять в расчет как прямые свидетельства Навои об иносказательном характере поэмы, так и вообще объективно иносказательную суть поэмы.

Прямое свидетельство Навои об иносказательной сущности всего повествования содержат бейты 3208—3212:

Речь — одно, смысл — другое, об этом размысли:
Тот, кто занят словами, не ведает мысли.

³⁰ Свод сведений об оценке самим Навои своей роли поэта — первооткрывателя больших жанров тюркской поэзии см. в интересной книге И. Султанова: *Султон И. Асарлар. Тўрт томлик. Учинчи том. Навоийнинг қалб дафтари. Буюк шоирнинг ҳаёти билан ижоди ўзининг ва замондошларининг тасвирида*. Тошкент, 1973.

Смысл сокрытый, что стал для меня достижим,
Птичьей речью теперь я поведал другим.

С этой речью обычным словам не сравниться,
Смысл ее непорочный в стыде не таится.

Птичьи речи познавший поймет мое слово,
А еще — сверх понятия — примыслит иного.

И смышленная птица, поняв эту речь,
Все поймет, что из слов ее можно извлечь.

Объективно иносказательная сущность поэмы, которая должна быть понята читателем (автор, как мы видим, призывает читателя к этому), представляется в виде целого комплекса содержательных построений, как бы вдвинутых одно в другое. Первое иносказание — это странствие птиц, познающих Симурга в себе. За этим иносказанием скрыто более глубокое — повесть о странствии самого автора по дорогам бытия. Но и этим иносказанием не ограничивается, так как Навои всей поэмой показывает, что свершение своих помыслов, начиная с тех, которые он лелеял в детские годы, он обрел в себе, в своем служении творчеству.

Навои осознает поэму как заключительную песню, в которой он осмысливает все свое творчество. Бейты 3341—3344:

Все, что смог он собрать своим песням в угоду,
Он, когда его жизнь подступила к исходу,

В песнь вложил — о мирском цветнике и о птицах,
Да не только о них — о зверях разнолицых.

Он своими устами сто песен пропел —
Все о тайнах господних свершений и дел.

И его опалило благое то пламя,
И его и внимавших сожгло это пламя!

Навои очень ясно понимает масштабы своего творческого подвига и самоограничений, связанных с ним. В конце поэмы — там, где он объясняет свой тахаллус «Фани», Навои говорит (бейт 3563):

Здесь конца не достигнешь, не став отрешенным, —
Потому — знак «Фани» на труде завершеном.

Таким образом, в структуре поэмы, в ее композиции просматривается утонченный замысел и глубокая гармония, позволяющая сделать весьма существенный вывод: «Язык птиц» — удивительное по авторской сверхзадаче и по ее решению произведение. Как сознательная итоговая исповедь большого художника «Язык птиц» необычайно гармонично завершает жизнь великого поэта, всю — от начала до конца — представлявшую собой целенаправленный творческий подвиг.

Приверженность в юности к поэме Аттара и создание собственной поэмы на тот же (и, как мы видим, совсем не «тот же») сюжет являют собой как бы рамки творческой жизни Навои, симметрия которых очень наглядно очерчивает поразительную цельность всего творческого пути Навои: Аттар→собственные персидские стихи→тюркские стихи (лирика)→создание «Пятерицы»→теоретические трактаты как итог и обоснование собственных свершений→«Язык птиц» как художественное обоснование и завершение пути («возврат к началу»).

Таким образом, суфийская идея постижения истины в себе получает у Навои глубоко личное и человеческое, земное претворение вне каких-либо мистических рефлексий. Идея странствия, столь популярная в суфийской литературе (странствие ради обретения разумной души, странствие во имя позна-

ния сокрытой истины и т. д.) предстает у Навои как рассказ о «страннических» коллизиях человеческой жизни. В конкретных очертаниях жизни Навои путь странничества оказывается наполненным единственным и неповторимым содержанием — обретением истины собственной жизни в себе, но лишь потому, что жизнь эта была творческим подвигом не личного порядка, а служением искусству и, следовательно, человеку.

Объективно тем самым предсмертное произведение Навои является уникальным памятником мировой литературы, так как оно представляет собой художественную исповедь крупного мастера слова, сознательно предпринятую им как завершение творческого пути и отразившую осознание поэтом значительности своих свершений.

В свете всего сказанного о сложной гармонии различных сюжетных линий — явных (странствие птиц) и тайных (собственное авторское «странствие») — и о «подгонке» сюжетной и дидактической линий повествования композиционная структура поэмы в чисто художественном плане, в плане поэтики выглядит как художественное построение исключительной цельности и гармоничности: это — художественно обобщенный итог долгих лет творчества.

Содержание и структура поэмы — лучшее доказательство того, что Навои не был суфием-ортодоксом. Как мы видели, Навои необычайно широко, можно сказать в общечеловеческом смысле, понимает идею познания истины в себе. Об этом же свидетельствует и та система иносказаний, которая открывается во вставном рассказе о шейхе Санане.

При этом важно отметить, что это понимание лишено у Навои какого-либо ханжеского аскетизма, регламентировавшегося буквой суфийского учения. Навои, конечно же, мутасаввиф, т. е. «попутчик» суфийской доктрины. В этом плане показательно, что собственно суфийская вводная часть поэмы Аттара менее всего отразилась в сочинении Навои. Соглашаясь с таким представлением об отношении Навои к суфизму, следует совершенно отчетливо понимать, что суфийская философия была важнейшим слагаемым образованности Навои и что она не могла не быть наиболее существенной частью его «идеологического» образования.³¹

7

Б. А. Ларин совершенно справедливо отмечал «неверно направленный интерес» читателя и исследователя при соприкосновении со своеобразным миром древних литературных памятников. Этим «неверно направленным интересом», по мысли Б. А. Ларина, затрудняется объективная оценка свежести и действительности, а также самой эстетической и художественной эффективности литературного факта давних лет.³²

Правильное понимание содержательных и выразительных свойств бейта требует уяснения всех его эстетико-художественных функций, при этом непре-

³¹ См.: *Бертельс Е. Э.* Навои и Джами // Бертельс Е. Э. Избранные труды. М., 1965. Т. 4.

³² См.: *Ларин Б. А.* Эстетика слова и язык писателя. Л., 1974. С. 76.

менно в связи с общим контекстом всей поэзии, имеющей своей основой «бейтовую» структуру.

Бейт в поэтическом произведении является основной строфической и образной единицей. Бейт состоит из двух полустиший, связанных определенной рифмой, которая обусловлена поэтическим жанром. Эпический жанр маснави, в котором создана поэма Навои, имеет парную рифмовку — аа, бб, вв. . .

Бейт представляет также и единицу смысла, оба его полустишия объединены одной мыслью. В маснави встречаются случаи, когда мысль развивается на протяжении нескольких бейтов. Парная рифмовка в маснави способствует тому, что именно в этом жанре наиболее четко проявляется стремление бейта к афористичности.

В маснави бейты при всех своих свойствах художественной обособленности, завершенности и афористичности должны быть связаны известной последовательностью в развитии сюжета.³³ Однако такое развитие характеризуется неторопливостью, эпической сдержанностью. Движение от бейта к бейту осуществляется в рамках основного смысла посредством минимальных «накоплений» нового в развитии заданного смыслового направления. При этом у читателя создается впечатление, что бейты в пределах данной замкнутой их последовательности как бы сделаны из одного материала. Эта особенность текста в подобных случаях являет собою отражение одного из свойств средневековой эстетики в целом. Свойство это — стремление автора приблизиться к идеальному отражению задуманного по-

³³ См. свойства бейтов в газели: *Бертельс Е. Э.* Навои. С. 74.

средством различных «заходов» к одной и той же микротеме, убеждение в том, что большое количество попыток приближения к сокровенному смыслу приведет к желаемому результату.³⁴ В этом плане характерны бейты 1789—1801:

Кто и ночью и днем у злонравия в путах,
Тот обрек себя жить в испытаниях лютых.

Кто велениям нрава послушен, как раб,
Будет тот и в великом ничтожен и слаб.

Кто без прихоти нрава не молвит и слова,
Все свершит он, что нрав пожелает дурного.

Тот, чьей воле запрет своенравью неведом,
Будет всюду за прихотью шествовать следом.

Ты, подобно ослу, взнуздан силою уз —
Свой же собственный нрав волочишь словно груз!

И куда устремит он свой путь, ты — туда же,
Где он место найдет отдохнуть, ты — туда же.

Еще в детстве своим же осиленный нравом,
Был ты предан нелепым и глупым забавам.

Ты и взрослым от этих забав не отвык,
О себе не задумался ты ни на миг.

А состарился — вызрели нрав твой и норы,
Весь опутан ты злобою смут и раздоров.

Жизнь твоя в заблуждениях зла пролетела,
Смерть пришла — и раскаяньям нет и предела.

Жизнь прошла, а велений ты божьих не знал,
Дел иных, кроме злых и негожих, не знал.

В целом мире нелепых, как ты, и не сыщешь,
И проживших года столь пустые не сыщешь.

Был ты жив — таковы твои были деянья,
А умрешь — берегись: что придет в воздаянье?

³⁴ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. С. 114—117.

Такое нанизывание сходных смыслов давало возможность сохранять в бейте то качество, которое являлось мерилom его эстетической ценности, а именно — афористичность.

Это свойство бейта в русле упомянутых эстетических норм и требований удавалось культивировать благодаря ограниченности сюжетного движения. Ср., например, бейты 1721—1729, где все бейты афористичны, хотя смысловое развитие достаточно очевидно:

Мир — не вечный приют в безмятежной долине, —
Всем единый исход предуказан в кончине.

Ждать достойной кончины, неся этот грех? —
Ты негожее место избрал для потех!

Знай: невеждой невежд, простаком прослывешь ты,
У разумных мужей дураком прослывешь ты!

Если духу от скверны избавиться надо,
Это просто, о ты, неразумное чадо!

В покаянье — тебе избавленье от бед,
Среди мрака терзаний — немеркнувший свет.

Грязь греха никому ведь чужда не бывает,
Чистоты без греха никогда не бывает!

И сынам человеческим, созданным богом,
Не дано вековать в целомудрии строгом.

О глупец! Если ты не содеял бы зла,
Для кого бы спасением милость была?

Даже тот, чье чело от грехов пожелтело,
Покаянием сможет очиститься смело.

И все же для поэмы «Язык птиц», как и для других произведений подобного жанра, наиболее характерным является «такое членение стихового потока, при котором последовательность определенного количества связанных друг с другом бейтов

как бы прерывается бейтом-афоризмом, заключающим данное смысловое единство». ³⁵ Таковы почти все ответы Удода птицам.

Каждый бейт у Навои отмечен высоким совершенством. Можно определенно сказать, что в поэме «Язык птиц» Навои выступает во всеоружии изощреннейшего мастерства, подготовленного всем предшествующим его поэтическим творчеством, в особенности, если говорить о жанре маснави, созданием «Пятерицы».

Несомненно огромное искусство Навои в построении своеобразной гармонии бейтов, требующей согласованности их «разбега» с отделкой каждого бейта как замкнутой единицы текста. Для подтверждения этого свойства поэзии Навои пригоден почти каждый наудачу взятый фрагмент, например, бейты 2062—2073:

В одоление такой непроглядной пустыни
Даже храбрые могут предаться кручине.

Мужа тешит заботой любая стезя,
Беззаботному доблестным зваться нельзя.

Смелый радость создаст и из лютой невзгоды,
Зло добром одолеть — верный признак свободы!

Скорбь и муки — везде во вселенском просторе,
Что ни миг — всюду беды и новое горе.

В человеческой душе человечесна печаль,
И такую бывала извечно печаль.

Даже призванный к подвигу высшим глаголом
Терпит муки на поприще скорбно-тяжелом.

Тот, кому гнет печалей был прежде неведом,
Человечность познав, приобщается к бедам.

³⁵ Иванов С. Н. Поэма Алишера Навои «Язык птиц». . .
С. 146.

Если, каясь, томишься ты в горьком стыде,
Путь добра избери, о погрязший в беде!

А печаль обретешь — сердце благостью радуй,
И свобода для сердца пребудет наградой!

Лишь благие из мук сотворяют усладу,
Им дано в безотрадном провидеть отраду.

Скорбь свершений для благостных целей дана,
Боль души для грядущих веселий дана.

Кто безбеден, тот мужем не звался и сроду,
А осиливший скорбь — обретает свободу!

Бейт двоичен по самой своей природе. Наличие в нем двух полустиший (мисра) предопределяет и его смысловую структуру. В смысловой структуре бейта обычно имеется параллелизм, поддерживаемый в жанре маснави (в отличие от газели и других жанров) также и рифмовкой двух мисра между собой.

Двоичность смысловой структуры бейта реализуется как сближение, сопоставление, сравнение, сличение каких-либо двух предметов, явлений, «сутей» и т. п. Это свойство бейта находится в четкой гармонии с бинаризмом средневекового художественного мышления.³⁶

Названная особенность средневекового мышления нашла свое отражение и в философских построениях суфизма, в основе которых лежит постоянный последовательный дуализм представлений и понятий. Естественно, что в той поэзии, которая возникла на идейной и эстетической основе суфизма, собственно поэтические образы восприняли упомянутый дуализм. Результатом этого явилось становление и

³⁶ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. С. 120.

упрочение своеобразной поэтики, отмеченной ярко выраженными дуалистическими, дихотомическими свойствами. «... При рассмотрении образов приходится постоянно помнить, что применение их обычно происходит в форме своеобразной дихотомии. Образ положительный обычно сопровождается его диаметральной противоположностью, являющейся его отрицанием. Этот дуализм не может показаться странным, если учесть то обстоятельство, что основной смысл таухида и заключается в том, чтобы путем того или иного метода слить воедино две диаметрально противоположные величины. Исходя из основного противопоставления ваджиб — мумкин (необходимость — возможность), мы находим это раздвоение красной нитью проходящим по всем суфийским концепциям, начиная от противопоставления духовных миров и кончая раздвоением в психических переживаниях посвящаемого. . .»³⁷

Такое попарное соположение понятий претворяется в поэзии в собственно поэтические категории стилистико-синонимических повторений, симметрии, контраста и т. п.

8

Значительное место в структуре поэмы занимают притчи: они составляют существенное слагаемое сочинения и в чисто количественном отношении (1736 бейтов из общего числа 3598), и в композиционном аспекте (своеобразный контрапункт чередования с сюжетными частями), и в содержательном наполнении поэмы (как основа дидактической линии).

Притчи (при всем их разнообразии в разных

³⁷ Бертельс Е. Э. Суфизм. . . С. 111.

литературах) как жанр являют собою короткие назидательные рассказы обычно обобщающего характера. Притчи в литературах тюркоязычного и ираноязычного региона характеризуются такими же особенностями: им присущ обобщенно-трансформированный³⁸ тип повествования нравоучительно-назидательной направленности.

Притчи представляют собою вставные звенья. Известно, что вставные эпизоды в повествовании — чрезвычайно древняя категория. Будучи инородными по отношению к основной линии повествования в каждом данном произведении, вставные звенья как элемент композиции являются практически неизбежным и почти вездесущим фактором структуры литературного произведения. Подтверждением этого факта являются многочисленные и разнообразные вариации вставных эпизодов: вставные новеллы, «обрамления» основной линии, лирические отступления в нелирических жанрах, пейзажные зарисовки среди динамического повествования («остановки в движении») и т. д. При этом следует иметь в виду, что степень инородности вставных звеньев может быть различной, в силу чего иногда оказывается затруднительной объективная оценка степени отдаленности вставного эпизода от основной линии сюжета, т. е. степени их внесюжетности.

В широком смысле слова даже, например, экспозиция действующих сил и «досюжетных содержаний» (прошлое героев, изложение причин основного конфликта и т. п.) может быть причислена к вставным.

В крайних проявлениях вставной структуры,

³⁸ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы... С. 69—70.

когда вставные элементы в количественном отношении становятся существенной частью общего текста произведения, речь может идти уже не о вставных эпизодах, а о неоднoplanовости всего произведения. Часто такая неоднoplanовость выступает как двуплановость, как структура, возникшая в результате пересечения и взаимодействия двух линий повествования. При этом каждая из двух линий выполняет определенную роль по отношению к другой. Их единство и создается взаимодействием обоих сюжетно-композиционных начал.

В поэме «Язык птиц» вся средняя часть поэмы, т. е. весь ее состав за вычетом обязательной вводной части и необязательной заключительной части, строится как переплетение собственно сюжетной (странствие птиц) и дидактической (притчи) линий.

Анализ композиции поэмы с точки зрения реализации в ней замысла Навои показывает, что основная задача произведения как целого состоит в исповедальных моментах, а дидактическая линия поэмы носит явно подчиненный характер. Но произведение такого рода во времена Навои не могло быть вовсе лишено дидактической направленности.

В поэме «Язык птиц» притчи и являются основным носителем дидактического смысла. Однако объективно их функция оказывается гораздо более существенной и глубокой. Дело в том, что притчи в чисто художественном и эстетическом отношении допускают значительную свободу содержания, менее связаны с традиционными установлениями. Соответственно этому в притчах и образность предстает в несколько ином, как бы «раскованном» виде, а само повествование приобретает отдельные штрихи такого художественного метода, в котором можно усматри-

вать зарождение реалистического отражения действительности.³⁹

В персидско-таджикской литературе притчи бытуют с давних времен. Уже у Санаи (XI в.) в тексте поэмы есть вкрапления народных легенд и преданий, приспособленных к морализующим стереотипам суфийской доктрины.⁴⁰ Е. Э. Бертельс указывал, что этот прием приспособления произведений народного творчества к потребностям суфизма был «доведен до высшего совершенства» Аттаром и Руми.⁴¹

У Аттара в «Беседах птиц» притчи приобретают живость и из кратких формул-сентенций превращаются в «красочные, яркие картины».⁴² У Руми притчи уже изобилуют реалистическими подробностями. По мнению Е. Э. Бертельса, важным этапом в развитии притчи как жанра было творчество Джами, у которого притча освобождается от рамок чистого дидактизма, перерастая в жанр аллегорического романа.⁴³

Характер притч у Навои в основной их массе — назидательный. К жанру аллегорического романа приближается притча о шейхе Санане, которая и по своему объему (514 бейтов) резко обособлена от остальных. В свою очередь некоторые притчи, главным образом те, которые значительны по объему, имеют определенное жанровое сходство с рассказом

³⁹ См.: Брагинский И. С. Проблемы востоковедения: Актуальные вопросы восточного литературоведения. М., 1974. С. 255—256.

⁴⁰ Бертельс Е. Э. Суфизм. . . С. 320.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 79.

⁴³ Там же. С. 82.

о шейхе Санане. Это — притчи о шахе и подарках (бейты 2403—2483), об ученике Аристотеля и красавице (бейты 1968—2016), о двух плутовках (бейты 2802—2946).

В отношении содержания притч поэмы следует указать на детальный анализ его, выполненный Е. Э. Бертельсом в работе «Навои и Аттар».⁴⁴

Большая часть притч у Навои оригинальна по содержанию и не совпадает с аналогичными частями поэмы Аттара. Соотношение самостоятельных притч, созданных Навои, и притч, содержание которых заимствовано у Аттара, составляет примерно 4 : 1, из 63 притч 51 оригинальна и лишь 12 вторичных.⁴⁵ В числе 12 притч с заимствованным сюжетом имеются притчи с традиционными сюжетными мотивами (например, о слепцах и слоне, об игре в шахматы и др.). Оригинальные притчи Навои уже сами по себе, т. е. безотносительно к их роли в строе поэмы, замечательны: достаточно вникнуть в их художественную структуру, чтобы признать удивительный талант поэта и его изощренное мастерство. Таковы, например, притчи о медведе и горце, об Асмаи, о рухнувшей стене, о безумце и осле.

В характере расположения притч в поэме и в соотношении их содержания, с одной стороны, и общего хода повествования, с другой стороны, заключены своеобразная гармония и тонкий художественный умысел. В первой половине поэмы притчи сопровождают ответы Удода на отговорки конкретных птиц, прямо названных в тексте поэмы (соловей,

⁴⁴ Там же. С. 377—421.

⁴⁵ Там же. С. 417.

попугай, горлица и т. д.). Птицы в этой части поэмы еще не вступили на путь высшего познания и постижения истины и потому они носят свои «мирские» имена. Притчи этой группы соответственно содержат рассказы о случаях из жизни, бытовые зарисовки и жанровые сценки — о лентяе-попрошайке, о мошеннике-ювелире, о толстяке-обжоре и т. д. В той части поэмы, где повествуется уже о пути птиц к познанию высших сутей, птицы утрачивают свои «мирские» имена и называются просто «одна птица», «другая птица» и т. п. Соответственно изменяется и характер притч: теперь они уже содержат истории из жизни мусульманских праведников, легендарных или реально существовавших суфийских подвижников и деятелей.

Некоторые притчи представляют собой пересказ известных библейских сюжетов (притча об Адаме Непорочном, о Сулеймане и его придворном, которому суждено было умереть в Индии, о гордом Азазиле, не преклонившемся перед Адамом).

В художественном отношении самое примечательное в притчах — элементы реалистического отражения действительности. Это проявляется и в нетрадиционности сюжетных коллизий, и в частичном ослаблении требований литературного этикета, и в появлении свежей, нетрадиционной образности.

Именно указанными художественными свойствами определяется композиционная роль притч. Притчи равномерно чередуются с фрагментами собственно сюжетного содержания, в которых преобладают образы традиционного плана. Нужно учитывать еще и то обстоятельство, что в основной части поэмы имеется и сюжетная заданность, тогда как притчи оригинальны по содержанию. Читателям и

слушателям — современникам Навои и более поздним по времени — поэма была интересна всем своим содержанием, а средством поддержания их внимания на определенном уровне было продуманное чередование заданности и незаданности содержания, традиционности и нетрадиционности художественных образов.

В этом плане примечательным является то, что композиционной кульминацией поэмы Навои сделал притчу о шейхе Санане.

9

Притча о шейхе Санане — самый большой вставной фрагмент (бейты 1053—1567). По внешней линии развития сюжета это рассказ о мусульманском праведнике, отправившемся по неизъяснимому зову сердца в христианские страны и полюбившем там девушку-христианку, а также о последующем прозрении шейха, возвращении его под сень «истинной» веры.

Различные вариации этого сюжета получили значительное распространение в литературах Ближнего Востока, Средней Азии и Закавказья. Существует предположение, что сюжет рассказа-легенды восходит к фольклорным истокам и зародился в ираноязычной среде в период становления суфизма.⁴⁶ Первая из известных науке литературная обработка сюжета принадлежит Аттару. В поэме Аттара рассказ о шейхе Санане представляет собой иллюстрацию

⁴⁶ См.: *Факи Тейран. Шейх Санан / Критический текст, перевод, примечания и предисловие М. Б. Руденко. М., 1965. С. 4—5.*

к ответу Удода на вопрос птиц о пути, который ведет к постижению сущности Симурга. Рассказ этот занимает в поэме Аттара центральное место и, по мнению Е. Э. Бертельса, является «самой блестящей и прекрасной частью всего произведения».⁴⁷ Е. Э. Бертельс указывает также, что вставной рассказ о шейхе Санане у Аттара по существу является сжатую и изложенную в популярной и художественной форме характеристику основ суфизма, его основной идеи — идеи полного растворения личного «я» в божественной сущности всего сущего.⁴⁸

Предпринятое Е. Э. Бертельсом сличение текстов Аттара и Навои показало, что в этой части своего произведения «...Навои, пожалуй, подошел ближе всего к своему основному заданию — дать перевод персидской поэмы, ибо временами он интерпретирует Аттара строка за строкой, почти буквально сохраняя его обороты речи».⁴⁹ Тем не менее Бертельс отмечает, что поэму Навои нельзя считать переводом в собственном смысле слова, так как Навои проявил значительную самостоятельность в деталях, например в описании христианского монастыря.⁵⁰ Далее будет показано, что в рассказе о шейхе Санане, как и в других местах поэмы, самостоятельность Навои проявляется не внешне, а внутренне и носит, если позволительно так сказать, гораздо более «хитрый» характер.

⁴⁷ Бертельс Е. Э. Суфизм... С. 400.

⁴⁸ Как говорит Бертельс, это явилось причиной того, что рассказ Аттара о шейхе Санане часто переписывался отдельно от всей поэмы. См.: Бертельс Е. Э. Суфизм... С. 400.

⁴⁹ Бертельс Е. Э. Суфизм... С. 400.

⁵⁰ См.: Там же. С. 400.

Внешняя канва сюжета в рассказе о шейхе Санане у Навои выглядит следующим образом. Муж великой праведности, живший около Каабы шейх Санан видит вещий сон. Ему снится, будто он приходит путником в христианские земли и принимает там христианскую веру. Сон этот повторяется много раз, и шейх решает, что видение, являвшееся ему, — перст судьбы. Он отправляется в странствие вместе с четырьмястами своих мюридов. На пути им попадает христианский монастырь, где шейха пленяет дева неопишуемой красоты. Охваченный всежигающей любовью, шейх забывает свой подвижнический обет, и мюриды покидают его. Ради возлюбленной шейх совершает самые тяжкие прегрешения: подвергается обряду крещения, пьет вино, повязывает зуннар, молится идолам, пасет свиней, служит истопником в огнемолельне.

Один верный шейху Санану мюрид, не ходивший с ним в христианские земли, а бывший в это время в паломничестве, возвращается в обитель и укоряет мюридов, бросивших своего наставника в трудное для него время. Все вместе мюриды отправляются в путь, находят шейха, пасущего в это время свиней, вновь покидают его и возвращаются домой.

Верный мюрид, тоже увидевший в этот раз всю глубину падения шейха, горячо молится за своего наставника, и ему является в видении пророк, велящий всем мюридам спасти шейха. Они снова идут в земли христиан, встречают своего наставника, и им удается отвратить его от чужой веры. Когда все мюриды во главе с шейхом Сананом выходят в свой обратный путь, христианскую деву, которая была причиной всех бедствий шейха, посещает сновидение, укоряющее ее за жестокость к шейху. Она

устремляется вслед за шейхом, одолевает большую часть пути, но теряет силы и падает без чувств в пустыне. Шейх и мюриды его находят деву, она перед смертью на короткий миг приходит в сознание, успевает покаяться в своих грехах и воспринять от шейха величие истинной веры. Путники возвращаются к Каабе, где и мертвая дева обретает вечное успокоение рядом со священными могилами.

Большое впечатление производит композиционное мастерство Навои. Он и здесь использует излюбленный им прием обрамления: по краям рассказа как бы «возвышается» Кааба (бейты 1054 и 1566), а между этими крайними точками размещаются три похода от Каабы в христианские страны и три похода в обратном направлении: 1) поход шейха с мюридами и возвращение мюридов (бейты 1075—1400), 2) поход мюридов во главе с верным мюридом и их возвращение (бейты 1441—1451), 3) второй поход всех мюридов и возвращение их вместе с шейхом (бейты 1479—1500). Опорными пунктами повествования являются также три сновидения: самого шейха (бейты 1065—1069), верного мюрида (бейты 1456—1477) и девы (бейты 1502—1508).

Изобразительное мастерство Навои на всем протяжении рассказа предстает в очень совершенном, а местами даже изощренном виде. В рассказе имеются эпизоды, производящие весьма сильное впечатление. Это — описание христианского монастыря (бейты 1085—1098), картина «ночи бедствий» (бейты 1144—1154), сетования шейха на свои несчастья (бейты 1170—1189), разговор шейха с мюридами (бейты 1191—1220), диалог шейха с девой (бейты 1270—1322), эпизод со свиньями и огнемольней (бейты 1385—1396), один из завершаю-

щих фрагментов — обретение дево́й «истинной» веры (бейты 1502—1542).

Описание христианского монастыря, далекое, разумеется, от реализма и основанное не на точном знании, а на традиционных представлениях ислама, отличается тем не менее богатой образностью и выразительной пластичностью (бейты 1085—1098).

Смысл рассказа содержит в себе несколько планов. Выше приводилось мнение Е. Э. Бертельса о том, что рассказ о шейхе Санане является художественно обобщенным изложением основной идеи суфизма. Это мнение несомненно правильно. Если внешняя занимательность сюжета позволяла рассказу быть интересным для читателей и слушателей самых различных умонастроений, то суфийски настроенный читатель мог оценить осведомленность автора в тонкостях суфийского учения и последовательность его в изложении истории заблуждения и прозрения шейха Санана.

В этом плане сон шейха о переходе его в иную веру и дальнейшее претворение этого сна в реальные события представляется вариацией суфийских представлений о заблуждении как ступени в познании высшей истины. Заблуждение шейха показано как максимально возможное для мусульманина и суфия падение. Внешними атрибутами грехопадения героя оказываются в рассказе все те качества, которые мусульманская религия связывала с понятием безверия.

Е. Э. Бертельс справедливо указывает, что у Навои, как и вообще в мусульманских традиционных представлениях о других религиях, смешаны понятия христианства и зороастризма.⁵¹ В рассказе дан

⁵¹ См.: Там же. С. 401.

обобщенный образ безверия, содержащий целый комплекс грехов. Читатель встречается здесь с монастырем — пристанищем всяческого зла, с огнепоклонничеством, с поклонением идолам, с поясом зороастрийцев — зуннаром, со стадом свиней, с винопитием, с обрядом крещения... в вине (!), с чашей гебров, с колокольным звоном и т. д.

Но даже и такое падение не является окончательной гибелью для павшего. Именно на фоне, казалось бы, уже бесповоротной победы зла разворачивается картина полного прозрения и очищения шейха. Для суфизма важна конечная цель — отречение и отрешение от личного во имя торжества надличного, которое представляется в виде растворения собственного «я» в божественной сущности.

В связи с суфийской проблемой «заблуждения» и трактовкой ее в рассказе о шейхе Санане интересно вспомнить, что во многих ответах Удода на вопросы птиц и притчах варьируется та же тема возможности очищения от любого греха.

Путь одоления грехов — это путь утверждения истинной любви и отказа от любви земной, мнимой любви. История любви шейха Санана к деве-христианке и преодоления шейхом своей страсти — тоже вариация этой темы, в ином виде изложенной в притче о любви ученика Аристотеля (Арасту) к красавице (бейты 1968—2031).

Однако названная тема в рассказе о шейхе Санане получает развитие в усложненном виде. Шейх не просто отвергает земную любовь к христианской деве. Движимый состраданием к ее горю, он возвращается к ней, чтобы обратить ее в свою веру. В отношении же мусульманской веры он ведет себя как истинный суфий: для него не страшны любые отступ-

ления от внешних примет ислама, если цель его стремлений — познание бога в себе и отрешение от мирской суетности. Именно в этом плане можно понимать «кощунственные» обещания автора в отрывке, предваряющем рассказ о шейхе Санане.

Следовательно, общая линия суфийского смысла рассказа может быть понята как проповедь истинной всепоглощающей любви, преодолевающей все препятствия — искушения, враждебные внутренним суфийским устремлениям ситуации жизненного пути и главного врага в лице собственного «я».

Но Навои не был суфием в полном смысле этого слова, он был мутасаввифом, т. е. человеком, приобщенным к идеям суфизма в их общенравственном значении. Практически это означало, что суфизм как философия был основной частью его образованности.

С учетом этого последнего обстоятельства должен быть рассмотрен и вопрос о композиционной роли рассказа о шейхе Санане. Это в свою очередь позволяет уточнить, в какой мере для Навои был важен собственно суфийский смысл рассказа.

Если соотнести рассказ о шейхе Санане с общей композицией поэмы, которая, как мы видели, подчинена решению «сверхзадачи» Навои — созданию произведения итогового, исповедального, произведения, в котором «птичьим языком» говорится о собственном творческом пути, то вряд ли можно сомневаться в том, что рассказ о всепоглощающей любви, расположенный в самом центре поэмы, имеет для Навои особый смысл.⁵²

⁵² Ср. иное объяснение рассказа о шейхе Санане у Бертельса: *Бертельс Е. Э. Навои. С. 241.*

Вся поэма Навои — это аллегорическое повествование о всепоглощающей любви к творчеству и в этом смысле — об отречении от себя ради творчества. Поэтому и рассказ о любви, представляющий из себя кульминацию поэмы, следует понимать не только и не столько в суфийском смысле, сколько в аллегорическом, т. е. в свете несомненного исповедального характера поэмы.

Этим обстоятельством подтверждается также и то, что не суфийские теоретические построения сами по себе имели для Навои решающее значение. Для Навои суфизм — не цель, а средство, т. е. система знаний, призванная служить познанию, осмыслению действительности.

Если согласиться с таким пониманием отношения Навои к суфизму и «функционирования» суфийских понятий и категорий в его последней поэме, то факт обрамления рассказа о шейхе Санане двумя тахаллусами поэта становится понятным. В рассказе о шейхе Санане и в отрывках, предваряющих и заключающих данный рассказ, отчетливо выражена личность автора.

10

Проблеме личности автора в современном литературоведении уделяется большое внимание.⁵³ Более того, признавалось, что все наблюдения частного порядка относительно того или иного литературного произведения в конечном счете направлены к уяснению главного — фактов, связанных с личностью ху-

⁵³ См., например: *Виноградов В. В.* О теории художественной речи. М., 1971. С. 118, 181, 184.

дожника, с его идейным и художественным замыслом, с его поэтикой.⁵⁴

Известно, что в средневековой литературе личность автора сказывается вообще слабее, чем в литературе нового времени.⁵⁵ Причина этого состоит в том, что средневековый литературный этикет и традиция сводили к минимуму авторскую индивидуальность. Особенности художественного метода, присущими тому или иному жанру, ограничивались индивидуальные авторские склонности. Автор следовал жанровой традиции.⁵⁶ Естественно, что и Навои в своем творчестве соблюдает ограничения, накладываемые традицией. В газелях — он следует традиции жанра газели, в касыдах — творческий метод и стиль, присущие этому жанру, и т. д. Наибольшую свободу для проявления личности автора давала поэма-маснави: развитие сюжета, множество действующих лиц, наконец объем произведения — все это давало большой простор творческой фантазии автора.

Из всех поэм Навои «Язык птиц» — самое «личное» произведение. В нем ярко проявляется личность автора, его взгляды на человека и его место в окружающем мире. Личное начало в поэме постепенно нарастает от начала к концу произведения.

В начале поэмы личность автора находит отражение в традиционном, как и у всех авторов того времени, покаянии, обращении к богу с просьбой о милосердии и помощи в трудном деле создания большого произведения.

⁵⁴ См.: *Винокур Г. О.* Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 254.

⁵⁵ См.: *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы. С. 144.

⁵⁶ См.: Там же.

В этом же ключе Навои упоминает себя под псевдонимом (тахаллусом) «Фани» и в бейте 177.

Следующий фрагмент поэмы, где Навои говорит о себе, чрезвычайно интересен с точки зрения соотношения объективного и субъективного, сюжетного и личного. Это — фрагмент, предшествующий рассказу о шейхе Санане (бейты 1045—1052):

О слагающий песнь! Спой нам горестным ладом!
Кравчий! Счастье мне будет губительным ядом!

Чашу горя мне дай и недуг подари,
И душе участь горестных мук подари!

Выпью чашу — и жизнь свою разом забуду,
Веру в бога, рассудок и разум забуду.

Дом неверия лучшим из мест я признаю,
Повяжу я зуннар, даже крест я признаю.

Захмелев в кабачке, позабуду я честь,
И, спаливши Коран, стану идолов честь.

Я в чертоге любви свою веру порушу,
От стыда и от чести избавлю я душу.

Буду в колокол бить непотребным я звоном,
Перед идолом ниц, дам я волю поклонам.

К пояснице своей повяжу я зуннар,
Изойду болтовнею, веселием яр.

Все то, что автор показывает в этих бейтах как свои будущие качества, на самом деле в поэме предстает в последующем как развитие сюжетных перипетий странствия шейха Санана в земли христиан.

Это, разумеется, не прямое отождествление себя с героем вставного рассказа (и о том, что такого отождествления в поэме нет, говорят бейты, следующие за рассказом), но в показанном сближении личности автора с сюжетными мотивами последующего рассказа можно видеть характерный литера-

турный прием увязывания личного и внеличного, лирического и эпического. Смысл этого приема сводится к тому, что автор как бы говорит: вот, мол, к каким сюжетным коллизиям я приведу повествование.

За рассказом о шейхе Санане в рамках этого же самого фрагмента идут следующие бейты 1559—1563:

А потом, как и я, присмирившись навек,
На чужие сердца не ходил он в набег.

Говорят, у меня бед не больше бывало, —
Да, не больше, а все же их было немало!

Эй, постой, Навои, прекращай эти речи,
О любви не суди — забредешь ты далече!

Если срок, хоть и малый, а будет мне дан,
О любви моей тоже сложу я дастан.

И судящий всегда обо всем справедливо,
Сам увидит, верна моя речь или лжива.

Слова о том, что Навои сложит особый дастан о своем отношении к любви (разумеется, к истинной любви), — это традиционное обещание автора вернуться к данной тематике.

Такого рода обещание — чрезвычайно распространенный мотив в эпических сочинениях. Посредством обещания автор как бы просит извинения за несовершенство этого своего произведения и отсылает читателя к будущему сочинению, где он сможет в большей степени приблизиться к идеалу. Следует попутно заметить, что само представление о возможности идеального отражения описываемого, т. е. такого отражения, где в идеальной гармонии представнут вечные истины, является исторической категорией средневековой литературы.

Однако обращают на себя внимание слова: «Если срок, хоть и малый, а будет мне дан» (бейт 1562). В подобных случаях авторы обычно говорят о более длительных сроках жизни. Не намекает ли этими словами Навои на то, что повесть о нем самом и о его «любви» следует искать в этом же самом произведении. Если учесть те факты, которые были приведены выше, относительно изощренной композиции поэмы и отражении в ней исповедальных и личных мотивов, то высказанное здесь предположение представляется не лишенным оснований.

При таком предположении проясняются и причины, побуждающие автора в данном фрагменте упомянуть тахаллус «Навои» (бейт 1561). Тахаллус упоминается в контексте «прекращай эти речи». Следовательно, Навои должен завершить свои речи и в дальнейшем сказании о своей любви (истинной любви) уступить место тому, кто носит тахаллус «Фани» (упоминается в бейтах 2485, 2621, 3008, 3055, 3269, 3272, 3387, 3394, 3400, 3466, 3552—3569).⁵⁷

В целом же в поэме «Язык птиц» вырисовывается удивительная симметрия личного и внеличного, авторское «я» упоминается в самом начале поэмы и в самом конце, а также в середине — по сторонам вставного рассказа о шейхе Санане. До упоминания тахаллуса «Навои» — около 1,5 тысячи бейтов (1560), и после него — около 2 тысяч бейтов (2037).

Личностными мотивами пронизаны и мунаджаты («мольбы», «моления») в конце поэмы. Они говорят

⁵⁷ Е. Э. Бертельс объясняет возврат к тахаллусу «Фани» тем, что Навои предвидит свою близкую кончину. См.: *Бертельс Е. Э. Навои. С. 239.*

о желании автора следовать тем путем в своей жизни, который изложен в поэме, в них он просит всевышнего о снисхождении и помощи на этом пути. Морально-этические нормы, нашедшие выражение в поэме, — это личное кредо автора, а вся его жизнь — образец служения народу, его культуре, науке, процветанию.

Мунаджаты так же, как и следующая за ними автобиографическая часть поэмы (бейты 3476—3526), связывают «сказочный» сюжет с действительностью. Автобиографическая часть поэмы представляет собой выражение сокровенных и давних замыслов автора, которые владели им на протяжении всей жизни. Он вспоминает время учения в медресе: перед читателем предстает мальчик, который так полюбил поэму Атгара, что выучил ее наизусть, повторяет ее постоянно несмотря на запреты родителей. До Навои в тюркоязычной литературе автор никогда не рассказывал о своей жизни в своих произведениях. Это не было общепринятым правилом. К концу XV в. в литературе накопились те изменения, которые должны были способствовать ее дальнейшему развитию. Эти изменения выражались в нарушении литературной традиции, этикета. Таким нарушением, прорывом в традиции является проникновение в литературу автобиографического начала. В средневековом произведении автор обычно не высказывал и своей оценки описываемых событий, он их только называл, перечислял, но не вскрывал их причин, социальных и исторических.⁵⁸

⁵⁸ См.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. С. 155, 212.

Эта заключительная часть поэмы раскрывает мечту автора (мечту всей его жизни) создать произведение, которое бы говорило о его отношении к жизни, к окружающей действительности, воплощало бы его взгляды и устремления, раскрывало бы перед читателем его личность как поэта и гражданина. Именно из-за серьезности поставленных перед собой задач Навои приступил к созданию поэмы в конце своей жизни. Вся его общественно-политическая деятельность, большой литературный талант и опыт давали ему возможность и право (как он справедливо считал) написать произведение, к созданию которого он готовил себя в течение всей своей жизни.

Искусство Навои проявляется в том, что при несомненном присутствии личного в поэме оно нигде не «выпирает» и не становится самодовлеющим. Преобладание личных мотивов в конце поэмы воспринималось читателем как покаяние автора, т. е. не в «самохвальном», а в уничижительном аспекте.

Между тем для понимающих, для тех, кто способен понять «птичий язык», поэма представляла собой — и не только для современного читателя, а с самого своего появления — творческую исповедь большого художника о своем жизненном и поэтическом пути.

Нельзя не видеть в таком построении поэмы и в самой ее направленности огромной творческой смелости автора и его сущности поэта-новатора.

Не только художественное мастерство Навои в собственно поэтической его разновидности, но и поразительное композиционное совершенство его лучшего произведения показывают, что прежние поверхностные суждения о Навои как о среднем поэте и эпи-

гоне персидской поэтической традиции не имеют под собой опоры в реальных фактах. Одно лишь сопряжение субъективного и объективного в поэме и специфические формы, в которых оно выражено, свидетельствуют о том, что Навои — поэт мирового значения.

В свете сказанного выше можно утверждать, что обе кульминации поэмы — сюжетная (об обретении птицами сути в самих себе, бейты 3159—3220) и внесюжетная (вставной рассказ о шейхе Санане, бейты 1053—1567) — служат единой цели: в обоих случаях поэтические образы воплощают тот замысел автора, который был выше определен как исповедальный.

* * *

В заключение следует сказать, что в поэме Навои изумительный по своей глубине замысел нашел адекватное выражение в необычайно продуманной и отмеченной высочайшими художественными достоинствами композиции. В этом плане к Навои применима та оценка, которую Пушкин дал Данте, сказав, что «...единый план „Ада“ есть уже плод высокого гения».⁵⁹

Замысел Навои, равно как и его реализация, должны быть квалифицированы как уникальное явление в мировой литературе. Короткий итог, в котором бы отразилось это качество поэмы, может быть подведен следующим образом: на основе художественного приема иносказания Навои создал произве-

⁵⁹ Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1962. Т. VI. С. 269.

дение с занимательным сюжетом, где и в самом сюжете, и в композиции решается «сверхзадача» в виде рассказа о непрерывных целенаправленных усилиях художника, оценивающего в конце своего творческого пути собственные свершения новаторского характера.

«Есть высшая смелость: смелость изобретения, создания, — писал Пушкин, — где план обширный объемлется творческою мыслию — такова смелость Шекспира, Данте, Милтона, Гете в „Фаусте“, Мольера в „Тартюфе“». ⁶⁰ Несомненно, что творческая смелость Навои отмечена аналогичными чертами.

Понимание исповедальной сущности всей поэмы, а не только тех ее заключительных частей, в которых прямо говорится об автобиографических фактах, — дает возможность утверждать, что в «Языке птиц» иносказательно сформулирован один из тех творческих принципов, который в особенности был важен для Навои и который нашел воплощение во всем его творчестве поэта-новатора, основоположника новой для того времени литературы. Этот принцип можно охарактеризовать как убеждение в том, что поэзия реализует свою художественность не только как «изящная» словесность, но как средоточие мысли.

Мысль, дающая поэзии силу, — это второй план стиха, глубинный слой его — подтекст или «затекст», если пользоваться современными терминами.

Убеждения Навои, касающиеся названных свойств поэзии, достаточно четко, хотя и иносказательно, выражены в «Языке птиц». В этом плане

⁶⁰ Там же. С. 275.

можно сослаться на те бейты поэмы, из которых однозначно следует, что для Навои поэзия вообще и утверждавшаяся им новая поэзия на тюркском языке — это «птичий язык» иносказания, имеющего высший смысл, который должен открыться тому, кто поднимется до понимания высоких целей поэзии (бейты 3293—3303):

Люди речи персидской словам его вняли
И постигли слова в их сокрытом начале.

Только люди из тюркского рода простого,
У которых понятливость очень толкова,

Пребывали лишенными всех этих благ,
Сути птичьих речей не внимая никак.

Птицы ведомы всюду, где род человеческий,
Но открыты не всем тайны птичьих наречий.

Я же в лавках Аттара смиренным обетом
Брал и сласти и сахар зимою и летом.

В этих лавках я был попугаю под стать:
Мне дано было сахар легко разгрызть.

Птичьей речью ко мне обращался он с зовом —
Отвечал я ему попугаевым словом.

В мое сердце с высот всеблагого предела
Птица духа его пресвятого слетела.

Научил он вникать в птичьи речи меня,
Сделал он знатоком тех наречий меня.

И когда в тех наречьях стал сведущ мой разум,
Тюркской речью повел я рассказ за рассказом.

Пел я песни по-тюркски — напевом певучим,
Опьяняясь, как птица, своим же созвучьем.

С. Н. И в а н о в

К ПЕРЕВОДЧЕСКОМУ ИСТОЛКОВАНИЮ ПОЭМЫ «ЯЗЫК ПТИЦ» АЛИШЕРА НАВОИ ¹

Теоретическая и критическая литература о переводах с тюркских языков небогата. Нет в литературе и работ, посвященных осмыслению того, что сделано советскими переводчиками по воссозданию на русском языке поэтического наследия Алишера Навои.

Поэтическое наследие Навои огромно: шесть эпических поэм (около 50 тысяч строк) и «Диван» (сборник) лирических стихов (газели, рубаи и другие жанры), включающий свыше 50 тысяч строк. История воссоздания на русском языке поэзии Навои насчитывает около пятидесяти лет, и из всего богатейшего наследия великого поэта переведено немногим более половины — шесть поэм и небольшая часть лирики. Труднейшая задача создания русского Навои далеко еще не может считаться решенной: остается непереуведенной большая часть лирики, не

¹ Настоящая статья представляет собой сокращенный вариант статьи «Поэма Алишера Навои „Язык птиц“»: Опыт переводческого истолкования // Мастерство перевода. Сборник 10. 1974. М., 1975. С. 135—159.

выработаны самые принципы подхода к воспроизведению лирических жанров поэзии, не обобщен и не изучен опыт перевода эпических произведений, многое в практике и методах перевода эпоса заслуживает критического осмысления, а может быть, и пересмотра. Настоящая статья задумана как посильный вклад ее автора в творческое обсуждение проблем, возникающих перед переводчиком поэзии Навои, и основана на обобщении своего опыта работы над переводом поэмы «Язык птиц».²

Трудности работы над переводом эпоса Навои очень специфичны, и возможная поучительность поисков автора является «оправданием» вынесения его опыта на суд читателей. Переводчик поэтических произведений Навои вступает в огромный мир поэзии, своеобразной и необычной — и по содержанию, и по форме. Он должен осознать этот мир и проникнуть в него, понять текст и вслушаться в его интонацию, уяснить для себя все тонкости поэтики Навои и систему его изобразительных средств, постигнуть структуру и художественные особенности образов, изучить характер рифм и т. д., а затем найти в русском языке близкую к подлиннику интонацию и такие эквиваленты изобразительных средств, какие смогли бы приблизить читателя к поэзии Навои.

Среди всего обилия возможных для рассмотрения проблем выделим одну: *переводчик как истолкова-*

² *Алишер Навои*. Соч. в 10 т. Т. VIII. Ташкент, 1970. [На русском языке]. Для настоящего издания перевод существенно переработан: для уточнения смысла и улучшения звучания русского стиха переделано 1325 бейтов из общего числа 3598.

тель текста. Традиционное понятие истолкования текста отождествляется обычно с понятием так называемого филологического перевода, т. е. перевода, адекватно передающего содержание текста безотносительно к его художественным особенностям. Художественный перевод произведения можно рассматривать как художественное истолкование текста: поскольку переводчик должен понимать текст, он не может не быть его истолкователем, а поскольку он должен его воссоздать, он не может не быть истолкователем его художественной структуры.

1

Читатель произведений Навои в оригинале встречается с многочисленными «темными» местами текста, требующими компетентного *толкования по содержанию*. Затруднений в чтении и понимании текста не может избежать даже филолог, специализирующийся в данной области и обладающий опытом чтения текстов многовековой давности. Часто «добывание» смысла, заключенного в стихотворном тексте, связано с большой работой исследовательско-филологического характера. Можно привести бесчисленное количество примеров из текста поэмы,³ которые показывали бы необходимость принятия переводчиком определенных *решений* для истолкования отдельных мест подлинника. Приведу лишь некоторые из них.

³ Перевод поэмы осуществлен по научно-критическому тексту, изданному Ш. Ишанходжаевым: *Алишер Навоий*. Лисонут-тайр («Язык птиц»). Тошкент, 1965.

В поэме трижды (в трех разных бейтах-двустушиях) встречается слово, обозначенное в арабском начертании тремя согласными д-р-д⁴ и противопоставленное слову «соф» («чистый», «ясный», «чистота», «прозрачность», «ясность», «радость»). Слово, написанное согласными д-р-д, может читаться и как «дурд» («густой», «гуща», «осадок») и как «дард» («страдание», «горе»). Противопоставление указанных слов встречается первоначально в следующем контексте (привожу подстрочный перевод), бейты 2638—2641:

Об этом сказал пророк-предводитель:

Если людям доводится быть путниками к истине,

И ты хочешь знать число и предел обилю путей,
Знай, что число это равно количеству человеческих душ.

Не всё — «д-р-д», есть и «соф»,
Различия в людях — необходимость.

В этом доле и нищие и властители —
Каждый следует особой дорогой.

Как осмыслить здесь слово «д-р-д» — как «дурд» или как «дард»? По общему смыслу и по месту в тексте это — заключающая кусок текста сентенция, афористическое обобщение предыдущего. Если рассматривать этот бейт лишь «в себе», т. е. изолированно от других мест поэмы и общего характера употребления данных слов у Навои и других авторов, то возможны два варианта: 1) Не всё — гуща, бывает и прозрачное...; 2) Не всё — страдание, бывает и радость... Для афористического заключе-

⁴ Арабская графика обозначает только согласные и долгие гласные (краткие гласные арабским письмом не отмечаются).

ния к данному контексту подходит и то и другое, но переводчик обязан выбрать из двух возможностей одну. Многое, казалось бы, говорит в пользу второго варианта. Во-первых, через 13 бейтов идет следующий контекст с такими же (в арабском написании) словами «д-р-д» и «соф»: бейты 2653—2654:

Все, кто претерпевал мучения, обретали
В возмещение мучений своего пути сокровища.

Ведь на пути много было различий,
И большинство из них — страдание («дард»), и лишь
меньшая часть — радость («соф»).

Здесь выбор варианта определяется с большей ясностью. Слову «дард» («страдание») должно быть отдано предпочтение в связи с предыдущим бейтом, где говорится о «мучениях» (они обозначены другим словом — «ранж»). Во-вторых, в таком толковании убеждает и явное противопоставление слов «дард» и «соф» в одной из «Песен о виночерпии» Навои: Будь то страдание («дард») разлуки или чистое («соф») единение, По любой причине я становлюсь немощным.

В имеющихся русских и европейских словарях нет прямого соотнесения слов «д-р-д» и «соф». Но на связь этих слов есть указание в анонимном персидском словаре суфийских терминов, опубликованном Е. Э. Бертельсом, «Мир'ати ушшак» («Зерцало влюбленных»). Там слово «дурд» (иное чтение исключается, так как поставлена огласовка) поясняется следующим образом: «Так говорят о некоторых состояниях при изображении чувств». Далее идет иллюстрирующий это положение бейт: «Я настолько сдружился с теми, кто тянет гущу («дурд»),

Что не считаю напитком чистое («соф») вино удовольствий». ⁵ Упоминание винного осадка («дурд») встречается и в газелях Навои.

Таким образом, обращение к примерам употребления двух интересующих нас слов и к источникам их толкования возвращает переводчика к упоминавшимся двум возможностям прочтения слова «д-р-д». Как же быть? Какой вариант предпочесть? Представляется правильным читать в первом случае «дурд». Такое объяснение имеет, на мой взгляд, веские основания, опирающиеся на особенности поэтических приемов персидско-таджикских и тюркоязычных поэтов. В данном случае имеется в виду поэтический прием, называемый «ихам» («двусмысленность», «введение в заблуждение»). Суть этого приема состоит в том, что поэт, употребив в одном месте своего произведения известное сочетание или противопоставление слов, в другом месте «ловит» читателя на такое же чтение сходного по смыслу куска текста, в действительности вкладывая в слова несколько иной смысл. В приведенных примерах мне кажется обоснованным в первом случае видеть противопоставление «гуши» и «прозрачности», а во втором — «страданий» и «радости». Именно в этом последнем отрывке Навои и использовал прием «ихам»: читателю, подготовленному предшествующим контекстом к восприятию соответствующих слов в значениях «гуша» и «прозрачность», он неожиданно «подает» иной смысл данного противопоставления.

⁵ Бертельс Е. Э. Суфизм и суфийская литература // Бертельс Е. Э. Избранные труды. М., 1965. Т. 4. С. 148 (перевод мой. — С. И.).

Сочетание слов «д-р-д» и «соф» встречается еще и в бейте 3158: «Если уж у вас так много болтовни о любви, Радуйтесь, даже если от нее достанется „д-р-д“ и „соф“». В этом бейте интересующее нас сочетание переведено мною одним словом «муки», и этот (третий!) вариант перевода — не произвол переводчика, а попытка обоснованного толкования текста. В цитированном двустишии подлинника оба слова, в отличие от рассмотренных выше двух примеров их употребления, не разъединены друг с другом, а, наоборот, представлены в виде сочетания — с соединительным союзом между ними. Сложные слова такого типа, заимствованные из персидско-таджикского языка или собственно тюркские, образуясь посредством объединения противоположных понятий, часто имеют значение, определяемое не суммой значений объединяемых слов, а собирательное, обобщающее семантику лишь *одного* из компонентов. Ср. такие сложные слова, как «бор-у-йўқ» (тюркск.) и «буд-нобуд» (перс.-тадж.) в значении «всё, что есть» (в обоих случаях сочетаются слова со значениями «есть» и «нет»).

Немало трудностей доставляет переводчику возможность разного чтения многих слов, написанных арабской графикой. В этом смысле весьма любопытны ошибки в транскрипции текста поэмы при издании ее в 15-томном собрании сочинений Навои на узбекском языке (на основе современной узбекской графики): напечатано «кун» («день»), надо — «кавн» («мир», «вселенная»); напечатано «кимни килса» («если сделает кого-либо»), надо — «ким на килса» («если кто сделает что-либо»); напечатано «уқоб» («орел»), надо — «иқоб» («наказание»); напечатано «қавм» («народ»), надо — «қум» («песок»); напеча-

тано «ҳар бири» («каждый»), надо — «ҳар пари» («каждое его перо») и т. п.

Но даже и при правильной транскрипции в изданиях, основанных на современной узбекской графике, возможны ошибки такого же рода из-за неверного прочтения слова, имеющего омонимы. Так, например, слово «сўз» может означать: 1) «слово», «речь»; 2) «горение». Поэтому первый стих в бейте 3347 может быть прочитан двояко: 1) «После него никто не обрел таких же слов, как я»; 2) «После него никто не обрел такого же горения, как я». И переводчик должен опять-таки обосновать свой выбор!

В подобных случаях и в других затруднениях мне существенно помогла работа над текстом уже готового перевода в содружестве с редактором Р. М. Маджиди. В нашей совместной работе по уточнению смысла перевода бывали различные ситуации: в одном случае я беспрекословно соглашался с более правильным чтением, в другом — настаивал на своем варианте, в третьем — мы сообща искали возможности осмысления неясных отрывков текста поэмы. Для характеристики того, сколь значительна была помощь редактора, приведу некоторые цифры. Из общего числа бейтов 3598 более чем в двухстах случаях между нами возникали споры о смысле, заложенном в том или ином стихе. Около 70 бейтов было мною исправлено по замечаниям Р. М. Маджиди. Свыше 80 бейтов я оставил в прежнем виде, убедив редактора в правильности своего чтения. Более чем в 50 бейтах мы достигли понимания смысла в результате наших совместных поисков, споров и рассуждений.

Приведенных фактов, по-видимому, достаточно для того, чтобы показать, насколько кропотливой

бывает подчас работа переводчика по извлечению смысла из тех мест текста, которые «затемнены» для современного читателя вследствие различных причин — из-за непонятности реалий отдаленного от нас веками времени, из-за трудностей языка, на котором в наши дни уже никто не говорит, из-за ошибок, вкравшихся в текст в результате оплошностей каллиграфов, переписывавших древние рукописи, или вследствие непонимания ими копируемого текста (бывало и такое!) и т. д. и т. п. Иначе говоря, еще до того как переводчик приступит к воссозданию оригинала на своем языке, он должен провести напряженную работу по уяснению «вербального» смысла текста. И когда такая работа осуществлена, невольно приходит в голову мысль: сколько может быть одних лишь смысловых ошибок при переводе не с оригинала, а с подстрочника! Трудно предположить, что во всех случаях составитель подстрочника (а такой работой квалифицированные филологи, как известно, занимаются весьма неохотно) мог достаточно компетентно толковать оригинальный текст и извлекать из него именно тот смысл, который был заложен автором.

2

Но для *основной* работы переводчика — работы по художественному воссозданию произведения — одного лишь «вербального» понимания текста, сколь бы ни был сложным и ответственным этот этап работы, недостаточно. Необходимо еще понять характер и функцию всех элементов художественной структуры произведения.

Чрезвычайно существенны вопросы, связанные

с пониманием интонации стиха восточных поэтов. При этом одинаково важны и проникновение в интонацию в плане ее отношения к мелодике стиха, и особенности интонации как определенного эмоционального отношения поэта к тому, о чем он говорит в своем произведении. Путь к уяснению интонации может быть только один — настойчивое изучение строя языка, ритма и мелодики уже предварительно понятого и истолкованного «для себя» текста, понимание духа поэзии данного автора и традиций поэтического творчества его народа.

Часто приходится читать переводы газелей и других традиционных жанров восточной поэзии, где переводчиком дана совершенно «не та» интонация: вместо сдержанной и лишь иногда поблескивающей легкой лукавостью речи звучит провинциально-поэтическое «воодушевление», начисто отсутствующее у автора; вместо меланхолически-созерцательной грусти в переводе бывает слышен неожиданный и вообще неуместный у данного автора и в данном жанре трагический надрыв и т. п.; вместо напевной и четко ритмизованной по смысловым звеньям строки вдруг возникает стих, интонация которого идет не от понимания интонации, вообще присущей данному жанру, а от каких-то внешних и большей частью надуманных представлений о мелодике и эмоциональности, будто бы свойственных восточной поэзии, или от домыслов переводчика о том, какая интонация «должна быть» при данных словах; вместо светлой и, может быть, несколько наивной поэтичности появляется какая-то сухая информационность или, наоборот, нагнетается поэтичность, но совсем «не в том ключе».

Не меньшие опасности грозят переводчику, если он не вникнет в характерные особенности бейта — минимального стихового «звена», которое, соединяясь с другими звеньями, создает стиховую ткань произведения.

В отношении природы бейта переводчику прежде всего необходимо иметь в виду сложную гармонию бейтов. Каждый бейт стремится к внутренней замкнутости, завершенности «в себе», к известной смысловой самостоятельности и изолированности от контекста, в особенности в газелях. Недаром газель издавна сравнивали с нитью, на которую нанизаны жемчужины-бейты. Но умение и мастерство поэта в том и состояло, чтобы связать жемчужины почти невидимой нитью. На мой взгляд, споры литературоведов о том, связаны ли между собой отдельные бейты или не связаны, возможны лишь при особом пристрастии к однозначным дефинициям. Они и связаны и не связаны, — в этом вся суть! Больше того, умение варьировать степень связанности двустиший служило важнейшим художественным приемом в творчестве поэтов.

Мастерство владения им приобретало особое значение в эпических произведениях, создававшихся в жанре *маснави*. Особенностью данного жанра является такое строфическое построение, при котором в бейте оба его стиха рифмуются между собой. Здесь мы видим проявление диалектической двойственности бейта-двустишия: связанность стихов рифмой только в пределах бейта обеспечивает ему известную «закругленность», большую, нежели в газели, где все двустишия связаны между собой рифмой; но, с другой стороны, *маснави* (в его эпической

разновидности) — это пространное повествование, и бейты в нем при всей их возможной обособленности должны включаться в единую цепь логической последовательности в развертывании сюжета. Для поэмы «Язык птиц», как и для других произведений аналогичного жанра, наиболее характерно такое членение стихового потока, при котором последовательность большего или меньшего числа связанных друг с другом двустий как бы прерывается бейтом-афоризмом, заключающим данное смысловое единство. В иных случаях, в соответствии со смысловым заданием сюжета, в тексте может оказаться целая последовательность законченных бейтов-афоризмов. Различение таких смысловых кусков текста и понимание их закономерного чередования как специфического художественного приема обязательно для переводчика, так как только воссозданием их художественного подобия на языке перевода можно пытаться воспроизвести сложную архитектуру эпического произведения.

3

Размер и ритм «начинают» стих. Их читатель воспринимает раньше, чем все другие элементы стиха, в известном смысле даже до содержания, потому что последнее хотя и проясняется вместе с размером и ритмом, но уже в разбеге нескольких стихов или строф. Отсюда понятно ключевое значение ритмико-мелодической структуры стиха: выбор размера должен быть обоснован, должен быть взят *верный тон*. Но как его найти? Что можно считать верным тоном стихотворного перевода? Есть ли какие-либо объективные мерилы правильности выбора размера

и ритма? О переводе «размером подлинника» или, наоборот, размером, привычным для родного языка читателя, написаны уже, наверное, целые тома противоречивых суждений. Теоретические работы анализируют различные возможности ритмического воссоздания оригинального произведения в переводе, но переводчики-практики редко говорят о причинах, побудивших их избрать именно этот, а не иной размер. Оценка переводов в этом аспекте не выходит за пределы всеобъемлющей и правильной, но ничего не проясняющей формулы: «победителей не судят».

За четыре с лишним десятилетия практики перевода эпических произведений поэтов Ближнего и Среднего Востока появились лишь единичные попытки принципиального осмысления возможных русских эквивалентов для передачи средствами русского языка и русской просодии своеобразия эпического ритма тюркоязычных и персидско-таджикских поэтов. Применительно к эпическому творчеству Навои эти вопросы рассматривает статья Л. С. Пеньковского, предпосланная его переводу поэмы «Фархад и Ширин».⁶ В этой статье автор обосновывает свой выбор пятистопного ямба с обязательными мужскими рифмами утверждением о функциональном соответствии данного размера размеру оригинала. Вопросу о возможных принципах воссоздания метрики Фирдоуси на русском языке посвящена интересная статья В. С. Соколовой, в которой автор рекомендует в качестве русского эквивалента раз-

⁶ Алишер Навои. Фархад и Ширин / Перевод Льва Пеньковского. М., 1946. С. 29—33.

мера оригинала четырехстопный дольник с амфибрахической основой.⁷

Богатая практика переводов тюркоязычного и персидско-таджикского эпоса дает образцы различного эмпирического подхода к решению проблемы. В переводах поэм Низами из его «Пятерицы» представлены следующие размеры: четырехсложный дольник с анапестической канвой и мужскими рифмами (Г. Птицын, Н. Лебедев), четырехстопный амфибрахий с усеченной последней стопой и мужскими рифмами (М. Шагинян), двухдольные размеры с неупорядоченным чередованием мужских и женских рифм — шестистопный ямб (К. Липскеров), пятистопный ямб (П. Антокольский), семистопный хорей (В. Державин).⁸ Переводы поэм Навои того же цикла («Пятерица») выдержаны в одном ключе: пятистопный ямб с мужскими рифмами (Л. Пеньковский, С. Липкин, В. Державин).⁹ Эта унификация размеров в переводе эпоса Навои носит условный характер, так как в оригинале все пять поэм цикла написаны разными размерами.

Одним из подразумеваемых доводов в пользу выбора пятистопного ямба для передачи эпических размеров Навои является пресловутый принцип эквиритмичности: число слогов в пятистопном ямбе с мужскими рифмами (10) близко к числу слогов оригинала (11). Количество слогов во всех пяти раз-

⁷ Соколова В. С. Опыт поэтического перевода «Шахнамэ» // Вестн. Ленингр. ун-та. 1947. № 2. С. 107—120.

⁸ Низами. Избранные произведения. М.; Л., 1947. (Библиотека поэта. Большая серия).

⁹ Алишер Навои. Соч.: В 10 т. Т. III—VII.

ных размерах оригинала одинаково, что объясняется известным обстоятельством, что счет слогов в метрике аруза имеет подчиненное значение, а решающая роль принадлежит характеру чередования долгих и кратких слогов и последовательности стоп.

Утверждение, что пятистопный ямб функционально соответствует эпическим размерам, которые использует Навои, далеко не бесспорно и легко уязвимо. Каждый стих в эпических произведениях тюркоязычной поэзии характеризуется большой напевностью, ровным и широким «дыханием». Вряд ли пятистопный ямб дает простор для такого дыхания. Это последнее положение станет еще более убедительным, если учесть, что длина слова в русском языке в среднем больше, нежели в тюркских языках. Уже одно это обстоятельство говорит о том, что число слогов в стихе русского перевода должно быть больше, чем в стихе оригинала.¹⁰

К вопросу о «раскованности» строки и о широком «дыхании» стиха перевода имеет прямое отношение и вопрос о характере рифм. Выбор в русском переводе одних лишь мужских рифм на том основании, что в тюркских языках ударение, как правило, приходится на последний слог, не может считаться достаточно убедительным. Короткий пятистопный стих с исключительно мужскими окончаниями на

¹⁰ Впрочем, при переводе газелей отступление от этого принципа, по-видимому, неизбежно, так как удлинение стихов в газелях при отсутствии в них рифм в нечетных строках почти разрушает стих в русском переводе. Но это — особая тема.

протяжении огромных эпических повествований (поэмы Навои содержат от 7 до 10 тысяч стихов) придает эпосу Навои в переводе монотонность и «усыпительность», которых нет в оригинале. Этот факт неоднократно отмечался в критической литературе. Кроме того, если уж говорить о попытках создания в переводе хотя бы приблизительного ритмического подобия оригиналу, то концы строк тюркских стихов с долгим последним слогом производят на русский слух впечатление скорее женского, хорейского окончания, нежели мужского, ямбического. Все эти факты свидетельствуют о том, что теоретически вопрос о средствах воссоздания тюркского эпического стиха в русском переводе не только не решен, но даже и не рассмотрен во всех своих возможных аспектах.

Но вернемся к практике перевода. Автору настоящей статьи предстояло выбрать какой-то размер для передачи на русском языке стихов поэмы «Язык птиц», написанных метром «рамаль». Этот размер в оригинале состоит из трех стоп — двух четырехсложных и одной трехсложной — с чередованием долгих и кратких слогов в такой последовательности: — ∪ — — / — ∪ — — / — ∪ —. Я остановил свой выбор на четырехстопном анапесте без цезуры с чередующимися мужскими и женскими рифмами (12—13 слогов в строке). Сознвая известную условность моего выбора и возможность обоснования других точек зрения, мне хотелось бы тем не менее привести некоторые аргументы в защиту избранного мною размера.

Поэма в полном виде никогда прежде не переводилась. Есть лишь один отрывок из нее в переводах

Н. Лебедева¹¹ и К. Липскерова.¹² Н. Лебедев избрал шестистопный хорей с усеченной последней стопой (то есть с мужскими рифмами) и регулярными пиррихиями на первом слоге нечетных стоп — первой, третьей и пятой ($\overset{0}{-} / \overset{\cdot}{-} / \overset{0}{-} / \overset{\cdot}{-} / \overset{0}{-} / \overset{\cdot}{-}$):

Эта мысль была в мектебе рождена
В дни, когда твердил я божьи имена,
В дни, когда с детьми другими свой урок
Я учил, запоминая ходы строк.
Но когда от повторенья слов одних
Голос детский становился слаб и тих,
Наш учитель, просветляя бедных нас,
Заставлял читать поэта стройный сказ...

Этот отрывок в переводе К. Липскерова выполнен тем же размером, за исключением двух первых бейтов, в которых распределение пиррихий другое и наличествует цезура:

Все это восходит в памяти моей:
Помню издавеча время детских дней.
Громко голосила в школе детвора,
Свой урок твердила с самого утра.
И когда всех обессиливал урок,
И в словах аллаха был уж малый прок, —
То учитель, чтоб узнать учеников,
Вызывал ребят на чтение стихов...

Обе разновидности этого размера представляются мне совершенно неприемлемыми, так как особенности такого метра в переводе сообщают стихам

¹¹ *Навои*. Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1965. С. 605—611. (Библиотека поэта. Малая серия).

¹² Антология узбекской поэзии. М., 1960. С. 156.

не спокойную эпическую, а какую-то суетливую интонацию с плясовыми «попевками». Можно предположить, что и авторы приведенных переводов отказались бы от этого размера, если бы им пришлось переводить не один отрывок, а всю поэму.

Единственно возможным обоснованием выбора размера в переводе мне кажется принцип функционального соответствия. При этом из нескольких русских размеров, производящих на русских слушателей приблизительно такое же впечатление, как и метр подлинника на слушателей оригинальных стихов, следует выбрать тот, в котором есть хотя бы минимальные черты ритмического подобия оригиналу. По принципу функционального соответствия для передачи тюркского эпоса мне представляются наиболее приемлемыми трехдольные, а не двухдольные размеры, так как в них легче реализуются неторопливые интонации оригинала. Резкое противопоставление ударных и неударных слогов в русских трехдольных размерах обеспечивает стиху большую плавность. Б. В. Томашевский справедливо указывал, что ударения в трехсложных размерах гораздо ровнее, нежели в двухсложных.¹³ Именно в трехсложных русских размерах следует искать ритмический эквивалент тюркского стиха, чередующего долгие и краткие слоги, потому что заметное выделение ударного слога в этих размерах и соответственно протяженного ударного гласного создает эффект имитации долгот тюркского оригинала. Из трехдольных размеров я предпочел анапест, так как он представ-

¹³ Томашевский Б. В. Стих и язык: Филологические очерки. М.; Л., 1959. С. 57.

ляется мне наиболее подходящим для передачи разнообразных интонационных оттенков, встречающихся в поэме, — патетического, жанрового, иронического, лирического. Кроме того, в анапесте, по-видимому, ярче выражена интонация эпического зачина: ударение в нем дальше от начала стиха — на третьем слоге.

Протяженность стиха в избранном мною размере — 12—13 слогов — являет собою примерное соответствие тюркскому стиху поэмы, состоящему из 11 слогов (вспомним сказанное выше о соотносительной длине слов в русском и староузбекском языках). Такая длина стиха допускает, на мой взгляд, и распевность интонации, и вкладывание нужного смысла, и, следовательно свободу «дыхания».

В пределах каждого отрывка с самостоятельным заглавием рифмы в бейтах в моем переводе чередуются следующим образом: после двух бейтов, в каждом из которых стихи связаны женскими рифмами, идет двустипие с мужскими рифмами. Такая последовательность рифм носит в известной мере условный характер и преследует цель внести разнообразие в звучание стиха. Женские рифмы мне казались более пригодными для создания ритмического подобия конечным долгим слогам оригинала, но сплошная последовательность одних лишь женских рифм могла бы привести к монотонности, и потому я их чередовал с мужскими в соотношении 2 : 1. В этих моих установках я ориентировался на опыт других переводчиков.¹⁴

¹⁴ Ср. чередование строф с мужскими и женскими рифмами у Н. Заболоцкого в его переводе «Витязя в тигровой шкуре».

Выбор размера, помимо всех тех обстоятельств, о которых говорилось выше, должен быть подчинен также задаче воссоздания интонации стиха. Общий строй интонационного «наполнения» метрической сетки стиха в поэме Навои чрезвычайно сдержанный. Навои нигде не позволяет себе «перехлестов» в стиле «высокой» поэзии (да это было бы и нарушением лучших поэтических традиций, идущих от предшественников Навои). За строчками стиха у Навои все время видны мудрая сосредоточенность, чувство, контролируемое разумом, острая мысль, ищущая экономные средства выражения.

В связи с этим вообще необходимо сказать, что широко распространенное мнение о «пышности», «цветистости» и прочих подобных атрибутах ближневосточной поэзии основано на преувеличении и неверно по существу. Это мнение имеет своим истоком наблюдения не над творчеством классиков персидско-таджикской и тюркской поэзии, а над произведениями эпигонов-виршеслагателей, которых было более чем достаточно почти во все эпохи развития искусства художественного слова в странах Ближнего и Среднего Востока. Высокая культура слова (в известном смысле даже культ слова) у восточных авторов, широкая популярность поэзии в самых различных кругах общества, система обучения языку в школах преимущественно на стихотворных образцах речи, развитость стихотворной техники были причиной того, что слагание стихов с соблюдением всех внешних примет, необходимых для их «удобочитаемости», оказывалось доступным почти каждому человеку, прошедшему тот или иной курс обучения. Известно, что волна формалистической игры стихом

буквально захлестнула поэзию на персидско-таджикском языке в эпоху Тимуридов (XV в.).

Но Навои был поэтом огромного дарования, и в его произведениях, особенно в эпическом его творчестве, есть яркие признаки гениальной простоты: ему не нужны были формалистические ухищрения и нарочитая выпренность, сила его была в истинной поэтичности, не нуждающейся в звонких побрякушках. В воссоздании сдержанной интонации стиха Навои я видел одну из главных своих задач.

4

Выше уже говорилось о вопросах, связанных с пониманием природы бейта в эпическом творчестве Навои. Теперь необходимо коротко остановиться на этих же вопросах в связи с принципами воссоздания бейта-двустушия как строфической единицы. Необходимость пристального внимания переводчика к двустушию определяется многообразными художественными функциями бейта. Бейт — единица строфического построения текста и «оболочка» художественного образа, и он же является единицей смысла в продвижении повествования. Почти всегда двустушие — это законченный, в известной мере замкнутый в себе образ. Говоря обобщенно, воспроизведение бейта — это воспроизведение образа. У Навои, наряду с традиционными образами (уста — рубины, глаза — нарциссы; дети, бросающие камни в несчастного безумца; совы и сычи, стерегущие клады-сокровища, и т. п.), есть образы удивительной силы и свежести (см., например, бейты 140—146).

Афористичность — своеобразный идеал бейта. Это свойство двустишие может утрачивать лишь в силу необходимости ускорять в эпическом повествовании развитие сюжета. Поэтому в тех случаях, когда бейт не сразу поддается расшифровке, следует искать в нем, как правило, афористический смысл, и в большинстве случаев именно такой смысл и проступает в нем:

Искра к небу взвивается смелым полетом,
А ничтожную муху влечет к нечистотам (725).

Разве всякий, кто хвалится славою, славен?
Разве муж похвалбюю неправую славен? (826)

Если пастырь не знает, где корм, где вода,
Значит — паства погибнет, погибнут стада (1576).

Простота стиля Навои характерна и для образов суфийского содержания. При всей специфичности суфийской символики эти образы выражены у Навои просто и даже, можно сказать, чеканно: сложна сама символика, а не ее выражение.

Своеобразное любование словом и его выразительными возможностями проявляется и в том, что поэт часто использует в рамках двустишия игру слов. Естественно, что воссоздание этой особенности текста требует от переводчика соответствующих замен (см., например, бейты 1116, 1170, 1171, 1914, 2126 и др.).

Среди рифм староузбекской поэзии значительное место занимают рифмы, представляющие собой одинаковые грамматические формы разных слов — идентичные формы падежей, глаголы в формах ка-

кого-нибудь одного времени, одинаковые формы деепричастий и т. п. Такая рифмовка свойственна не только произведениям, написанным в жанре маснави, т. е. с парными рифмами в пределах двустишия, но и газелям, где одинаковые грамматические формы рифмуются на протяжении 7 — 11, а иногда и большего числа бейтов.

Воспроизведение подобных же рифм в русском переводе нецелесообразно по эстетическим соображениям и сложно в силу грамматических причин. Известно, что русский язык избегает морфологически однородных рифм, и нанизывание в переводе подобных рифм (ходил — просил — вонзил. . . , домами — садами — прудами. . . , сверкая — слагая — считая. . .) чрезвычайно снизило бы художественный уровень перевода. Но дело не только в этом. Даже если переводчик и смирился бы с такой необходимостью, воспроизведение рифм этого типа ему просто не удалось бы в силу различий в грамматическом строе языков. Ведь характер окончаний слов в агглютинативном староузбекском языке существенно отличается от характера окончаний слов в русском языке с его флективным строем. Если, например, в староузбекском языке все имена существительные в обоих числах склоняются одинаково и, следовательно, в форме одного и того же падежа могут рифмовать друг с другом, то в русском языке, как известно, есть несколько типов склонения, и одинаковые падежные формы от разных слов имеют различные окончания, исключающие возможность использования их для рифм.

Однако рифмовка одинаковых грамматических форм — не единственная возможность рифменного оформления стиха в староузбекском языке. У На-

вои в поэме «Язык птиц» встречаются и такие морфологически различающиеся рифмы, которые схожи с рифмами, привычными для русского стиха: сингил — онглагил (сестра — пойми), кичик — жуссалик (маленький — дородность), иттофоқ — яхшироқ (союз — лучше), бил — тил (знай — язык) и т. п.

Ответ на вопрос — какие рифмы Навои не употребляет, однозначен: он не использует рифм, невозможных в силу особенностей просодии, и рифм неточных. Поэтому переводчик должен использовать все возможности рифмовки в русском языке в пределах допускаемых языком точных рифм. Стиху Навои свойственно высокое совершенство формы, что проявляется, в частности, в отточенности и чеканности рифм. Это — традиция поэзии на персидско-таджикском и тюркских языках, приобретающая в творчестве поэта столь яркого дарования, как Навои, особую степень художественности. Среди точных рифм Навои выбирает точнейшие, и переводчик должен стремиться воспроизвести эту особенность техники Навои — ставить в исходе строки слово не просто рифмующее, а рифмующее с наибольшей точностью. Мне представляются наиболее соответствующими духу и стилю поэзии Навои рифмы с одинаковым опорным согласным:

Знайте, все я сказала, моля о защите,
Погубите меня или средство сыщите (2865).

И сложеню стихов положил я начало,
И напевность их тюркскою речью звучала (3546).

Навои иногда прибегает к неожиданным возможностям рифмовки, и потому мне казалось допустимым (в определенных пределах) употребление таких точных рифм, которые характерны не для рус-

ской классической поэзии, а для поэзии новейшего времени:

Как-то, немощным телом к поклаже приладясь,
В город брел этот муж — высших помыслов кладезь
(2147).

Будет сердце таким — называй его сердцем,
А не будет — нет веры подобным зловерцам (2362):

И поведал другой — тот, что голову шупал:
«Вроде как бы скала, а вершина — что купол» (2666).

Зазвучал их рассказ и различие выдал:
Схож один с божеством, а другой — словно идол (3267).

Навои, следуя духу традиции, широко применял поэтические приемы, основанные на игре рифм. Составные и омонимические рифмы высоко ценились любителями поэзии того времени. Для создания таких рифм русский стих предоставляет широкие возможности:

Что за суть у тебя — ни ума, ни стыда в ней,
Сам забавен, а речи — еще позабавней! (1285)

Шедший люд издевался отвратно и зло,
Он же мог бы стерпеть и стократное зло (1238).

Лишь смиреньем и смог бы достичь я его —
У подножия трона величья его (2308).

Ты сокрыть это дело покоишь стремленье,
Ну и нами владеет такое ж стремленье (2872).

Жаль трудов и надежд — не далось их сберечь нам,
Жаль нам помыслов наших о счастье вечном (3133).

Я не мог речь иную постичь и слова,
Другом сердца мне были лишь птичьи слова (3499).

В системе поэтических средств персидско-таджикской и классической тюркской поэзии значительное место занимает искусство редифа — повторение в рифмующих строках вслед за рифмой какого-либо одного слова или группы слов. В простейшем виде редиф предстает как элемент рифмы, основанной на синтаксическом параллелизме:

То словами униженной лести он клянчил,
То слезами обиженной чести он клянчил (603).

То мне любви повадки развратных друзей,
То мне любви дела благодатных друзей (1748).

Однако роль и значение редифа далеко не исчерпывается этой его функцией. Если пытаться определить назначение редифа в самом общем виде, то нужно будет сказать, что редиф является художественно-образительным средством, позволяющим варьировать строфическое построение текста с точки зрения различий в глубине рифмовки. Ср. воспроизведение бейтов в русском переводе — без редифа и с различной глубиной редифа:

Так приходит на память мне быть моей доли —
Времена малолетства, учение в школе (без редифа, 3476).

В ней ни умысла злого, ни жалобы нет —
Ничего, что укор выражало бы, нет (1 слог, 3241).

И сказали они: «Не созрел он еще,
Он к дровам своим крепко приделан еще» (2 слога,
2151).

И камнями разбил он кувшинов немало,
Драгоценных осколков раскинув немало (3 слога, 2992).

Ведь трудней всех речей вперечет эта повесть:
Языком бессловесных речет эта повесть (4 слога, 3213).

Вместе с тем редиф представляет собой характерную особенность строфики, придающую произведению неповторимый национальный колорит. Он несет также смысловую и экспрессивную нагрузку: акцентирует внимание на определенных элементах смысла и сообщает стиху особую мелодичность. Все это говорит о том, что переводчик не может пренебрегать столь выразительным средством поэтики оригинала, тем более что русский язык во многих случаях свободно допускает возможность воспроизведения редифа.

Есть, однако, определенные случаи, когда в силу различий в строе языков воссоздание в редифе эквивалентов тех слов, которые образуют его в оригинале, оказывается невозможным. Иногда редиф образуется за счет чрезвычайно употребительных в тюркских языках сложных глаголов, состоящих из имен существительных и вспомогательных глаголов со значением «делать», «быть», «стать». При дословном переводе на русский язык таких сложных глаголов получалось бы что-то вроде «сделать улыбку», «сделать упрек» и т. п. Аналогичные трудности возникают, когда в качестве редифа в оригинале употреблены слова, функционально соответствующие русским предлогам, но стоящие после тех слов, к которым они относятся, — послелогов. Следовательно, во многих случаях становится неизбежной замена слова, образующего редиф, другим. Вот примеры замены редифа (в подстрочном переводе выделено слово, являющееся в оригинале редифом):

Открыв глаза, несчастный поразмыслил (= «размышление
сделал»),
Происшедшие обстоятельства припомнил («припоминание
сделал»).

И очнулся, подумал несчастный, припомнил,
Происшедшее памятью ясной припомнил (2926).
Наставлять их ко смутам, Возглавлять их на пути
к пустыне порока.

Наставлять их ко смутам жестоко, всечасно,
Направлять их в пустыню порока всечасно (1845).

Одна из главных задач переводчика при воспроизведении редифа — добиваться того, чтобы редиф не воспринимался читателем как «экзотический привесок» к строке. Владение искусством редифа у поэтов заключалось в том, чтобы редиф с максимальной естественностью вплетался в стих — в его смысловую и просодическую ткань. Показателем художественности редифа была не только его глубина, то есть степень захвата им строки, но и характер соединения с предшествующими словами: в двух рифмующих стихах редиф должен был сочетаться с относящимися к нему словами по-разному. В русском переводе названные особенности пользования редифом у Навои выглядят следующим образом:

И за падших, за все их грехи он просил,
За деянья, что злы и лихи, он просил (166).

Птичьей речью слагал он созвучия слова —
О разлуке и счастье певучее слово (539).

Его сердцу любезны цветы и узоры —
На одежде смиренья пустые узоры! (1771)

Жгучим жаром любви дал ты душам огонь —
Всем, кто счастлив, кто бедствием рушим, — огонь (3374).

Воспроизведение редифа в русском переводе — отнюдь не «печальная необходимость», с которой приходится считаться, и только. Редиф легко вплетается и в русский стих и придает разнообразие строфическому построению текста. Применение редифа позволяет разнообразить также и рифмы — употреблять наряду с мужскими и женскими рифмами дактилические. Неуместные в исходе строк, дактилические рифмы звучат вполне естественно перед редифом:

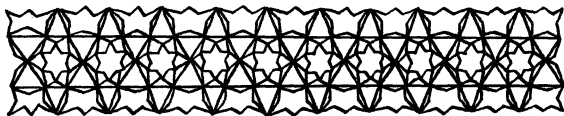
А Симург — его имя, известное всюду, —
На земле и под ширью небесною, — всюду (328).

Если счастье в судьбе им радетелем будет,
Если рок вожаком к добродетелям будет... (396).

И ему выси неба подножием стали,
Кущи рая — даянием божиим стали (1734).

Таковы те аспекты, в которых в самом общем виде могут быть рассмотрены проблемы переводческого истолкования эпоса Навои. Многие из этих вопросов так или иначе уже возникали перед переводчиками его поэм и по-разному решались ими. Автору этих строк представлялось бесполезным на основе собственного опыта обратить внимание читателей на возможные пути осмысления некоторых трудных проблем перевода эпической поэзии Ближнего и Среднего Востока.

ПРИМЕЧАНИЯ

Примечания даются по номерам бейтов и по нумерации заголовков. В тексте бейты, имеющие примечания, отмечены звездочками.

12. *Дал он ливням весенним чудесную мощь, И в жемчужницах перлы взлелеял тот дождь.* — Согласно поверьям, капли дождя, попадая в раковины, превращаются в жемчужные зерна.

15. *Иса* — один из пророков, почитаемых мусульманами; соответствует библейскому Иисусу. Мусульманская религиозная традиция наделяет Ису способностью воскрешать мертвых посредством своего живительного дыхания (Коран, 5, 79; 5, 110).

18. В поэзии народов, исповедующих ислам, традиционно противопоставление камфары как символа белизны, света и мускуса как символа черноты и тьмы.

23. *И навеки поссорил он пламень с водою, Твердь земную и воздух сопряг он враждою.* — Здесь говорится о четырех стихиях (элементах, основах) материального мира — огне, воде, земле, воздухе (ветре).

24. *Те четыре стихии.* . . — См. примеч. к бейту 23.

30. *Но явлен был и тот.* . . — Начиная с этого бейта и до конца данного фрагмента речь идет об Азазиле, падшем ангеле. Ср. бейты 2107—2118.

31. . . . *Тайников «Сокровенного» знаньем отмечен.* — «Сокровенное» — упоминаемая в Коране невидимая, сокрытая сущность мира, противопоставляемая миру видимого.

35. *Джинны* — злые духи, демоны.

61—96. Традиционное авторское покаяние.

64. *Шайтан* — дьявол, бес, сатана.

66. *Ах, я злую одну несравнимую звал...* — В бейтах 66—75 говорится о некоем коварном существе, любовью к которому был одержим Навои. Женский род в этом случае — дань русскому языку перевода, так как тюркские языки грамматической категории рода не знают. «Женская» ориентированность образа при необходимости могла бы быть выражена в оригинале на лексическом уровне, но этого у Навои нет. Жалобы на отчужденность и неверность любимого существа — обычный мотив классической ираноязычной и тюркоязычной поэзии, который может быть понят и как сетование на недостаточную близость к богу в суфийском его понимании и шире — как жалобы на внешние препятствия в осуществлении желанной цели. В поэме Фарид-ад-дина Аттара «Речи птиц», послужившей источником для поэмы Навои (см. наст. изд., с. 268—275), соответствующее покаяние выдержано в истинно суфийском ключе жалоб на грех своего индивидуального, т. е. не в полной мере слитого с богом, бытия. См.: *Бертельс Е. Э.* Избранные труды: Суфизм и суфийская литература. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. 1965. С. 389. У Навои, не являвшегося истинным суфием, упомянутый мотив может быть истолкован либо как частичная дань суфийской литературной традиции, либо (учитывая неяркую выраженность подлинно суфийских воззрений и общий авторско-исповедальный характер поэмы) как сетования на трудности решения творческой задачи, поставленной им перед собой, и на недостижимость идеала.

96. *...Тот, кого ты заступником грешных нарек.* — Речь идет о Мухаммеде (устаревшая европейская форма его имени — Магомет) (род. ок. 570—ум. 632), проповеднике, основателе религии ислама, почитаемом мусульманами в качестве «посланника божьего», провозвестника божественного откровения, величайшего и последнего пророка.

Заглавие 3 и бейты 97—124. — См. примеч. к бейту 96.

101. *Отец человеков* — Адам.

107. *Абдуллах* — отец Мухаммеда (см. примеч. к бейту 96). В двух следующих бейтах (108—109) говорится о явлении Мухаммеда из дома, из жилища Абдуллаха. Кажущееся противоречие с бейтом 98, — где о Мухаммеде

сказано: «Даже прежде Адама он был уже сущим», — объясняется тем, что в бейтах 107—109 повествуется о земной, реальной жизни Мухаммеда, подробности которой сообщают хадисы — предания о Мухаммеде, тогда как в бейте 98 — о вневременном, вечном его существовании как «посланника божьего».

113. *И когда засияла звезда эта в Мекке...* — Мухаммед (см. примеч. к бейту 96) происходил из племени курейшитов, во владении которого находилась Мекка, впоследствии ставшая священным городом мусульман.

119. *Сделал внятной он веру в единого бога...* — Принцип единобожия проявляется не только в монотеистической сущности ислама, но и в настойчивом подчеркивании этого в молитвах, религиозных формулах и т. д.

Заглавие 4. *Птица Анко* — мифическая птица, которая, согласно легендарным представлениям, обитала на Каф-горе — в далекой горной стране, по названию явно связанной с реальным Кавказом. Есть и другая, более поздняя версия, согласно которой гора (горы) Каф — это Гималаи, известные также как Дальний Кавказ. См.: *Короглы Х. Взаимосвязи эпоса народов Средней Азии, Ирана и Азербайджана*. М., 1983. С. 127—128. Парение птицы Анко, описываемое в этой главе, представляет собою образное переосмысление преданий о мифическом вознесении Мухаммеда на коне (муле) Бураке на небо для получения божественного откровения.

132. *И скакун благодатный вознес его в выси...* — Здесь и в бейтах 133—147 излагаются традиционные восточные воззрения на устройство вселенной. Средневековая восточная астрономия мусульманского региона, как и европейская наука того времени, различала девять небесных сфер — семь, соответствующих известным в то время планетам, в число которых входила и Луна, и два неба, расположенных выше, где находились созвездия Зодиака. Эта система мироздания восходит к космологическим воззрениям Дионисия Псевдо-Ареопагита, неоплатоника, греко-сирийского мыслителя, жившего ок. IV—V вв. В тексте настоящей главы планеты перечислены в последовательности от ближних к дальним (бейты 134—139). Аналогичная система мироздания изложена, например, и у Данте, так как источник ее — тот же. См.: *Данте Али-*

гьери. Божественная комедия / Перевод М. Лозинского. Изд. подготовил И. Н. Голенищев-Кутузов. М.: Наука, 1968. С. 318—322. См. также статью И. Н. Голенищева-Кутузова «Божественная комедия» в этом же издании, с. 486—487. Ср. также изложение космологических представлений у тюркоязычного автора XI в. Юсуфа Баласагуни: *Баласагунский Юсуф*. Благодатное знание / Изд. подготовил С. Н. Иванов. М.: Наука, 1983. С. 39—41.

135. . . *И Венера ему песнопения пела*. — Венера считалась покровительницей музыкального искусства. Ср. примеч. к бейту 2850.

143. *Колосья* — созвездие, именовавшееся в европейской науке «Дева».

153. *И с себя он совлек своелюбья тенета*. . . — Здесь и далее словом «своелюбье» переводится суфийский термин в узбекской его форме ўзлук «самость», «собственное я». Идеалом суфиев являлось полное отрешение себя от своей сущности, растворение ее в боге. Об отношении Навои к суфизму см. наст. изд., с. 286—289.

158. . . *И в двух луках пространства увидел он бога*. — Имеется в виду выражение из Корана, где говорится, что по вознесении на небо пророк Мухаммед (см. примеч. к бейту 96) предстал перед аллахом на расстоянии, равном длине двух луков (Коран, 53, 9).

177. *Фани* (арабск. «отрешенный») — поэтический тахаллус (псевдоним) Навои, употреблявшийся им при написании стихов на языке фарси, а в тюркских его стихах — только в поэме «Язык птиц». О двух тахаллусах Навои см. наст. изд., с. 295—296, 320—327.

Заглавие 5. *Абу Бакр* (632—634) — первый из четырех так называемых правоверных (праведных) халифов (правителей), правивших непосредственно после Мухаммеда (см. примеч. к бейту 96).

178. . . *Он — второй из двоих, обитавших в пещере*. — Абу Бакр вместе с Мухаммедом при вынужденном уходе последнего из Мекки в Медину (622) скрывался вместе с ним в пещере (рассказ об этом — в бейтах 178—187).

182. «*Пещерный*» — см. примеч. к бейту 178.

184. . . *Но обрел там источник с живою водою*. — Ср. бейт 186: *Пусть тогда ключ живой не забился пред ним*. . . Кажущееся противоречие объясняется тем, что в бейте 184 говорится об обретении живой воды «вообще»,

т. е. на будущее, а в бейте 186 сообщается, что в тот момент обитатели пещеры бедствовали.

194. *Избранник* — Абу Бакр. См. примеч. к бейту 178.

Заглавие 6. *Омар* (Омар I ибн ал-Хаттаб) — второй из «праведных» халифов (см. примеч. к бейту 178), правивший в 634—644 гг.

201. *Шах пророков* — Мухаммед. См. примеч. к бейту 96.

205. *Михраб* — сводчатая ниша в мечети, обращенная в сторону Мекки, священного города мусульман, и указывающая верующим направление их преклонения во время молитвы. *Минбар* — кафедра в мечети для проповедей.

208. *Пал Иран*. . . — В начале 637 г. была одержана решительная победа над иранскими войсками.

210. *Мадаин* — то же, что Ктесифон, город на р. Тигр, столица Ирана при династии Сасанидов (226—651), недалеко от нынешнего Багдада.

Заглавие 7. *Осман* (Осман ибн Уффан) — третий из «праведных» халифов (см. примеч. к бейту 178), правивший в 644—656 гг.

218. *Медина* — второй после Мекки священный город мусульман, место правления Мухаммеда (см. примеч. к бейту 96) и его преемников после ухода его из Мекки в 622 г. *Шейх* — старец-наставник. *Имам* — глава духовной общины, предстоятель на общественной молитве.

219. *Был он божьим веленьем сбиратель Корана*. . . — При Османе была создана первая официальная редакция Корана.

223. *Суры* — главы Корана. *Диван* — сборник.

225. . . *Дважды свет его зрело Османа жилище*. — Первый «свет» — принятие веры ислама, второй — составление официального текста Корана (см. примеч. к бейту 219).

226. *Пророк* — Мухаммед. См. примеч. к бейту 96.

Заглавие 8. *Али* (Али ибн Абу Талиб) — четвертый и последний из «праведных» халифов (см. примеч. к бейту 178), правивший в 656—661 гг.

236. *А когда провозвестник бежал от злодеев*. . . Имеется в виду уход Мухаммеда из Мекки в Медину в 622 г. Этот год считается началом мусульманского летоисчисления (арабск. — хиджра).

238. *Эмир* — правитель, властитель.

240. . . . *И в крови от меча его недруги тонут.* — Имеется в виду легендарный меч Али, доставшийся ему от Мухаммеда.

242. *Плоть его удостоилась чести по праву, Кровь его обрела неизбывную славу.* — Али был двоюродным братом и зятем Мухаммеда, мужем его дочери Фатимы.

243. *Лев предвечных лесов. . .* — «Лев божий» — одно из прозвищ Али.

245. *Был он сыном и ветвью из сада пророка, И его сыновья — тоже чада пророка.* — См. примеч. к бейту 242.

249. *Намаз* — молитва.

255. *Лев господень. . .* — см. примеч. к бейту 243.

256. *Пророк* — см. примеч. к бейту 96.

Заглавие 9. *Фарид-ад-дин Аттар* — персидско-таджикский поэт Аттар, Фарид-ад-дин Мухаммед бен Ибрахим (род. ок. 1119 — год смерти неизв.), видный поэт-мистик суфийского толка, автор поэмы «Речи птиц», послужившей для Навои объектом подражания при написании поэмы «Язык птиц». См. наст. изд., с. 268—275.

265. . . . *Есть в запасах Аттара шербет животворный.* — Здесь, как и в бейте 266, каламбурно обыгрывается имя Аттар, обозначающее «торговец благовониями».

280. *Касыда* — ода панегирического характера.

282. *Газель* — лирическое стихотворение любовного содержания.

284. *Рубаи* — четверостишие.

286. *Тазкира* — поэтическая антология, сборник цитат из произведений других авторов с краткими справками о них.

288. «*Речи птиц*» — см. примеч. к заглавию 9.

290. *Сулейман* — пророк, почитаемый мусульманами и соответствующий библейскому царю Соломону. По преданию, Сулейману было ведомо «неизреченное имя бога».

293. *Шейх* — см. примеч. к бейту 218. Здесь речь идет о Фарид-ад-дине Аттаре.

Заглавие 11. *Симург* — мифическая птица, повелевавшая, согласно преданиям, всеми птицами.

318. *Джебраил* — ангел, соответствующий архангелу Гавриилу у христиан.

329. . . . *Он же — тут, возле вас, будто шейная жила.* — Это парафраза одного изречения из Корана (50, 15), где

говорится о физической близости бога к верующему.

333. *Гостем принял тебя Сулейман в свой чертог. . .* — Сулейман — см. примеч. к бейту 290. Удод, по легендарным преданиям, был вестником при Сулеймане.

338. *Билькис* — легендарная возлюбленная Сулеймана (см. примеч. к бейту 290), библейская царица Савская.

377. *А разлука что — смерть. Восемь райских садов Будут хуже, чем ад и его семь кругов.* — По вероучению ислама, рай состоит из восьми роскошных тенистых садов с ручьями и реками, а в аду находятся семь «врат», своеобразных ярусов, расположенных один над другим и предназначенных для различных категорий грешников. Ср. Данте Алигьери. Божественная комедия. . ., с. 22—154; 318—440, 470—472.

393. *Звать их в сад отрешенья проворнее надо. . .* — Отрешение (арабск. фана — небытие, отрешение) — одно из основных понятий суфизма, высшая степень растворения собственного «я» в боге. См. наст. изд., с. 286—289. Ср. примеч. к бейту 177.

400. *Гумаюн* (Хумаюн) — сказочная птица, сень крыльев которой посылает всем высшую благодать; тот, кто удостоится попасть под сень крыльев названной птицы, может стать властителем, достигнуть властительного величия.

Заглавие 15. *Город Китай* — отражение далеких от реальности представлений о Китае, сказочной стране (см. бейты 407—410) неизъяснимой красоты. *Симург* — см. примеч. к заглавию 11.

415. . . *Каждый стал в рисованье умелым и спорым.* — Мусульманская традиция связывает изобразительное искусство с мастерством китайских умельцев, в особенности это распространяется на изображение людей, не имевшее у народов мусульманского региона прочной традиции. См. также бейт 416.

417. *Был один человек там уменьем высок. . .* — Речь идет о Мани (казнен в 244 г.), уроженце Месопотамии, которого мусульманская традиция считает великим художником и связывает происхождение его самого и его искусства с Китаем.

419. *Правду пишут мужи разуменья, считая Манихейскую мудрость твореньем Китая.* — Манихейство — ре-

лигиозное учение, возникшее на Ближнем Востоке в III в. Об основателе его Мани см. примеч. к бейту 417.

453. *Дастан* — сказание, поэма.

467. . . . *Но увидите шаха в единстве с собою.* — Шах — Симуург (см. примеч. к заглавию 11). Единство, единение с шахом, т. е. богом, — одно из основных понятий суфизма. Ср. примеч. к бейту 393. См. наст. изд., с. 286—289, 362, примеч. к бейту 153.

469. *Хызр* — легендарный мусульманский пророк, будто бы нашедший источник живой воды и обретший бессмертие; соответствует христианскому Илье-пророку. Хызр — символ вечно обновляющейся природы и ассоциируется в представлении верующих с зеленым нарядом.

471. *Индустан* — Индия. Попугай считался индийской птицей.

497. *Фархад* — легендарный герой народных сказаний и письменной литературы, каменотес-горопроходец.

576. . . . *Мне привычно летать над родным Индустаном.* — См. примеч. к бейту 471.

580. *То — зеркало стоит напрямик предо мной.* . . . — В фольклоре и в литературах народов Ближнего Востока и Средней Азии образ попугая часто связывается с зеркалом: свое отражение в зеркале попугай принимает за своего двойника и собеседника.

590. *Хоть зеркалом и речью кичишься ты вздорно.* . . . — См. примеч. к бейту 580.

600. *Брел он Хызром под ветхим зеленым покровом.* . . . — См. примеч. к бейту 469.

607. *Банг* (бенг) — наркотик, приготовленный из конопляных листьев и белены.

622. . . . *С Искандеровым только сравнится зеркалом.* — По преданию, Искандер (Александр Македонский) обладал чашей с зеркальной поверхностью, отражавшей весь мир.

630. *О себе говорил ты немало пред нами, — Целый сказ о Меджнуне, побитом камнями.* — В фольклорных и литературно обработанных сказаниях о Меджнуне (букв. — одержимом, безумном), прообразом которого был полулегендарный древнеарабский поэт Кайс, прозванный Меджннуном за его безумную любовь к красавице Лейли, имеются эпизоды, повествующие о том, как уличные зеваки и дети, изумленные его одержимостью, бегали за ним и кидали в него камни.

752. *Алтун* (букв. золото) — мелкая монета.

771. *Были все их привычки их кличкам под стать, Ну а клички их были привычкам под стать.* — Имена Мудбир и Мукбиль (см. бейт 770) в нарицательном их значении соответственно означают «злосчастный» и «счастливый».

827. *...Видно, идолам гнусным поклоны кладет.* — По древним воззрениям мусульман, все немусульмане («нечестивцы»), чуждые мусульманскому принципу единобожия, молятся многочисленным идолам («истуканам», «кумирам»).

861. *Батман* — мера веса, имевшая разное значение в различных местах (от нескольких килограммов до нескольких пудов).

876. *Мне привычно гнездиться во мраке развалин. . .* — По поверьям, ночные птицы — филины, сычи, совы гнездятся в покинутых людьми, полуразрушенных их жилищах, сторожа зарытые под ними клады.

891. *Феридун* (Афридун) — один из легендарных монархов древнего Ирана, обладатель несметных сокровищ. *Карун* — легендарный богач, упоминаемый в Коране.

898. *Сени крыльев моих столько счастья дал бог, Что под нею стать шахом и нищий бы смог.* — См. примеч. к бейту 400.

912. *Платят пять или десять дирхемов — по чину, Чтобы бедный ныряльщик кидался в пучину. . .* — Дирхем — мелкая серебряная монета. Ныряльщик — добытчик жемчуга. Образы, связанные с трудной добычей жемчуга в морских глубинах, очень распространены в ираноязычной и тюркоязычной поэзии.

927. *Ты твердишь, что свой коврик ты стелешь на воду. . .* — Имеется в виду коврик, на котором мусульмане преклоняют колени для молитвы. Стелить коврик на воду — значит совершать молитву небрежно, наспех, в том же самом месте, где только что совершалось предмолитвенное омовение.

938. *Люди ропщут: мол, путь-то к священным местам. . .* — Речь идет о двух священных городах мусульман — Мекке (см. примеч. к бейту 113) и Медине (см. примеч. к бейту 218).

950. *...Но гнезду ее — лотос предвечный опора.* — Речь идет о «лотосе крайнего предела», упоминаемом

в Коране (53, 14 и след.), — месте, где находится райская обитель.

972. *Он парит над девятым надоблачным слоем...* — См. примеч. к бейту 132.

977. *Шахиншах* — высший правитель, «шах шахов».

1017. *Искандер* — Александр Македонский (356—323 до н. э.), великий полководец, сказания о котором чрезвычайно популярны у народов Ближнего Востока, Средней Азии.

1037. *Тот един лишь, кто душу и тело забыл, Ум, безверье и веру всецело забыл.* — Речь идет о главном суфийском постулате, согласно которому истинное единение с богом («возлюбленным») возможно лишь на основе полной отрешенности от всего внебожественного — от собственного эмпирического бытия, от сует земного существования, даже от религии в ее внешнем, обрядовом проявлении.

1038. *Пламень верности жизнь и вселенную губит, И бесчестье, и веру — все тленное губит.* — См. примеч. к бейту 1037.

1039. *Тот, кто верен, не знает ни славы, ни срама, Отрешен от людей, отрешен от ислама.* — См. примеч. к бейту 1037.

1045. *...Кравчий! Счастье мне будет губительным ядом!* — Обращения к кравчему (виночерпию) обычны в суфийской поэзии как образное взывание к тому, кто поит хмельным напитком любви к богу в суфийском ее понимании. В этом бейте и в последующих (1046—1052) «конспективно» излагаются все те бедствия, которые претерпевает герой следующей за этим отрывком притчи (бейты 1053—1567).

1047. *...Веру в бога, рассудок и разум забуду.* — См. примеч. к бейту 1037.

1048. *Дом неверия лучшим из мест я признаю, Появжу я зуннар, даже крест я признаю.* — Дом неверия — обобщенный образ молитвенных заведений у немусульман: капища язычников-идолопоклонников, зороастрийских огнемолелен, христианских церквей и монастырей. Зуннар — кожаный, волосяной или грубошерстный пояс, ношение которого было обязательно для последователей зороастрийской религии и для христиан в качестве внешнего

отличия их от мусульман. В литературе зуннар — символ отречения от ислама.

1049. *Захмелев в кабачке, позабуду я честь И, спаливши Коран, стану идолов честь.* — Кабачок — образ все того же «дома неверия» (см. примеч. к бейту 1037), связанный со всеми пороками, которые считались чуждыми исламу, — винопитием, поклонением огню, в котором сгорает даже Коран, идолопоклонством.

1050. *Я в чертоге любви свою веру порушу, От стыда и от чести избавлю я душу.* — Этот бейт содержит двоякий смысл, вводимый автором, по всей вероятности (если учитывать содержание последующей притчи, — см. примеч. к бейту 1045), сознательно: с одной стороны, «чертог любви» явно включен в контекст окружающих бейтов (1045—1052) и приравнен к «дому неверия» (см. примеч. к бейту 1048), с другой — здесь говорится и о любви к богу в суфийском смысле, т. е. об отрешении от внешних проявлений веры (см. примеч. к бейту 1037). Герой последующей притчи шейх Санан (см. примеч. к бейту 1053) постигает истинную любовь, т. е. любовь к богу, через преодоление максимально возможного для суфия грехопадения.

1051. *Буду в колокол бить непотребным я звоном, Перед идолом ниц, дам я волю поклонам.* — Здесь опять говорится об атрибутах безверия. См. примеч. к бейтам 1048—1049.

1053. *Шейх Санан.* — Различные вариации рассказа о шейхе Санане, мусульманском праведнике, отправившемся по неизъяснимому зову сердца в христианские страны и полюбившем там девушку-христианку, но «прозревшим» и вернувшимся под сень «истинной» веры, получили широкое распространение в литературе Ближнего Востока, Средней Азии и Закавказья. Существует предположение, что сюжет легендарного рассказа восходит к фольклорным истокам и зародился в ираноязычной среде в период становления суфизма (см.: *Факи Тейран. Шейх Санан / Критический текст, перевод, примечания и предисловие* М. Б. Руденко. М., 1965. С. 4—5).

1054. *Кааба* — храм кубической формы в Мекке (см. примеч. к бейту 113), в нишу которого, находящуюся в восточном углу наружной стены, вделан черный камень, почитаемый мусульманами как святыня.

1059. *Джунаид* (ум. ок. 910), *Баязид Бистами* (ум. ок. 875) — почитаемые мусульманами суфийские шейхи (см. примеч. к бейту 218).

1067. *Рум* — Византия; в широком смысле — Запад вообще, обобщенный образ стран, населенных немусульманами.

1068. *Там забрел в монастырь он и вдребезги пьяным*
Стал молиться под стать бывшим там христианам. — См. примеч. к бейтам 1048—1049, 1051.

1096. *Жаром страсти горят там сто огнемолелен.* . . — См. примеч. к бейтам 1048—1049.

1108. *Гурии* — по мусульманским верованиям, вечно непорочные красавицы, предназначенные для услаждения праведников в раю.

1115. . . *Это точка под буквою в слове «беда».* — В начертании арабским алфавитом слово «беда» имеет точку под первой буквой. Особенности арабских букв часто обыгрываются в поэтических образах.

1120. . . *Ханаанских Юсуфов столикая свита.* — Ханаан — древнее название Финикии и Палестины. Юсуф — коранический персонаж, соответствующий библейскому Иосифу Прекрасному.

1122. *Буквой «нун» точка ямки в округлом окладе.* . . — В арабском алфавите буква «нун» имеет вид подковообразной дуги, обращенной просветом кверху, с точкой посередине. См. примеч. к бейту 1115.

1126. *Френги* — чужеземцы, жители Запада, европейцы.

1309. *Пусть повяжет зуннар да напьется он пьяным,*
Пусть он идолов чтит да простится с Кораном. — См. примеч. к бейтам 1048—1049.

1312. *Целый год нужно будет пробыть свинопасом,*
Да в молельне огонь сторожить час за часом. — Речь идет о занятиях, связанных, по представлениям мусульман, с безверием. Ср. примеч. к бейтам 1048—1049, 1051.

1351. *И в молельне его подвели к истуканам,*
И пред ними он пал в испуглении пьяном. — См. примеч. к бейтам 1048—1049, 1051.

1352. . . *Даже «Слово господне» спалили огнем.* — Речь идет о Коране.

1401. *Мюрид* — ученик шейха (см. примеч. к бейту

218), своего муршида, наставника, налагает на себя обет послушания и отказа от собственной воли.

1428. *Тюрбан* — головной убор из полотнища легкой ткани, обмотанной вокруг головы, чалма.

1460. ...*Свет добра, Хашимидского рода посол*. — Речь идет о Мухаммеде (см. примеч. к бейту 96), происходившем из рода Хашимидов.

1476. *Ветер утра, насыщенный мускусом пряным, Мускус ночи овеял камфарным туманом*. — См. примеч. к бейту 18.

1499. *Хырка* — ветхая одежда, рубище, власяница.

1561. О тахаллусе «Навои» см. наст. изд., с. 320—327.

1654. *Наджмиддин Кубра* (убит в 1221 г.) — знаменитый хорезмский шах (см. примеч. к бейту 218). Хорезм — см. примеч. к бейту 1666.

1655. ...*Позабыв своелюбие, сиял чистотою*. — См. примеч. к бейту 153.

1666. *Хорезм* — древнее государство в нижнем течении Аму-Дарьи.

1672. ...*Подтверждение* — сказ о друзьях из пещеры. — См. примеч. к бейтам 178, 182.

1675. *Анко* — см. примеч. к заглавию 4.

1705. *Днем лишь мысли о друге терзали его*. . . — Друг — бог, стремление к единению с которым — одно из основных понятий суфизма. См. наст. изд., с. 286—289.

1739. *Сотни черных несчастий судил ему рок, И в индийских пределах скитаться обрек*. — По средневековым мусульманским представлениям, Индия — страна чернокожих.

1749. ...*То в притоне поклоны кладу истуканам*. — См. примеч. к бейтам 827, 1049.

1768. *Бу Тураб Нахшаби* — полупоэтический легендарный шейх (см. примеч. к бейту 218) из г. Нахшаба.

1822. ...*И познал он: в дервишестве шахский престол*. — Дервиш — странствующий отшельник, отрекшийся от мирских благ и соблазнов.

1839. *Хыркани* (ум. ок. 1033) — знаменитый суфийский шейх.

1873. *Будет он, как невежда, упившийся властью, Тьму поклонов серебряным идолам класть*. — См. примеч. к бейтам 827, 1049.

1877. *Карун, Афридун* — см. примеч. к бейту 891.

1882. *Басра* — город на ю.-в. Ирака.

1883. *Динар* — золотая монета. *Хатам* — легендарный богач, славившийся своей щедростью.

1890. *У реки он прельстился запретной едой...* — Мусульманские религиозные установления различают дозволенную и запретную пищу.

1921. *Каландар* — то же, что дервиш (см. примеч. к бейту 1822). *Банг* (бенг) — см. примеч. к бейту 607.

1928. *Джемшид* — мифический правитель древнего Ирана, обладавший чашей, в которой отражался весь мир.

1968. *Арасту* — Аристотель, древнегреческий философ (384—322 до н. э.).

1972. *Искандер* — см. примеч. к бейту 622.

1974. *Афлатун* — Платон, древнегреческий философ (427—347 до н. э.).

1981. *Поклонясь тому идолу в рвенье примерном, Стал он идолов чтить в подражанье неверным.* — См. примеч. к бейтам 827, 1049.

2037. *...Похищающий души предвечный посл.* — Здесь говорится об ангеле смерти Азраиле.

2053. *...И настиг его ангел...* — См. примеч. к бейту 2037.

2085. *Ирем* — название сада, которым владел Шадат, герой народных сказаний, тиран-богоборец.

2136. *...И свершиться дано единенья усладам.* — См. примеч. к бейту 467.

2137. *Ибрахим ибн-ал-Адхам* (ум. ок. 777) — выдающийся суфий иранского происхождения.

2141. *Балх* — город на территории современного Афганистана. *Нишанур* — город на с.-в. Ирана.

2189. *Джам* — легендарный шейх.

2211. *Ходжа* — почетное прибавление, присоединявшееся к именам людей, которые вели свое происхождение от так называемых «праведных» халифов (см. примеч. к заглавию 5). *Порсо* — Мухаммад Порсо (ум. 1419) — знаменитый бухарский шейх.

2213. *Абу Наср* — Абу Наср Порсо (ум. ок. 1460), мюрид (см. примеч. к бейту 1401) шейха Порсо (см. примеч. к бейту 2211).

2226. *«Аминь»* — «истинно», «достоверно», арабск.

слово (из древнееврейского, откуда и аналогичное слово христианского религиозного обихода).

2330. *Абу Бакр* (ок. 853—935) — знаменитый шейх (см. примеч. к бейту 218) из Нишапура (см. примеч. к бейту 2141).

2337. . . *Завертелся он в пляске. . .* — Имеется в виду суфийский ритуал радения, состоявший из громких и экстатически нарастающих произнесений имени аллаха, сопровождавшихся музыкой и кружением.

2343. *Джунаид* — см. примеч. к бейту 1059. *Шибли* (ум. 946) — суфийский шейх (см. примеч. к бейту 218). *Бистами Баязид* — см. примеч. к бейту 1059. *Убайд Нури* (ум. 907) — суфийский шейх (см. примеч. к бейту 218). *Абу-л-Хайр Саид* — Абу Саид Фазлаллах ибн Абу-л-Хайр (968—1049) и знаменитый шейх (см. примеч. к бейту 218) из Хорасана.

2359. *Ходжа* (см. примеч. к бейту 2211). *Ансари* (1005—1093) — знаменитый шейх (см. примеч. к бейту 218) из Герата.

2365. *Если я единения с ним удостоюсь. . .* — См. примеч. к бейту 467.

2366. . . *Если мне единенья откроются грани.* — См. примеч. к бейту 467.

2374. *Бу Саид* — Абу-л-Хайр Саид. — См. примеч. к бейту 2343.

2380. . . *Тот цветник, где цветет единенья услада.* — См. примеч. к бейту 467.

2413. *Хутба* — молитва, читаемая по пятницам в соборной мечети и содержащая провозглашение здравицы правящему государю.

2416. *Чавган* — игра, разновидность поло: две партии всадников особыми клюшками отбивают друг у друга шар и стремятся загнать его в пространство между двух столбов.

2460. *Кровью сердце полно или прахом могильным — Бьется птицей подбитой в страданье бессильном.* — Цвета крови и земли (праха) традиционно ассоциируются в поэзии с образами птиц и их оперением. Ср. бейт 492.

2492. *Семь долин перед нами. . .* — В этой и последующих главах (148—165) говорится о семи долинах — семи ступенях мистического суфийского совершенствования на

пути к единению с богом (см. примеч. к бейту 467; см. также наст. изд., с. 286—289). Это — долины Исканий, Любви, Познания, Безразличия, Единения, Смятения, Отрешения. Следует сказать, что описание этих долин у Навои и притчи, приводимые им как иллюстрации описания долин, не ставят своей целью изложение суфийского учения. Навои, хорошо знакомый с суфизмом, но не принадлежащий сам к последователям этого учения (см. наст. изд., с. 300—301), берет у Аттара (см. примеч. к бейту 66 и к заглавию 9) лишь внешнюю канву повествования, в том числе и рассказ о семи долинах. Поэтому описание долин у Навои расходится с традиционными воззрениями суфизма и сопровождается притчами, лишь в самом общем виде связанными с соответствующими суфийскими представлениями, а иногда и противоречащими им (ср., напр., притчу, иллюстрирующую рассказ о долине Смятения, — бейты 2802—2946 — но повествующую о любви в ее «земном», а не суфийском понимании).

2495. *Долина Исканий* соответствует начальному этапу пути к единению с богом и отрешению от собственного «я» (см. примеч. к бейтам 393, 467, 1037) — исканию «единого пути».

2496. *Долина Любви* — второй этап, имеющий целью горение в истинной любви, т. е. любви к богу.

2497. *Долина Познания* — третий этап, на котором путнику надлежит проникнуться мыслью о том, что все видимые различия представляют собой лишь разнообразные проявления единой сути, т. е. бога.

2498. *Дол (долина) Безразличия* — четвертый этап пути, имеющий целью внушить путнику понятие о том, что все видимые ценности равны безотносительно к внешним размерам, величию или ничтожности и т. п.

2499. *Дол (долина) Единения* — пятый этап пути, на котором путник должен слить все свои помыслы и устремления в единое стремление к дальнейшему пути совершенствования.

2500. *Долина Смятения* — шестой этап пути, отражающий смятение разума перед многообразием проявлений в видимом мире некоей вечной и неизменной истины, т. е. бога.

2501. *Дол (долина) Отрешения* — седьмой и последний этап пути суфийского совершенствования, соответ-

ствующий обретению вечности в результате полной отрешенности от своего суетного «я» и слияния с искомым «другом», т. е. богом.

Заглавие 25. — См. примеч. к бейтам 2492, 2495.

2508. ...*А обет единенья вовеки неведом!* — См. примеч. к бейтам 467, 2492.

2518. *А познаешь ты сердцем бесценность жемчужин, — С ремеслом их добытчика станешь ты дружен.* — См. примеч. к бейту 912.

2519. *Если солнце взойдет, единеньем горя...* — См. примеч. к бейту 467, 2492.

2525. *Там неверью и вере назначен зарок: На едином пути нет различных дорог!* — См. примеч. к бейтам 467, 1037, 1038, 2365, 2499.

2579. ...*Страсть их сделала пламенной огнемолельней.* — См. примеч. к бейтам 1048—1049.

2580. *Если кто-нибудь в огнемолельню попал...* — См. примеч. к бейтам 1048—1049.

2588. *Асмаи* — Аль Асмаи, знаменитый грамматик.

2593. *Хиджазец* — житель Хиджаза, юго-западной части Аравийского полуострова, у берегов Красного моря.

2602. ...*Но жива в нем мечта единенья...* — См. примеч. к бейту 467.

2631. *Муса* — коранический пророк, соответствующий библейскому Моисею. *Фараон* — египетский деспот, упоминаемый в Коране (28,38; 28,40; 40,40).

2632. *Махди* — мессия в исламе, который должен явиться перед концом света. *Даджал* — мифическое существо, соответствующее христианскому антихристу.

2633. *Бу Джахл* — Абу Джахль, современник и злейший враг Мухаммеда. *Ахмад* — одно из имен пророка Мухаммеда (см. примеч. к бейту 96).

2643. ...*Этот — верен михрабу, тот — идолов чтит.* — *Михраб* — см. примеч. к бейту 205; *идолы* — см. примеч. к бейтам 827, 1049.

2687. *Ной* (Нух) — коранический пророк, соответствующий библейскому Ною.

2688. *Намруд* — имя мифического падишаха, будто бы погубленного мухами. *Халил* — прозвище пророка Ибрахима, которого, согласно преданиям, вверг в огонь Намруд.

2690. *Мессия* — то же, что Иса (см. примеч. к бейту 15).

2693. *Заххак* — легендарный правитель, славившийся жестокостью. *Мессия* — см. примеч. к бейту 2690.

2694. *Бахтуннаsr* — имя правителя, разрушившего Иерусалим (библейский Навуходоносор); *Нуширван* — иранский шах из династии Сасанидов (226—651), идеализируемый мусульманской традицией.

2699. *Девять небес* — см. примеч. к бейту 132.

2707. *И, фигуры расставив по крупному строю...* — Имеются в виду так называемые «большие шахматы» — стокеточная доска с бóльшим, нежели в современных шахматах, количеством фигур, правила передвижения которых также отличались от современных. Эти особенности «больших шахмат» отражены и в настоящей главе.

2709. *Тут везиры, что ходят прямой полосой...* — Везир (букв. — сановник, ближайший советник властителя) — фигура в «больших шахматах» (см. примеч. к бейту 2707).

2710. *Рум* — см. примеч. к бейту 1067.

2714. *А в строю боевом — и жирафы, и слон, И медведи, и башни...* — См. примеч. к бейту 2707.

2725. *...Он отцу своему становился заменой.* — Речь идет о превращении пешки на последней горизонтали в фигуру.

2752. *Мансур* — Мансур Халладж (857—922), суфий-еретик, который в экстазе слияния с божеством провозглашал себя божественной истиной («Я есмь истина божья»), за что был подвергнут мучительной казни: его публично бичевали, отсекли кисти рук, повесили вниз головой на виселице, побили камнями, в заключение отрубили голову и сожгли тело.

2755. *...И от висельной петли ты телом избавься.* — См. примеч. к бейту 2752.

2758. *Божий посланник* — см. примеч. к бейту 96. *Бурак* — см. примеч. к заглавию 4.

2760. *И пророк перед горним порогом предстал...* — См. примеч. к заглавию 4, бейт 158.

2774. *...Чуждо «я», и понятия такого там нету...* — См. примеч. к бейтам 153, 393, 1037, 2501.

2778. *...«Я» и «Ты» помышляешь в несходстве узреть!* — См. примеч. к бейтам 153, 393, 1037, 2501.

2780. Нет и признаков «я» в том блаженном приюте, Не бывало от века там двойственной сути. — См. примеч. к бейтам 153, 393, 1037, 2501.

2781. В «я» и «ты» проявление различий искать, И в едином двойкий обычной искать. . . — См. примеч. к бейтам 153, 393, 1037, 2501.

2850. . . Дивный звук даже с неба Венеру заманит! — См. примеч. к бейту 135.

2918. Muskus, камфара — см. примеч. к бейту 18.

Заглавие 31. Долина Отрешения — см. примеч. к бейтам 153, 2492, 2501.

2497. Отрешенье — см. примеч. к бейтам 153, 2492, 2501.

2964. Семь небес, шесть сторон и четыре основы. . . — Семь небес — см. примеч. к бейту 132; Шесть сторон — четыре направления в горизонтальной плоскости (север, запад, юг, восток) и два направления в вертикальной плоскости (зенит и противоположное ему направление — надир). Четыре основы — см. примеч. к бейту 23.

2967. Султан — титул правителя. Хакан — властитель, титул правящего государя.

2980. Аббас — один из прославленных суфийских шейхов (см. примеч. к бейту 218).

2982. Ханака — обитель, странноприимный дом для дервишей (см. примеч. к бейту 1822).

2986. Мне свершить омовенье надумалось что-то, А потом опорожниться будет охота! — Имеется в виду ритуальное омовение (в данном случае — перед очищением желудка).

3000. Дервиш — см. примеч. к бейту 1822.

3005. Видя все это, праведный муж отрешенья Своелюбьем не тешился ни на мгновенье. — Отрешенье — см. примеч. к бейтам 153, 2492, 2501. Своелюбие — см. примеч. к бейту 153.

Заглавие 32. Бахауддин Накшбанди (1318—1389) — знаменитый бухарский шейх, глава суфийского ордена Накшбанди, проповедовавшего крайний аскетизм и пантеистическую любовь ко всему живому.

3025. Но они на стезю отрешения стали, И нетленны в пути единения стали. — Отрешение — см. примеч. к бейтам 153, 2492, 2501. Единение — см. примеч. к бейтам 467, 2492, 2499.

3041. *Рассказать, как их жгло в единенье заветном. . .* — См. примеч. к бейтам 467, 2492, 2499.

3043. *Лишь тогда суть вещей познает он, когда Вось сгорает дотла, не оставив следа.* — См. примеч. к бейту 2496.

3050. *Если в жар отрешенья не бросишь ты тело. . .* — Отрешенье — см. примеч. к бейтам 153, 2492, 2501.

3055. *О Фани! Речь про суть отрешенья смири, Единения ждешь — в отрешенье сгори.* — Фани — см. примеч. к бейту 177. Отрешенье — см. примеч. к бейтам 153, 2492, 2501. Единенье — см. примеч. к бейтам 467, 2492, 2499.

Заглавие 34. *Суфиян Сури* (ум. ок. 783) — один из знаменитых суфийских шейхов (см. примеч. к бейту 218).

3065. . . *Без остатка два мира погибнуть могли бы.* — Два мира — земная жизнь и загробный, грядущий мир.

3066. *Кто в морях отрешенья застигнут потопом. . .* — Отрешенье — см. примеч. к бейтам 153, 2492, 2501.

Заглавие 35. *Долина Отрешения* — см. примеч. к бейтам 2492, 2501.

3093. *Семь небес* — см. примеч. к бейту 132.

3104. *Вдруг завеса расторглась, и славы глашатай Возблистал среди них, лучезарно-крылатый.* — Имеется в виду известный по сочинениям суфийского толка образ «лучезарного старца», олицетворяющий собою царство «разумной души», которая противостоит «растительной душе».

3169. *Во втором отрешенье — во благе безмерном Стал им истинный друг их наставником верным.* — Второе отрешенье — высшая ступень отрешения (см. примеч. к бейтам 153, 2492, 2501), на которой осуществляется слияние с «истинным другом», т. е. с богом. См. примеч. к бейту 1705.

3181. *О аллах, это слово — чудесное слово!* — Имя «Симург» омонимично сочетанию персидских слов «си» (тридцать) и «мург» (птица).

3182. *Тридцать птиц на Симурга мечтали взглянуть, А узрели себя лишь: «си мург» — вот их суть.* — См. примеч. к бейту 3181.

3193. *Свет лучей единения дан его взгляду, Меж «тобою» и «мною» сорвавший преграду.* — См. примеч. к бейтам 153, 393, 467, 1037, 2492, 2499.

3209. *Смысл сокрытый, что стал для меня достижим,*

Птичьей речью теперь я поведал другим. — См. наст. изд., с. 296—300.

3260. . . *Я о них птичьей речью слагал это слово.* — См. наст. изд., с. 296—300.

Заглавие 39. *Шейх* — здесь речь идет об Аттаре. См. примеч. к заглавию 9.

3274. *Асаф* — мифический сподвижник Сулеймана (см. примеч. к бейту 290).

3278. *То — предвечная птица над Кафом парила.* . . — См. примеч. к заглавию 4.

3290. . . *Как Джемшид, извлекал он напевы из чаши.* — См. примеч. к бейту 1928.

3294—3295. *Только люди из тюркского рода простого, У которых понятливость очень толкова, Пребывали лишенными всех этих благ, Сути птичьих речей не внимая никак.* — Слова о «простом тюркском роде» следует понимать как формулу авторского этикета, требовавшего смиренности и уничижительности в самохарактеристике. Вместе с тем Навои здесь подготавливает читателя к восприятию последующих, заключительных частей поэмы, где он говорит о своей роли поэта, впервые в полный голос обосновавшего право тюркского языка стать языком поэзии и впервые создавшего на этом языке образцы поэзии, которые поднялись до уровня произведений, написанных на языке фарси (см. наст. изд., с. 267—268).

3297. *Я же в лавках Аттара смиренным обетом Брал и сласти и сахар зимою и летом.* — См. примеч. к заглавию 9 и бейту 265.

3302. . . *Тюркской речью повел я рассказ за рассказом.* — См. примеч. к бейтам 3294—3295.

3309. *Духом шейха дана мне подмога—награда.* . . — Шейх — Аттар (см. примеч. к заглавию 9).

3310. *Кикнус* (из греч. *κίχνος* «лебедь») — мифическая птица, возрождающаяся из собственного пепла после сгорания. Ср. греч. *φοῖνιξ* «феникс».

3318. *Фисагурс* — Пифагор (ок. 580—500 до н. э.), древнегреческий философ и математик, которому мусульманская традиция приписывает также и изобретение музыкальных ладов.

3319. . . *Основал он закон мусикийских наук.* — См. примеч. к бейту 3318.

3379. *Кайс* — см. примеч. к бейту 633.

3447. *Махмуд* (997—1030) — султан из династии Газневидов (977—1186). *Аяз* — слуга Махмуда, его любимец.

3461. . . «*Я*» и «*ты*» — *этих сует в нем нет и следа*. — См. примеч. к бейтам 153, 393, 1037, 2501.

3467. *Ты в себе уничтожь его брвенную суть*. . . — См. примеч. к бейту 393.

3474—3475. — «*Я*» и «*ты*». . . — См. примеч. к бейтам 153, 393, 1071, 2501.

3480. «*Гулистан*» («Цветник»), «*Бустан*» («Сад») — названия произведений Саади (1206—1291), великого персидско-таджикского поэта.

3481. «*Речи птиц*» — см. примеч. к бейту 66, к заглавию 9, а также с. 268—275.

3500. *Знамя тюркских стихов я подъял над собою*. . . — См. примеч. к бейтам 3294—3295.

3501. *Пять сокровищ бесценных, диванов — четыре Довелось мне безбедно создать в этом мире*. — Имеются в виду пять поэм Навои, объединенных в «Пятерицу», и четыре дивана (сборника) лирических стихотворений.

3504. *Дал бы бог сей заветной тетради подмогу, Чтобы к ней пересказ мне создать понемногу*. — Тетрадь — рукопись поэмы Аттара «Речи птиц» (см. примеч. к бейту 66, к заглавию 9, а также с. 268—275). Пересказ — имеется в виду создание подражания («назира») названной поэме Аттара. См. наст. изд., с. 325—327.

3509. *И когда мне уже шестьдесят подступало*. . . — См. наст. издание, с. 296—297.

3510. *Шейх* — Аттар.

3517. *Так искатель жемчужин средь мук и невзгод*. . . — См. примеч. к бейтам 912, 2518.

3522. *Людам мира ведь дал сам поэт достославный*. . . — Поэт — Аттар.

3526. . . *Пусть не ищет в едином двоякую суть!* — См. примеч. к бейтам 153, 393, 1070, 2501.

3544. *Даст мне друг мой желанный свою благодать*. . . — Друг — см. примеч. к бейту 1705.

Заглавие 48. *Тахаллус* — см. наст. изд., с. 295—296.

3551. *Саади* — см. примеч. к бейту 3480; *Низами* (ок. 1141—1209) — великий азербайджанский поэт; *Хосров Дехлеви* (1253—1325) — известный индо-персидский поэт;

Джами (1414—1492) — персидско-таджикский поэт, старший друг и наставник Навои.

3553. . . *И стихам моим послан был знак «Навои».* — «Навои» означает «вдохновенно поющий». См. наст. изд., с: 320—324.

3555. *Но стремил я перо и к персидскому слову. . .* — Навои принадлежит и диван (сборник) стихов на персидском (персидско-таджикском) языке.

3558. *Здесь уместнее было б, в согласье с их пеньем, Дать припев «Навои» сим напевным твореньям.* — См. примеч. к бейту 3553.

3560. *Тюркский строй был основой повести этой, И тавро «Навои» быть должно бы ей метой. . .* — Все свои произведения на тюркском языке, кроме поэмы «Язык птиц», великий поэт подписывал тахаллусом «Навои». См. наст. изд., с. 324.

3563. *Здесь конца не достигнешь, не став отрешенным,* — *Потому — знак «Фани» на труде завершеном.* — Отрешение — см. примеч. к бейтам 393, 2492, 2501. Фани («отрешенный») — см. примеч. к бейту 177. См. также наст. изд., с. 322.

3564. Шейх — Аттар.

3566. Отрешенье — см. примеч. к бейтам 393, 2492, 2501.

Заглавие 49. *Повелитель стези ислама* — образный титул, которым Навои награждает султана Хусейна Байкара (1438—1506), правителя из династии Тимуридов и поэта, который был другом его детских лет. Навои служил при дворе Хусейна и, по правилам этикета, должен был в своем произведении вознести хвалу правящему государю.

3573. *Султан Хусейн* — см. примеч. к заглавию 49.

3578. *Дабы в кущах времен птица счастья парила, Чья одна только сень — благодатная сила.* — См. примеч. к бейту 400.

3585—3586. *С той поры, как из Мекки глава всех пророков На Медину пошел, — вот от сих самых сроков, Как в людские сердца пал сей огненный свет, Девятьсот да четыре исполнилось лет.* — Уход Мухаммеда — «главы всех пророков» (см. примеч. к бейту 96) из Мекки (см. примеч. к бейту 113) в Медину (см. примеч. к бейтам 113, 236) в 622 г. является начальной датой мусульманского летосчисления (так называемая «хиджра» — «переселе-

- ние»). 904 г. по хиджре приходится на 1498—1499 гг.
3588. *Две луны миновало. . .* — т. е. два месяца.
3590. . . *А конец — это знак возвращенья к началу.* —
См. наст. изд., с. 276, 298—299.
3595. . . *Пусть за нас за двоих в нем не будет стыда.* —
Двое — Аттар и сам Навои.

СОДЕРЖАНИЕ

Алишер Навои. Язык птиц. Перевод Сергея Иванова	5
---	---

ПРИЛОЖЕНИЯ

А. Н. Малехова. Поэма Алишера Навои «Язык птиц»	267
С. Н. Иванов. К переводческому истолкованию поэмы «Язык птиц» Алишера Навои	330
Примечания	359

АЛИШЕР НАВОИ
ЯЗЫК ПТИЦ

Утверждено к печати
Редколлегией серии
«Литературные памятники»

Редактор издательства *М. С. Фомкин*
Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *А. Ф. Сергеев*
Корректоры *О. И. Буркова*
и *С. И. Семглазова*

ИБ № 44848

ЛР № 020297 от 27.11.91 г.
Сдано в набор 06.03.92. Подписано к печати 18.11.93. Формат 70×90¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14.04. Уч.-изд. л. 16.3. Тираж 3000. Тип. зак. № 3164. С 618.

Санкт-Петербургская издательская фирма
ВО «Наука».
199034, Санкт-Петербург, В-34,
Менделеевская линия, 1.

Санкт-Петербургская типография № 1
ВО «Наука».
199034, Санкт-Петербург, В-34, 9 линия, 12.

